

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Колмогорцева Анастасия Алексеевна

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
доцент **Е. А. Рыльская**

Челябинск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ–ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	14
1.1. Интернет-зависимость как психологический феномен.....	14
1.2. Предпосылки возникновения интернет–зависимости личности.....	30
1.3. Концептуальные основы исследования.....	44
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРОВ ИНТЕРНЕТ–ЗАВИСИМОСТИ	52
2.1. Организация исследования.....	52
2.2. Методы и методики эмпирического исследования.....	55
2.2.1. Методики исследования.....	55
2.2.2. Методы математической обработки данных.....	60
2.3. Формирование исследуемых групп.....	61
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДИКТОРОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ.....	67
3.1. Психологические особенности личности с интернет–зависимостью.....	67
3.2. Качественное своеобразие проявлений личности с интернет–зависимостью.....	89
3.3. Прогностическая модель интернет–зависимости личности.....	96
ВЫВОДЫ.....	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	114
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	134
Приложение А. Анкета социально-демографических показателей.....	134
Приложение Б. Различия по показателям доминирующих копинг-стратегий, рефлексивности, жизнеспособности в группах с разной степенью	

сформированности интернет–зависимости.....	135
Приложение В. Различия по факторам опросника Кеттелла в группах с разной степенью сформированности интернет–зависимости.....	138
Приложение Г. Примеры выполнения рисуночного теста Вартегга.....	141
Приложение Д. Переменные, не включенные в анализ (пошаговый отбор).....	143
Приложение Е. Поточечные статистики.....	146

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. Первые разработки сети Интернет были проведены в 1969г. в США. Интернет в том виде, в котором мы знаем его сейчас появился в 1992г. По состоянию на январь 2020г. число мировых пользователей Интернета превысило 4,5 миллиарда, в России их количество составило 118 миллионов. Это значит, что Интернетом пользуются 81% россиян.

Стремительно ускоряющееся развитие современной информационной среды, построенной на повсеместном применении Интернета во всех сферах деятельности и обыденной жизни, стимулирует практически неконтролируемый рост пользователей «всемирной паутины». Она становится все более доступной для всех слоев населения как в техническом, так и материальном аспекте. Динамичное развитие компьютерных технологий, возрастание скоростей передачи данных, моделирование виртуального пространства в формате 3-D, удешевление технологических средств все более способствуют погружению личности в виртуальный мир. Будучи грандиозным приобретением, значимость которого для человечества трудно переоценить, Интернет, тем не менее, создает ряд проблем глобального гуманитарного плана, что влечет за собой необходимость изучения вопроса о социальных и психологических эффектах широко масштабной компьютеризации. Для целого ряда увлеченных интернет-пользователей глубокое и захватывающее погружение в виртуальное пространство начинает заслонять реальность, которая постепенно отходит на второй план. Возникают различного рода интернет-зависимости - болезненные пристрастия к использованию Интернета, проявляющиеся в многочасовых сеансах многопользовательских ролевых онлайн играх, «зависаниях» в социальных сетях и интернет-серфинг.

Интернет-зависимость как сравнительно «молодой» вид поведенческой зависимости дополняет «печальный» перечень уже известных форм аддиктивного поведения, связанного с воздействиями разного рода химических и нехимических агентов (алкоголь, никотин, наркотики и проч.). Причем доля нехимических аддикций постоянно возрастает. Пищевая, технологическая и другие

разновидности нехимических аддикций относятся к тем формам поведения, которые внешне не противоречат правовым, морально-этическим и культурным нормам, но вместе с тем нарушают целостность личности и гармоничность ее развития, осложняют межличностные взаимоотношения [9, 13, 43, 88, 99, 109].

Международные демографические исследования подтверждают, что интернет-зависимость стремительно распространяется и становится все более частым явлением во всем мире. В Южной Корее она рассматривается как одна из самых серьезных проблем национального здоровья. В Европе коэффициент распространенности интернет-зависимости среди населения варьирует в диапазоне от 2% до 4%, в США он составляет 5%, а в странах Азии проявления интернет-аддикции еще более серьезны и затрагивают 10,7% пользователей [136]. В России, по разным данным, диапазон распространения интернет-зависимости находится в пределах от 1,7% до 4,3% [69].

Таким образом, Интернет прочно вошел в нашу жизнь и привнес ряд изменений, в т.ч. на уровне психики человека. Обращение к современным зарубежным и отечественным психологическим исследованиям свидетельствует о том, что к настоящему моменту феномен интернет-зависимости достаточно подробно изучен. Выделены критерии интернет-зависимости (К. Young, M. Griffiths, А.Е. Войскунский, А.Ю. Егоров, В.Л. Малыгин), разработана классификация видов интернет-зависимости (К. Young, M. Griffits, А.Е. Войскунский, А.Ю. Егоров, В.Л. Малыгин). Определены факторы возникновения интернет-зависимости: нейробиологические (Y-W. Yao, А.И. Рабаданова, А.В. Урсу, В.А. Москвин), клинические (В.Л. Малыгин, А.Ю. Егоров, Л.О. Пережогин), генетические (А.О. Кибитов, А.В. Трусова, С. Montag), социальные (В.Л. Малыгин, Н.В. Сиврикова, Г.У. Солдатова, Н.А. Цой, К. Young), психологические (А.А. Антоненко, К.Г. Дмитриев, А.О. Кибитов, И.В. Колотилова, В.Л. Малыгин, Л.Н. Молчанова, Т.В. Пантелеева, А.В. Трусова, Q. Chen, M. Griffiths, M. Potenza). Имеются также работы, посвященные изучению предикторов интернет-зависимости или ее

прогностических предпосылок (А.О. Кибитов, Т.М. Корягина, А.В. Трусова, С.С. Frangos, С. Montang).

Несмотря на то, что исследованию интернет-зависимости посвящено значительное число работ и их количество продолжает возрастать, зачастую они довольно фрагментарны (т.е. направлены на изучение отдельных сторон этого феномена) и выполнены на выборках младших школьников, подростков и студентов. Категория пользователей в контексте формирования интернет-зависимости в периоды ранней и средней взрослости остается недостаточно изученной. Между тем, периоды ранней и средней взрослости наполнены важнейшими жизненными задачами профессионального становления, создания семьи и самореализации, а наличие зависимостей любого рода является неблагоприятным фактором личностного становления. Вышесказанное требует комплексного рассмотрения как качественно-своеобразных особенностей личности с интернет-зависимостью, так и ее психологических предикторов, позволяющих прогнозировать вероятность возникновения подобной аддикции.

Таким образом, возникает **противоречие** между практическим запросом на разработку эффективных психологических технологий профилактики интернет-зависимости, коррекции ее отрицательных последствий у пользователей периода взрослости и недостатком исследований психологических предикторов интернет-зависимости и особенностей личности с интернет-зависимостью, что определяет выбор темы и формулировку цели исследования.

Цель исследования – теоретическое обоснование и эмпирическое изучение психологических особенностей личности и их прогностической значимости для возникновения интернет-зависимости.

В соответствии с целью были выделены следующие **задачи исследования**:

1. На основе теоретического анализа проблемы выявить сущностные характеристики феномена интернет-зависимости и рассмотреть ее предпосылки.
2. Разработать концептуальную модель прогноза возникновения интернет-зависимости.

3. Проанализировать психологические особенности и качественное своеобразие личности с интернет-зависимостью.

4. Эмпирически верифицировать модель прогноза возникновения интернет-зависимости личности.

Объект исследования – интернет-зависимость как общепсихологический феномен.

Предмет исследования – комплекс поведенческих стратегий, психологических свойств и потенциалов личности, предрасполагающих к возникновению интернет-зависимости.

Гипотезы исследования:

Общие:

1. Личность с интернет-зависимостью обладает специфическими особенностями (поведенческими стратегиями, потенциалами и свойствами), позволяющими сформировать ее устойчивый психологический портрет.

2. Определенные психологические особенности личности могут выступать в качестве предикторов и «протекторов» формирования интернет-зависимости.

Частные гипотезы:

1. Преобладающие копинг-стратегии различны у интернет-пользователей с разной степенью сформированности интернет-зависимости.

2. Существует отрицательная взаимосвязь между интернет-зависимостью личности, ее рефлексивностью и жизнеспособностью.

3. Психологическая структура интернет-зависимости как комплекс ее личностных коррелятов будет различаться в периоды ранней и поздней взрослости.

4. Психологические особенности личности с интернет-зависимостью отличаются качественным своеобразием.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Общенаучной основой исследования является принцип сосуществования типов научной рациональности, позволяющий интегрировать способы научного познания, характерные для классической и неклассической психологии

(В.С. Степин). На общепсихологическом уровне этот принцип получает конкретное воплощение в коммуникативной методологии В.А. Мазилова, обеспечивающей возможности непротиворечивого соотнесения различных концепций и позволяющей сочетать количественные и качественные эвристические методы для решения исследовательских задач. Общепсихологические основания работы базируются также на принципе системности в познании психологических феноменов и теоретических представлениях о личности как открытой саморазвивающейся системе (диспозиционная теория личности Г. Олпорта). Конкретно-методологическая основа исследования – психологическая концепция жизнеспособности человека Е.А. Рыльской; теория рефлексии А.В. Карпова; комплекс научно-обоснованных представлений об интернет-зависимости А.Е. Войскунского, А.Ю. Егорова, В.Л. Малыгина, В.Д. Менделевича, В.А. Лоскутовой, М. Davis, М. Potenza, М. Griffiths, К. Young.

Этапы исследования. На первом этапе (2016-2017гг.) была выдвинута предварительная гипотеза, определены цель и задачи исследования, проведен анализ научной литературы и диссертационных исследований по теме работы. На данном этапе проведено пилотажное исследование, в ходе которого отобраны методики, необходимые для проверки выдвинутой гипотезы. На втором этапе (2017-2019г.) было выполнено основное эмпирическое исследование по изучению психологических особенностей личности с интернет-зависимостью и предикторы интернет-зависимости. Третий этап (2019-2021гг.) включал количественный и качественный анализ результатов, полученных в ходе изучения психологических особенностей и предикторов интернет-зависимости личности, формулировку обобщающих выводов, оформление текста диссертации.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет ($X=23,7$; $SD=5,26$), из них 137 женщин (47,4%) и 151 мужчина (52,6%). Респондентами выступили студенты ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», педагоги, проходящие обучение в ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения

квалификации работников образования», участники сообществ «World of Tanks» и «World of Warcraft», пользователи социальной сети «ВКонтакте». Выборка исследования формировалась простым случайным отбором. Репрезентативность выборки обеспечена распределением респондентов исследования по полу и возрасту в соответствии с показателями численности населения Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

– исследование проведено в русле представлений о личности как об открытой саморазвивающейся системе, что позволило рассмотреть интернет-зависимость в контексте ее неблагоприятного влияния на процесс личностного становления;

– проведенное исследование имело комплексный характер, позволивший преодолеть фрагментарность имеющихся разработок по проблеме и получить научные данные как о психологических особенностях личности с интернет-зависимостью, так и о предикторах интернет-зависимости личности;

– интернет-зависимость рассмотрена на выборке испытуемых периодов ранней и средней взрослости, которые ранее не были изучены;

– установлены взаимосвязи между показателями интернет-зависимости, жизнеспособности и рефлексивности, которые выступают в роли «протекторов» интернет-зависимости;

– показано, что психологические особенности интернет-зависимости определяются степенью ее сформированности и проявляются в избирательности предпочитаемых копинг-стратегий, а также в качественном своеобразии личностных черт;

– выявлено, что психологическая структура интернет-зависимости как комплекс ее личностных коррелятов у пользователей в период ранней и поздней взрослости не имеет существенных различий;

– разработана эмпирически обоснованная прогностическая модель, отражающая комплекс предикторов интернет-зависимости личности.

Теоретическая значимость исследования: расширено предметное поле феномена интернет-зависимости за счет его изучения на выборке возраста взрослости; обобщены и систематизированы теоретические представления о психологических предпосылках возникновения интернет-зависимости; разработана теоретическая модель прогноза возникновения интернет-зависимости личности; расширено представление о предикторах и «протекторах» интернет-зависимости личности.

Практическая значимость исследования.

Представленная прогностическая модель может использоваться в психологическом консультировании клиентов, скрывающих или неосознающих своего патологического пристрастия. Сформулированные теоретические положения и результаты эмпирического исследования являются основой разработки содержания программ высшего образования по психологическим направлениям подготовки в учебных курсах «Психология зависимостей», «Аддиктология», «Киберпсихология». Предложенный в работе комплекс научно-обоснованных диагностических методов и методик может быть востребован в индивидуальном и групповом психологическом консультировании при сопровождении лиц с интернет-зависимостью. Понимание психологических особенностей и предикторов интернет-зависимости личности позволяет осуществлять просветительскую работу, нацеленную на профилактику интернет-зависимости.

Методы исследования. Изучение степени разработанности проблемы осуществлялось посредством теоретического анализа литературных источников, сравнения и обобщения результатов методологических, теоретических и эмпирических разработок. Эмпирическое исследование было проведено с помощью следующих психодиагностических методик: «Шкала интернет-зависимости Чена» в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова, 16-факторный опросник Кеттела (форма С), методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, опросник рефлексивности А.В. Карпова, опросник «Жизнеспособность человека»

Е.А. Рыльской, «Рисуночный тест Вартегга» в адаптации В.В.Калиненко. Методы математической статистики: Н-критерий Краскала-Уоллеса, коэффициент корреляции r-Спирмена, Z-преобразование Фишера, χ^2 -Пирсона, дискриминантный анализ. Математическая обработка данных проводилась с применением стандартизованного пакета программ IBM SPSS Statistics 17.0.

Положения, выносимые на защиту:

1. Преобладающие копинг-стратегии различны у интернет-пользователей с разной степенью сформированности интернет-зависимости. Личность с интернет-зависимостью отличается большей склонностью к выбору в качестве доминирующей копинг-стратегии «Избегание проблем». Использование этой стратегии обусловлено недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблемных ситуаций. Стратегия «Разрешение проблем» преобладает в выборке испытуемых с отсутствием интернет-зависимости.

2. Существует отрицательная взаимосвязь между интернет-зависимостью личности, ее рефлексивностью и жизнеспособностью. Отсутствие навыков рефлексии у интернет-зависимых пользователей не позволяет им проанализировать чувства, эмоции, поступки, что приводит к непониманию процесса течения собственной жизни. Низкий уровень жизнеспособности свидетельствует о трудностях приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды, несамостоятельности и затруднениях с контролем и саморегуляцией, сниженном стремлении к саморазвитию, сложностях в построении жизненной перспективы и достижении поставленных целей.

3. Личность с интернет-зависимостью отличается эмоциональной нестабильностью, низкой нормативностью поведения, высокой тревожностью, консерватизмом, низким самоконтролем, эмоциональной напряженностью. Она характеризуется слабым и ранимым «Я», эмоциональной лабильностью, глубинной тревогой и ощущением угрозы, импульсивностью, нарушением связи с реальностью и страхом перед реальностью. Такой личности присуща неспособность справляться с ответственностью и тяжелыми жизненными

обстоятельствами, ее отличают слабые способности к мобилизации, нереализованность собственного потенциала, ощущение внутренней разобщенности, инфантилизм, склонность к избеганию контакта со своими чувствами, чувство одиночества. Типичным для личности с интернет-аддикцией является вытесненное чувство неполноценности, недостаточный интерес к достижениям, низкая витальность, пассивность, отсутствие самообладания, неспособность к противостоянию сложным жизненным ситуациям. Психологическая структура личности с интернет-зависимостью как комплекс ее коррелятов в периоды ранней и средней взрослости не имеет существенных различий.

4. Наиболее значимым свойством, препятствующим возникновению интернет-зависимости, является рефлексивность, выступающая наряду с жизнеспособностью в роли «протекторов» интернет-зависимости. Личность с высоким уровнем рефлексивности и жизнеспособности, не страдающая от интернет-зависимости, остается открытой саморазвивающейся системой. В свою очередь, эмоциональная нестабильность, низкий самоконтроль, высокая тревожность, низкая нормативность поведения и напряженность позволяют предсказать появление интернет-зависимости, являясь ее предикторами и препятствуя саморазвитию личности как открытой системы. Полученная прогностическая модель может служить основой для выявления группы риска и проведения профилактической работы.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивается непротиворечивой логикой теоретико-методологического обоснования исследования, четкой постановкой исследовательских задач, комплексом методов и методик, адекватных предмету, цели и задачам исследования, репрезентативностью выборки, корректным использованием методов математической статистики в сочетании с качественным анализом и интерпретацией полученных данных.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Содержание работы соответствует пункту 39 паспорта специальности 19.00.01 –

общая психология, психология личности, история психологии: «Психологические процессы переработки информации. Информационные технологии и их влияние на сознание, и личность человека. Человек в системах искусственного интеллекта. Информационные и эмоциональные аспекты взаимодействия человека с компьютером. Познавательные процессы и общение в компьютерных сетях».

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии развития и возрастного консультирования Южно-Уральского государственного университета (2016 – 2020 гг.); были представлены на Всероссийской научно–практической конференции «Дружининские чтения» (Сочи, 2016г.); Международной научно-практической конференции «Личность в эпоху перемен: *mobilis in mobili*» (Москва, 2018г.), VI Международной научно-практической конференции «Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал» (Красноярск, 2019г.), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2020» (Москва, 2020г.), Международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2020» (Санкт-Петербург, 2020г.).

Структура и объем диссертации: работа состоит из введения, трех основных глав (теоретический обзор, программа исследования, анализ результатов исследования), выводов, заключения, библиографического списка (всего 182 наименований, из них – 70 на иностранном языке) и 6 приложений. В работе имеется 25 таблиц и 7 рисунков. Общий объем работы 152 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ–ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ

1.1. Интернет-зависимость как психологический феномен

Зависимость (аддикция, англ. addiction – склонность, привычка) – навязчивая потребность совершать определенные действия, несмотря на неблагоприятные последствия физического, психологического или социального характера [75]. В современном мире наукой, изучающей нехимические и химические зависимости, механизмы формирования зависимостей, их диагностику, этапы развития, методы профилактики, лечения и реабилитации является аддиктология. Аддиктивное поведение является одной из форм девиантного (отклоняющегося) поведения и выражается в уходе от реальности посредством изменения психического состояния. Суть аддиктивного поведения заключается в стремлении изменить свое психическое состояние посредством приема некоторых веществ или фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности [4, 20, 25, 26, 41, 83, 91, 106]. В зарубежной литературе для описания феномена интернет–зависимости используется термин «internet–addiction» (интернет–аддикция), в то время, как более очевидный англоязычный эквивалент «dependence» (зависимость) рассматривается в контексте семантического поля таких явлений, как «несамостоятельность», «подчиненность» (S.-H. Chen, M. Griffiths, D.J. Kuss, K. Young, Y. Zhang и др.). Отечественные исследователи (А.Ю. Егоров, В.Л. Малыгин, В.Д. Менделевич, Т.В. Пантелеева, М.Г. Чухрова и др.) воспринимают концепты «интернет–аддикция» и «интернет–зависимость» как синонимы.

Анализируя психологические механизмы, являющиеся основополагающими при формировании различных видов зависимостей (химических и нехимических), особо выделяют эмоциональный уровень как начало процесса формирования зависимости. В процессе аддиктивной реализации человек испытывает эмоциональный подъем: чувство легкости, свободы, эйфории, удовлетворения,

расслабления, снижение уровня тревоги. Человеку свойственно стремление к психологическому комфорту и удовольствию. В нормальных условиях психологический комфорт достигается различными путями: преодолением трудностей, достижением поставленных задач, гармоничными взаимоотношениями со значимыми другими, занятием спортом, творчеством или хобби. По мнению А.О. Бухановского, Н.В. Дмитриевой, В.Д. Менделевича, Ц.П. Короленко, в случаях формирования зависимости множественный выбор стратегий поведения резко сужается, происходит фиксация на каком-нибудь одном способе достижения комфорта и получения удовольствия, все другие исключаются или отодвигаются на второй план и используются все реже. Важно отметить, что преобладающим элементом, объясняющим привлекательность фиксации на аддиктивном агенте, является возможность изменения своего психического состояния в любое время, без особых усилий для достижения удовольствия. Это ощущение контроля имеет значимое влияние в начале аддиктивной динамики. Создается опасная иллюзия свободы, самодостаточности, независимости. Происходит формирование новой аддиктивной личности, которая имеет собственную мотивацию, интересы, направленность, ценностные ориентации отличные от прежних [5, 17, 41, 57].

В России термин аддиктивные расстройства был впервые предложен одним из основоположников современной аддиктологии, профессором Ц.П. Короленко в начале 70-х годов. По словам Ц.П. Короленко развитию аддиктивного процесса способствует слабое суперэго, которое затрудняет преодоление фрустрации, мешает формированию волевых функций; выраженный, не полностью осознанный, психологический дискомфорт также способствует аддиктивной реализации. Он вводит понятие аутодеструктивного драйва – «желание не заменить одно психическое состояние другим, а как можно скорее «выпасть» из реальности, забыться, ничего не переживать, не чувствовать» [41, 71]. В 2001г. он предложил первую в России классификацию поведенческим (нехимических) зависимостей. Поведенческими называются зависимости, где объектом зависимости становится какая-либо форма влечения или поведенческий акт, а не

психоактивное вещество. Ц.П. Короленко выделил следующие виды нехимических зависимостей: азартные игры (гемблинг), аддикцию отношений, сексуальную и любовную аддикции, аддикцию к трате денег, работоголизм, а также промежуточные аддикции, аддикция к перееданию и голоданию. Затем А.Ю. Егоровым перечень поведенческих зависимостей был расширен за счет добавления технологических (в том числе интернет-зависимости) и некоторых видов социально-приемлемых аддикций и предложена следующая классификация [20].

Классификация нехимических аддикций:

1. Патологическое влечение к азартным играм (гемблинг);
2. Эротические аддикции:
 - 2.1 Любовные аддикции;
 - 2.2 Сексуальные аддикции;
3. Технологические (гаджет) аддикции:
 - 3.1. Интернет-аддикции;
 - 3.2. Аддикция к мобильным телефонам;
 - 3.3. Другие технологические аддикции (телевизионная аддикция и др.);
4. Пищевые аддикции:
 - 4.1. Аддикция к перееданию;
 - 4.2. Аддикция к голоданию;
5. Другие нехимические аддикции («социально приемлемые» аддикции):
 - 5.1 Работоголизм;
 - 5.2 Спортивные аддикции (аддикция упражнений);
 - 5.3 Аддикция отношений;
 - 5.4 Аддикция к трате денег (покупкам);
 - 5.5 Религиозная аддикция.

Основателями изучения феномена зависимости от Интернета могут считаться клинический психолог К. Young и психиатр I. Goldberg. Понятие интернет-зависимость изначально было предложено I. Goldberg в 1995г. на дискуссионном форуме психиатров. Он определил интернет-зависимость как

навязчивое (компульсивное) желание использования Интернета, приводящее к негативным последствиям в социальном взаимодействии, профессиональной деятельности, семейной сфере [136]. В 1996г. К. Young предложила рассматривать зависимость от Интернета как реальную новую клиническую патологию. Основываясь на критерии патологической игромании в DSM-IV, она создала 20-опросный тест, который измерял насколько серьезно Интернет влияет на социальную жизнь человека [178].

К. Young пишет, что сам по себе Интернет не обладает природой зависимости, но обладает такими специфическими признаками, которые стимулируют развитие привыкания у пользователя. Для объяснения наблюдаемого эффекта она предложила модель ACE (Accessibility, Control, Excitement). В приведенной модели она описывает три главные характеристики Интернета (доступность, контроль, возбуждение), повышающие вероятность формирования зависимости [136].

Доступность. Доступ к Интернету в настоящее время имеется практически у каждого, как дома, так и на рабочем месте. А с появлением гаджетов в виде смартфонов и планшетов выйти в сеть стало возможным где угодно и когда угодно. Такая технологическая доступность ведет к росту проблем. Учитывая широкую технологическую доступность Интернета, онлайн-услуги постоянно падают в цене. Следовательно, и финансовая доступность Интернета тоже вносит свой вклад в развитие интернет-зависимости.

Контроль. Контроль буквально означает личный контроль, который теперь можно осуществлять над своими действиями в сети. Это особенно актуальная проблема при использовании смартфонов и планшетов. При использовании этих устройств проявляется сильное чувство персонализации с помощью уникальных приложений и конфиденциальности. Контроль проистекает из отношения «это мое устройство», поэтому человек может постоянно заниматься какой-либо деятельностью без ведома других, что обеспечивает секретность, связанную с любыми действиями в сети. Следовательно, любое компульсивное поведение в Интернете можно скрыть.

Возбуждение. Серфинг в сети, несомненно, может быть захватывающим опытом из-за огромного количества стимулов, которым подвергается человек. Мультимедийная коммуникация по существу характеризуется наличием ярких цветов, удивительных изображений и волнующих звуков. То, что можно делать в сети, в том числе благодаря возможности сохранения анонимности, не всегда возможно в реальной жизни. Активное использование виртуальной сети обеспечивает изменение сознания у ее пользователя. Интернет-пользователь теряет ощущение времени и отвлекается от имеющихся реальных или потенциальных трудностей повседневной жизни. Снижается острота негативных переживаний и эмоционального напряжения, в первую очередь уменьшаются тревога и страх. Виртуальная сеть становится мнимым средством ухода от одиночества. Развитию зависимости способствует то, что человек осознанно или бессознательно выбирает избегание действительности и не разрешает имеющихся жизненных трудностей.

Дальнейшие исследования интернет-зависимости, проведенные М. Griffiths расширили перечень характеристик Интернета, повышающие вероятность формирования зависимости [134]. К списку характеристик, составленному К. Young, добавились следующие: погружение и диссоциация, дезингибиция. Рассмотрим их более подробно.

Погружение и диссоциация. Интернет может дать чувство диссоциации и погружения в среду, облегчая уход от реальности. Диссоциация и погружение могут порождать множество различных чувств, в том числе потерю чувства времени, чувство трансформирования в другую личность, помутнение рассудка, пребывание в состоянии транса. В тяжелых формах может доходить до множественных расстройств личности.

Дезингибиция. Эта характеристика, безусловно, является одной из ключевых преимуществ Интернета, поскольку несомненно, что Интернет делает людей менее зажатými. Пользователи открываются другим быстрее в онлайн-пространстве, а также быстрее раскрывают себя эмоционально. J.B. Walther назвал этот феномен как гиперперсональная коммуникация. Он утверждал, что она

возможна из-за 4 характеристик онлайн-коммуникации:

1. Коммуникаторы обычно разделяют социальные категории, чтобы почувствовать схожесть друг с другом (напр., игроки онлайн-покера).

2. Отправители сообщений могут показать только свои положительные стороны и поэтому могут быть более уверенными в себе.

3. Формат интерактивного взаимодействия (напр., нет других отвлекающих факторов, пользователи могут долго составлять сообщения, они могут отредактировать или удалить сообщение даже после отправки до момента прочтения его получателем).

4. Коммуникативная среда создает «петлю обратной связи», на которой выстраивается и укрепляется первое впечатление [172].

Дальнейшие исследования К. Young позволили выделить критерии интернет-зависимости [136]:

- всепоглощенность Интернетом;
- потребность проводить в сети все большее количество времени;
- при прекращении пользования Интернетом возникают симптомы отмены, причиняющие беспокойство;
- проблемы контроля времени;
- неудачные попытки уменьшить количество времени, проводимого в сети;
- проблемы с окружением (семья, друзья, школа, работа);
- ложь по поводу времени, проведенном в Интернете;
- изменение настроения посредством использования Интернета.

Выделенные критерии для диагностики интернет-зависимости, соответствуют тем известным шести компонентам, универсальным для всех вариантов аддикций [23, 24]:

- изменения настроения (mood changes);
- рост толерантности (tolerance);
- особенность, «сверхценность» (salience);
- симптомы отмены (withdrawal symptoms);

- конфликт с окружающими и самим собой (conflict);
- рецидив (relapse).

М. Orzack в своих работах выделяла ряд физических и психологических симптомов при интернет-зависимости. Физические симптомы проявлялись в виде болей в спине, туннельного поражения нервных стволов руки, связанного с длительным перенапряжением мышц кисти руки, головных болей по типу мигреней, сухости и покраснения глаз, пренебрежения личной гигиеной. К психологическим симптомам относятся невозможность остановиться, раздражение при нахождении не в сети, ощущение пустоты, депрессивные тенденции, увеличение количества времени, проводимого за компьютером, проблемы с образовательным процессом, профессиональной деятельностью и семейной сферой [136].

В ранних докладах об исследованиях интернет-зависимости отмечено небольшое количество случаев, которые выделяли лиц, зависимых от самого Интернета, а не использовали его как среду. Обычно это люди, которые использовали интернет-чаты – деятельность, которой они не смогут заниматься нигде, кроме Интернета. В недавних исследованиях тот же аргумент был использован для лиц, которые пристрастились к использованию сайтов социальных сетей. Эти люди в определенной степени участвуют в социальных онлайн-пространствах и могут презентовать себя в виртуальности отлично от реальной жизни, чтобы повысить самооценку. В этих случаях Интернет обеспечивает дополнительную, но ограниченную перспективу реальности для пользователей и позволяет им испытывать чувство принадлежности, которое может психологически компенсировать отсутствие социального поощрения в их реальной жизни [145, 182].

Модель патологического интернет-использования R. Davis, изображенная на рисунке 1, была первой моделью дифференцирующей различия между обобщенным патологическим интернет-использованием и специфическим патологическим интернет-использованием. R. Davis считал специфическое патологическое интернет-использование типом интернет-зависимости, где люди

патологически участвуют в конкретных функциях или применении Интернета (например, азартные игры, покупки), тогда как обобщенное патологическое интернет-использование является более общим, многомерным патологическим интернет-использованием [125].

Рис. 1 – Когнитивно-бихевиоральная модель патологического использования Интернета R. Davis

По мнению V. Starcevic концепция интернет-зависимости не подходит, если речь идет об использовании Интернета в качестве среды для реализации других аддикций и что ее следует заменить на аддикции от конкретных видов онлайн-деятельности (при условии, что каждая такая деятельность будет иметь поведенческие закономерности аддикции) [167]. J. Billieux утверждал, что расстройства, связанные с Интернетом должны быть концептуализированы в рамках спектра связанных, но вместе с тем независимых расстройств. Он предложил рассматривать поведенческие аддикции, такие как интернет-игровое расстройство, зависимость от социальных сетей или даже киберсексуальную зависимость как дисфункциональное поведение, которое связано с общими факторами (например, повышенная импульсивность и аддиктивная личность) и

специфическими факторами (например, различные мотивы и дисфункциональные познания, которые подкрепляют проблемное поведение) [114].

Другие ученые (M.-L. Seah, P. Cairns) рассматривали частное проявление интернет-зависимости, а именно зависимость от онлайн-компьютерных игр в контексте позитивной психологии и феномена «опыта потока». Они трактовали пристрастие к компьютерным играм как форму высокой вовлеченности и переживания опыта потока, которая в отличие от других видов интернет-зависимости, не является такой разрушительной и позволяет большинству игроков сохранять свое функциональное состояние [164]. В противовес этому мнению T.-J. Chou, C.-C. Ting была выдвинута идея о том, что опыт потока вызывает интернет-зависимость. Ученые утверждали, что опыт потока является предварительным условием развития интернет-зависимости, ввиду схожести стремлений к повторяющемуся поведению [124]. А.Е. Войскунский и Ш.Л. Ван, исследуя взаимосвязь интернет-зависимости и опыта потока, выявили, что напрямую они не связаны. Значимую промежуточную роль играли особенности внутренней мотивации человека, а также принятые в обществе правила и нормы. Не была обнаружена положительная корреляционная взаимосвязь между опытом потока и интернет-зависимостью в различных социальных группах людей, разделенных на основании культурных особенностей, возраста, пола. В одной группе люди могли иметь сочетание высокого уровня опыта потока и низкого уровня интернет-зависимости, а в другой группе люди могли иметь сочетание высокого уровня интернет-зависимости и низкого уровня опыта потока. Это было обосновано с точки зрения, различных занимаемых позиций по отношению к Интернету в этих группах [7, 8].

В связи с большим количеством дискуссионных вопросов относительно концептуализации феномена интернет-зависимости и критериев диагностики, в США в 2013г. был проведен международный симпозиум по утверждению критериев диагностики интернет-аддикции, при пересмотре DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fourth edition) и утверждении DSM-V. Американская психиатрическая ассоциация собрала рабочую группу из

представителей различных стран: США, Германия, Нидерланды, Китай, Сингапур, Мексика, Франция, Испания, Австралия. Рабочая группа сочла накопившиеся клинические исследования недостаточными для включения интернет-аддикции в DSM-V. Однако в раздел «заболевания, требующие дальнейшего изучения» было включено «интернет-игровое расстройство», а также были предложены критерии для оценки интернет-игрового расстройства: поглощенность, толерантность, «уход» от реальности, неудачные попытки остановиться или снизить потребление контента, потеря интереса к другим увлечениям, чрезмерное «играние», несмотря на проблемы физического и психологического характера, обман, избавление от негативного настроения, потеря работы, карьеры, учебы [159].

В мае 2019г. на заседании Всемирной ассамблеи здравоохранения была утверждена 11 версия Международного классификатора болезней (МКБ–11), которая вступит в действие с 1 января 2022г. В МКБ–11 включено «игровое расстройство» – как модель игрового поведения (при игре в цифровые игры или видеоигры), отличающаяся нарушением контроля за игрой, отведением игре все большего приоритета по сравнению с другими видами деятельности до такой степени, что ей отдается предпочтение перед другими интересами и повседневными занятиями, а также продолжением или интенсификацией игровой деятельности несмотря на появление нежелательных последствий.

В нашем исследовании мы придерживаемся следующей позиции в понимании феномена интернет-зависимости. Во-первых, мы разделяем точку зрения М. Griffiths, который утверждает, что существуют зависимости, реализующиеся в Интернете (онлайн-гемблинг, киберсексуальная зависимость) и зависимости от Интернета (интернет-серфинг, зависимость от социальных сетей, зависимость от онлайн-ролевых игр), т.е. ряд пользователей используют Интернет как среду для реализации аддиктивного поведения, а другие пользователи зависимы от самого Интернета [136]. Но при этом зависимости в Интернете (онлайн-гемблинг, киберсексуальная зависимость) мы рассматриваем как виды интернет–зависимости, а не только как продолжение аддикций, которые

реализуются в сети, придерживаясь точки зрения К. Young. Она утверждает, что Интернет обладает специфическими признаками, такими как доступность, контроль и возбуждение, которые определяют специфику онлайн формата аддикций и в связи с этим не могут быть тождественны оффлайн формату [136, 179]. Таким образом, мы считаем, что интернет–зависимость представляет собой сборную группу различных поведенческих зависимостей (видов интернет–зависимости), реализуемых за счет всемирной информационной компьютерной сети. Далее мы рассмотрим классификацию видов интернет-зависимости и специфические возможности реализации зависимостей в Интернете.

В настоящее время нет единой утвержденной классификации видов интернет-зависимости, но в основном выделяют (К. Young, M. Griffiths, А.Е. Войскунский, А.Ю. Егоров, В.Л. Малыгин): зависимость от использования социальных сетей, зависимость от онлайн-ролевых игр, онлайн–гемблинг, киберсексуальную зависимость и интернет–серфинг, т.е. интернет-зависимость подразделяют на виды, где основанием для разделения являются конкретные используемые приложения/сайты или способ деятельности в сети. Далее мы рассмотрим каждый вид более подробно.

Наиболее распространенный вид интернет–зависимости – это зависимость от онлайн-ролевых игр. MMORPG (массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра) –компьютерная игра, в которой жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн-игр. Основной чертой этого жанра игр является взаимодействие большого числа игроков в рамках виртуального мира. Игровое пространство существует постоянно и не зависит от выхода из него какого-либо игрока. Наиболее популярными играми являются: «World of Warcraft», «World of Tanks», «Star Wars: The Old Republic». На сегодняшний день насчитывается порядка 500 млн. геймеров по всему миру. Вышеуказанные игры относятся к жанру стратегических игр. Такие игры позволяют геймеру переживать ситуацию успеха, в случае поражения противника, что выступает дополнительным подкреплением данного вида деятельности.

V. Stavropoulos, исследуя структуру личности молодого онлайн-геймера, выделил три фактора, влияющих на развитие зависимости от онлайн-ролевых игр:

– процесс индивидуализации и автономии от родительского мира, необходимый для молодых людей, чтобы сконструировать их собственную идентичность;

– поиск «убежища» в видеоиграх, как способ избегания общения и конфликтов;

– использование видеоигр в ответ на разрушение представлений о самом себе [168, 169].

Особенности онлайн-игр, провоцирующие развитие интернет-зависимости заключаются в следующих аспектах:

– бесконечность: не существует конца игры, она продолжается 24 часа в сутки, 7 дней в неделю и, следовательно, доступна днем и ночью;

– погружение: магические и эстетические миры помогают значительному визуальному привлечению;

– важность взаимозависимости игрового сообщества, т.к. геймеры не раскрывают их настоящей личности и идентичности, а социальная реакция в общественной сфере занимает второе место [136].

Стоит также отметить, что ряд проведенных исследований позволяют наметить тенденцию в определении профилей пользователей, у которых проявляются тот или иной вид интернет-зависимости. Так, экстраверты чаще выбирают онлайн-ролевые игры, где реализована возможность взаимодействия с большим количеством игроков, в т.ч. создание кланов. Интроверты при этом выбирают так называемые однопользовательские игры [3, 170].

Следующий вид интернет-зависимости – это онлайн-гемблинг. Гемблинг – это патологическое влечение к азартным играм. Онлайн-гемблинг реализуется через Интернет. Сегодняшние разработки в области цифровых технологий говорят о том, что онлайн-гемблинг будет процветать по нескольким причинам. Например, продуманное гемблинговое программное обеспечение, системы электронных денег (включая мультивалюту), многоязычные сайты, повышенный

реализм (т.е. реальный гемблинг через вебкамеры, аватары игрока и дилера), удаленные ставки (для одиночного и группового гемблинга), а также улучшенная клиентская поддержка. М. Griffiths утверждает, что онлайн-гемблинг не относится к интернет-зависимости, т.к. гемблеры используют Интернет как среду для своего патологического пристрастия. Но стоит отметить, что онлайн-гемблинг имеет некую специфику. Так, для большинства гемблеров электронные деньги представляют меньшую ценность, чем реальные, что временно разрушает финансовую ценностную систему гемблера и стимулирует его на дальнейшую игру. Это очень хорошо знают специалисты игровой индустрии (люди тратят больше, когда их деньги находятся на карте). По сути, чипы и токены скрывают ценностную характеристику денег, т.е. снижают психологическую ценность денег, которые используются для ставок. Исследования доказывают, что люди делают большие ставки электронными деньгами, чем реальными [136]. Исследования М. Sevigny и соавт. показали, что шансы на выигрыш в демо-версиях или бесплатных играх значительно выше. Они также показали, что победные сессии в демо-версиях игры длятся дольше. При этом, когда гемблеры начинают играть на реальные деньги, их шансы на выигрыш значительно ниже [136]. Некоторые сайты интернет-гемблинга используют скрытое внедрение конкретных слов на странице своего сайта через использование метатегов. Метатег – это команда, спрятанная в веб-странице, с целью того, чтобы помочь поисковым системам категоризировать сайты (т.е. сообщение поисковой системе того, как нужно проиндексировать сайт). Одним из способов привлечь больше трафика на сайт является включение тех слов, которые пользователи чаще всего ищут в интернете. Некоторые сайты интернет-гемблинга включают такой термин как «компульсивный гемблинг» в свои страницы. Это значит, что поисковая система проиндексирует такой недобросовестный сайт соответствующим образом, и пользователи будут видеть этот сайт, когда будут искать информацию о проблемном гемблинге. Т.е. люди, которые ищут помощи, страдая от гемблинга, будут «наткаться» на эти сайты. Это очень недобросовестная практика, которая в настоящий момент является абсолютно законной, оказывая влияние на

проблемных гемблеров. Еще одним приемом воздействия на пользователей является всплывающие окна. Очевидно, что сайты, использующие всплывающие окна, надеются, что пользователь не устоит перед соблазном перейти на их сайт. Это также относится и к поп-ап рекламе, которая появляется во время поиска информации в Интернете, предлагая пользователям бесплатно поставить ставки в онлайн-казино, «завлекая» тех, кто ранее не думал об онлайн-гемблинге. Поп-ап реклама может также вовлекать тех, кто пытается избавиться от проблемного гемблинга. Интернет-гемблеры предоставляют информацию, которая используется для составления профиля пользователя. Эти данные могут показать, как пользователи ведут себя во время совершения тех или иных финансовых транзакций (т.е. в каких играх они ставят ставки, как долго, сколько денег они тратят). Эта информация помогает компаниям удерживать пользователей, а также может использоваться для существующей базы данных клиентов и программ лояльности.

Еще один вид – это киберсексуальная зависимость, которая определяется как непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом. А. Goodman сформулировал перечень диагностических критериев для сексуальной аддикции:

- периодическая неспособность сопротивляться импульсам к специфическому сексуальному поведению;
- нарастание ощущения напряжения, непосредственно предшествующего началу сексуального поведения;
- удовольствие или облегчение во время осуществления сексуального поведения;
- некоторые симптомы расстройства проявляются по меньшей мере один раз в месяц или повторяются периодически в течение более длительного периода времени [75].

Особенности пространства сети создают привлекательные условия для занятия киберсексом. Во-первых, анонимность электронных связей позволяет многим тайно посещать эротические сайты, не боясь быть узнанным или

пойманным супругом(ой). Во-вторых, удобство интерактивных приложений оказываются очень простым способом для общения с другими людьми и для достаточно близкого знакомства. Киберсексуальную зависимость сложно диагностировать ввиду специфики потребляемого контента и более тщательного сокрытия своей деятельности пользователями [146, 148]. Важно отметить, что киберсексуальная зависимость отражается на фундаментальной ячейке общества – семье. В паре один из супругов начинает избегать интимных отношений, ввиду удовлетворения сексуальных потребностей в виртуальном мире. С течением времени между супругами происходит все большее эмоциональное разобщение и дистанцирование, что приводит к все большему количеству конфликтов, растет напряженность и неудовлетворенность отношениями, что в большинстве случаев приводит к разрыву отношений и разводу.

Четвертый вид – это зависимость от социальных сетей, которая проявляется в компульсивном желании постоянно находиться онлайн в своем аккаунте [133]. Самые популярные социальные сети в России – это ВКонтакте и Instagram, за рубежом – Facebook. Социальная сеть позволяет конструировать виртуальную идентичность, нивелирует напряженность, которая возникала бы при взаимодействии «лицом к лицу», позволяет избежать ответственности за действия, которые в реальной жизни имели бы последствия (непристойное поведение, «троллинг»). А.Е. Войскунский вводит понятие альтернативной идентичности, подразумевая под этим наличие у пользователя Интернета множественных (двух и более) сетевых идентичностей [10].

Ожидание эйфории при использовании социальных сетей может быть связано с природой их структурных особенностей, поддерживаемых алгоритмами, специально разработанными для того, чтобы «зацепить» пользователей. Базовые алгоритмы предназначены для влияния на личные предпочтения и выбор пользователей с помощью настраиваемых циклов обратной связи. Эти алгоритмы основаны на поведенческих принципах, то есть периодическом подкреплении, которое побуждает пользователей проводить больше времени в социальных сетях.

Проведенное в 2013 году исследование интернет-аддикции в США вводит новый термин «страх выпадения» (the fear of missing out), который трактуется как форма социальной тревожности, компульсивная тревога, что человек может пропустить возможность социальной интеракции, нового опыта. Это расстройство в большинстве случаев наблюдается у людей с неудовлетворенными психологическими потребностями, такими как потребность в любви и принятии и часто проявляется через современные технологии (мобильный телефон, социальные сети), которые обеспечивают постоянную возможность для сравнения своего статуса с другими людьми [171].

Интернет-серфинг – это разновидность интернет-зависимости, которая проявляется в неупорядоченном поиске информации, просмотре различных YouTube-каналов, прочтение статей, заметок, комментариев к ним и т.д., что в итоге приводит к потере продуктивности и информационной перегрузке. Некоторые интернет-серферы рационализируют свое пристрастие говоря о том, что таким способом они обучаются и приобретают новые навыки. Но более детальное изучение мотивов потребления различного контента, свидетельствует о том, что основным мотивом является отчуждение от реального мира, совладание с высоким уровнем внутренней тревожности, боязнь встретиться со своими внутренними переживаниями. Высокая степень сенсорной стимуляции и большое количество поступающей информации позволяют «забыться» и «убежать» от проблем повседневности.

Таким образом, можно сказать, что основой для построения классификации видов интернет-зависимости является специфика потребляемого контента, предоставляемого виртуальной сетью. Также стоит отметить, что отсутствие выверенных общих критериев диагностики является существенным ограничением для анализа распространённости интернет-зависимости. В настоящее время существует множество дискуссионных вопросов, касающихся нозологической принадлежности, клинических проявлений, критериев диагностики, а также подходов к лечению и профилактике интернет-зависимости.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что феномен интернет-зависимости в отечественном и зарубежном подходах пока остается вне психиатрической практики, т.е. на данный момент не признается как клиническая проблема. В нашем исследовании мы рассматриваем интернет-зависимость как психологический феномен. Интернет-зависимость – это навязчивое (компульсивное) желание использования Интернета, приводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии (I. Goldberg). Интернет–зависимость характеризуется типичными маркерами, свойственными для любого вида зависимости, такими как: сверхценность, изменение настроения, ростом толерантности, симптомами отмены, конфликтами с окружающими и самим собой, рецидивом.

1.2. Предпосылки возникновения интернет-зависимости личности

Интернет–зависимость как аддиктивный процесс имеет свои предпосылки возникновения. На современном этапе развития науки все большую популярность приобретает мультидисциплинарный подход в изучении этого феномена. В психологической, психотерапевтической и медицинской литературе обозначены клинические, нейробиологические, генетические, социальные и психологические факторы возникновения интернет-зависимости.

Нейробиологические факторы. По мнению ряда исследователей (G. Dong, L. Liu, N. Vaidya, A. Weinstein, Y-W. Yao, Y. Zhu, А.И. Рабаданова, А.В. Урсу), важную роль в формировании интернет-зависимости играют нейробиологические факторы, к которым относят особенности нервной системы и характер протекания внутриутробного периода жизни ребенка. Авторы утверждают, что такие врожденные свойства центральной нервной системы, как преобладание тормозных механизмов нервной системы, ее слабость, ригидность и сниженная гибкость реакции в ответ на изменения окружающей среды, при прочих неблагоприятных условиях влияют на формирование аддиктивного поведения [130]. Представляет большой интерес исследование, проведенное в

Китае группой ученых (Y. Zhu, H. Zhang, M. Tian), с биологической обратной связью. Используя МРТ, позитронно-эмиссионной томографию, ОФЭКТ были выявлены аномалии участков головного мозга интернет-аддиктов. В частности, были выявлены аномалии орбитофронтальной коры, которая отвечает за принятие решений; дорсолатеральной префронтальной коры, ответственной за кратковременную память; передней поясной коры, отвечает за ожидание награды, принятие решений, эмпатии, управление импульсивностью и эмоциями; задней поясной коры. Эти области мозга играют значительную роль в идентичности, самоконтроле и принятии решений [181].

Ряд авторов (L. Wu, M.N. Potenza, A. Weinstein, В.Л. Малыгин, А.В. Москвин) выявили трудности усвоения двигательных программ, инертность психических процессов, персеверации, эхопраксии, нарушения динамики протекания мыслительной деятельности. Эти особенности свидетельствуют о диффузных нарушениях регуляторных функций, т.е. о функциональной несформированности префронтальных отделов мозга. Всё это приводит к отставанию развития функций планирования и контроля поведения [55, 61, 62, 173, 174]. Очевидно, Интернет в данном случае используется как наиболее структурированное пространство с упорядоченным алгоритмом и минимальными противоречиями.

Также были выявлены динамические изменения ЭЭГ у лиц, играющих в компьютерные игры ежедневно более трех часов в день. Динамические изменения ЭЭГ проявлялись в выраженном усилении мозговой активности с преобладанием возбуждения: супрессией амплитуды и частоты альфа-ритма в картине ЭЭГ с последующими явлениями истощения в конце игры (увеличение амплитуды низкочастотного бета-ритма и появление медленных дельта-волн в левом полушарии) [93].

В исследовании А.И. Рабадановой и соавт., посвященном анализу ритмических составляющих ЭЭГ у интернет-зависимых пользователей была выявлена значительная дезорганизация волновой активности при спокойном бодрствовании. Было обнаружено смещение спектрально-амплитудных

характеристик в сторону преобладания медленноволновой активности (дельта- и тета-волн) и быстрых бета-волн. Особенностью ЭЭГ интернет-зависимых пользователей являлась преимущественно левополушарная локализация медленноволновой активности, что свидетельствует о неустойчивости функционального состояния мозга интернет-зависимых, а также снижение активной реакции на функциональные пробы [72, 73].

Y-W. Yao и соавт., обнаружили у интернет-аддиктов по сравнению с контрольной группой гиперактивацию в передних и задних поясных извилинах коры, в нижней лобной извилине, которые были в основном связаны с исследованиями, измеряющими контроль импульсивных решений и склонности к риску. Кроме того, у интернет-аддиктов наблюдалось снижение объема содержания серого вещества в передней поясной извилине, орбитофронтальной, дорсолатеральной префронтальной и премоторной коре [175].

Зависимость преимущественно включает процессы вознаграждения, т.е. выброс дофамина и это действие опосредуется лимбической системой и другими мозговыми отделами: фронтальная кора, передняя поясная кора. Эти области участвуют в когнитивных и мотивационных функциях: регуляция, контроль, сдерживание реакций, эмоциональные проявления. Установлено, что интернет-зависимость изменяла состояние областей мозга отвечающих за вознаграждение, снижалась плотность дофаминовых транснамитеров. Нарушения дофаминергической нейромедиаторной системы, которая является фактором внутреннего подкрепления в системе вознаграждения подчеркивает схожесть нейробиологических механизмов интернет-зависимости и химических видов зависимости [149].

В нескольких исследованиях (М.Г. Чухрова, G. Dong, D. Lee, M. Zhang) было выдвинуто предположение, что интернет-зависимость связана с нарушением целостности белого вещества. Данные диффузионной МРТ показали, что у интернет-зависимых наблюдалась повышенная фракционная анизотропия в двустороннем переднем таламическом излучении, передней конечности внутренней капсулы, кортико-спинальном тракте, двустороннем нижнем лобно-

затылочном пучке, мозолистом теле и двустороннем нижнем продольном пучке. Кроме того, тяжесть интернет-зависимости положительно коррелировала со фракционной анизотропией [108, 127, 129, 131, 147, 180].

Клинические факторы. Клинические аспекты интернет-зависимости проявляются в коморбидности с другими психическими расстройствами [6]. Интернет-зависимость часто сочетается с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) [112, 115, 137]. Причем интернет-зависимость связана не только с типичными проявлениями СДВГ, такими как отвлекаемость, трудности сосредоточения, гиперактивность и импульсивность поведения, но и с аномальными поведенческими реакциями на вознаграждение и наказание. Так А.В. Урсу, З.А. Тайгибова отмечают, что онлайн-игроки статистически значимо чаще обладают привыканием к незамедлительным вознаграждениям и нетерпимостью к отсроченным вознаграждениям, а также сниженной чувствительностью к наказанию [90, 93, 98]. В.Л. Малыгин и соавт. указывают на утомляемость и снижение концентрации внимания у интернет-зависимых пользователей. Частая смена стимулов в сети способствует поддержанию внимания и, одновременно, еще большему истощению и утомлению [53]. Соответственно пространство Интернета становится «идеальным» местом для реализации таких особенностей и потребностей пользователя сети.

Высокие показатели коморбидности с поведенческими, тревожными и аффективными расстройствами были обнаружены у подростков с интернет-зависимостью [2]. Значимые положительные корреляции наблюдались между интернет-зависимостью и расстройствами, связанными с употреблением никотина, алкоголизмом, расстройствами настроения, тревожными расстройствами, соматоформными расстройствами, гемблингом, нарушениями сна, идеями о самоубийстве и попытками суицида [139].

В исследовании А.Ю. Егорова и соавт., проведенное на подростках с органическими расстройствами, расстройствами поведения, невротическими расстройствами и шизофренией, было обнаружено, что интернет-зависимость встречается гораздо чаще, чем в контрольной группе [22]. При этом стоит

отметить, что влияния психической патологии на интернет–зависимость на сегодня остаются недостаточно изученными.

Генетические факторы. Совсем недавно возникновение интернет-зависимость начали изучать с точки зрения влияния на нее генетических факторов. На сегодняшний день проведены единичные исследования генетических маркеров риска интернет–зависимости в России и за рубежом. А.О. Кибитов и соавт. провели несколько исследований, направленных на выявление возможных связей полиморфизма генов нейромедиаторных систем с риском формирования интернет–зависимости. Результаты исследования показали, что функциональный полиморфизм rs6265 гена нейротрофического фактора мозга (BDNF) увеличивает вероятность развития интернет-зависимости в 2,7 раза ($p = 0,018$), полиморфизм exon 3 VNTR 48bp гена дофаминового рецептора типа 4 (DRD4), напротив, снижает вероятность развития интернет–зависимости на 67,5% ($p = 0,032$). Подтвержден также протективный эффект ($p = 0,039$) полиморфизма rs2229910 гена нейротрофического рецептора тирозинкиназы типа 3 (NTRK3). Выявлены ряд модулирующих маркеров риска и эффект межгенного взаимодействия: генов дофаминового рецептора типа 2 и мю-опиоидного рецептора. Все генетические маркеры-модуляторы риска интернет-зависимости связаны с дофаминергической нейромедиацией, что подтверждает активное вовлечение системы вознаграждения мозга в этиологию и патогенез интернет-зависимости [34, 35]. Исследования, проведенные в Азии, показали наличие связи между серотонергической и дофаминергической нейротрансмиссией и интернет-зависимостью. Представлены данные о гене, кодирующем субъединицу альфа-4 никотинового рецептора ацетилхолина (CHRNA4). Т-вариант (генотип CC) полиморфизма rs1044396 на гене CHRNA4 встречался значительно чаще в группе с интернет-зависимостью по сравнению с контрольной группой. Эти данные указывают на то, что rs1044396 оказывает плеiotропное воздействие на широкий спектр поведения, включая когнитивные функции, эмоции и зависимость [156].

Социальные факторы. Возникновение и развитие интернет-зависимости может быть обусловлено воздействием неблагоприятных микро- и

макросоциальных факторов. К макросоциальным факторам можно отнести ускорение темпов распространения Интернета, удешевление цифровых технологий, снижение возраста пользователей сети, рост и увеличение возможностей Интернета в реализации разнообразных потребностей человека. К микросоциальным факторам относятся опыт взаимодействия с семьей и значимыми другими, воспитание [103, 176].

По мнению Л.О. Пережогина одной из главных причин формирования зависимого поведения является семейная депривация. Семейные конфликты, высокий контроль со стороны взрослого, отсутствие сплоченности между членами семьи способствуют эмоциональной отгороженности ребенка, осознанному и бессознательному его стремлению к нарушению существующих правил и норм [69]. В подобном случае Интернет создает пространство, где пользователь получает все необходимое, в т.ч. одобрение и поддержку со стороны других людей. Увлечение Интернетом становится ещё одним камнем преткновения между ребенком и родителем. Конфликты лишь нарастают и не находят разрешения. Таким образом, Интернет становится средством ухода от деструктивных взаимоотношений в семье и в то же время фактором формирования последних. Порочный круг замыкается [15, 56].

Л.Б. Шнейдер отмечает, что «Интернет становится подобием семьи, ее симулякром». При этом значение семейной реальности для усвоения социокультурного опыта, формирования и развития дружеских, партнерских и других отношений, обретения идентичности снижается. Функции семьи с успехом подхватывает сетевое пространство, которое подменяет реальность [110].

Результаты одного из немногих исследований, где в фокусе внимания находится диада мать-ребенок, показали, что интернет-зависимый пользователь, как правило, воспитывается в условиях низких требований, дефицита запретов и наказаний. Авторы отмечают, что в семьях с интернет-зависимым подростком наблюдается значительная эмоциональная дистанция. При этом один или оба члена диады имеют выраженное желание близости, но не находят способа воплотить его в реальность [136].

На основании анализа данных Линии помощи Фонда развития Интернет, Г.У. Солдатов отмечает, что интернет–зависимость среди школьников и подростков взаимосвязана с попустительским стилем воспитания, проблемами в построении отношений со сверстниками и дефицитом общения [87, 89].

Изучение 111 семей с интернет-зависимым подростком (В.Л. Малыгин и соавт.) позволило обнаружить, что формированию зависимости одинаково способствуют и гипопротекция, и гиперпротекция. Недостаток внимания, опеки, заботы и контроля со стороны родителей способствуют широкому разнообразию видов деятельности подростка. Социально неприемлемые формы поведения, как правило, приводят к наказанию со стороны взрослого. Формирование интернет–зависимости становится безопасным для ребенка способом взаимодействия с окружающим миром и не находит противодействия со стороны родителей. В то же время усиленное внимание взрослого по отношению к ребенку и некритичное удовлетворение каждой его потребности приводит к нарушению подростком внутрисемейных и внешних границ. Понимание и соблюдение социальных норм и правил затруднено. Единственно важным для подростка становится получение удовольствия. Интернет реализует потребности подростка, что увеличивает риск развития зависимости. Таким образом, формирующаяся интернет-зависимость у подростка создает мнимое ощущение безопасности, признания со стороны других пользователей и защиты от контроля и внимания со стороны членов семьи [27, 51].

Психологические факторы. Существует ряд общих психологических особенностей лиц с аддиктивными формами поведения, таких как:

– сниженная устойчивость к трудностям повседневной жизни, что в основном обуславливается наличием гедонистической установки. Гедонистические установки закладываются при воспитании ребенка в стиле потворствующей гиперпротекции. Картина жизни таких детей включает только удовольствие и не подразумевает ничего, что может их огорчить. Постоянная генерация и ощущение удовольствия становится фактором риска при аддикции;

– скрытый комплекс неполноценности, который часто сочетается с внешне проявляемым превосходством, проявляется в частых сменах настроения, неуверенности, избегании ситуаций, в которых их способности могут быть объективно проверенными;

– внешняя социабельность, которая идет в купе со страхом перед стойкими эмоционально-близкими контактами, проявляется в поверхностных контактах с окружающими, постоянной смене круга общения, избегании глубоких межличностных взаимоотношений;

– внушаемость, заключающаяся в легком усвоении внешних стремлений, побуждений, оценок, желаний, установок, податливость групповому воздействию [20, 71, 75].

Начиная с самых первых исследований интернет-зависимости ученые изучали психологические особенности интернет-зависимых пользователей. Отмечалось, что у интернет-зависимых подростков часто диагностируются такие акцентуации характера, как астено-невротический, лабильный, демонстративный, неустойчивый типы, шизоидный, истероидный, лабильный и эпилептоидный типы [49, 53].

По данным О.В. Литвиненко у подростков с интернет-зависимостью были отмечены 4 ведущих типа акцентуаций характера, включая возбудимый, неуравновешенный, гипертимный и циклотимичный типы. Самым выраженным типом акцентуации был возбудимый. Для этого типа характерны импульсивное поведение, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. Эти подростки более возбудимы, раздражительны, импульсивны, у них ослаблен контроль над собой, следовательно, у них менее развито чувство ответственности и ниже успешность обучения. Также в группе интернет-зависимых было диагностировано более выраженное психическое утомление и напряжение, тревога, эмоциональный стресс, снижение резервов работоспособности и стрессоустойчивости, доминирование парасимпатического отдела вегетативной нервной системы [44].

Д.Г. Рыбалтович в своем исследовании выявила, что у пользователей, зависимых от онлайн-игр циклотимично-гипертивно-эмотивный тип характера, с повышенным уровнем реактивной и личностной тревожности. Такой тип людей характеризуется резкими сменами настроения с немотивированными поступками и труднопредсказуемым поведением. Иногда они обладают повышенной психической активностью, оптимизмом, при этом не способны доводить начатое дело до конца, быть обязательными и ответственными. При пониженном настроении у них снижается уровень работоспособности, неудачи тяжело переживаются. Им свойственна повышенная чувствительность и впечатлительность [76].

Также к индивидуально-психологическим особенностям лиц с интернет-зависимостью относятся проблемы коммуникативной сферы [40], сниженный самоконтроль, низкая самооценка, трудности формирования самоидентичности, преобладание ментальности над сферой эмоций и чувств [142, 143, 153, 163]. Ведущее значение имеет эмоциональная неустойчивость пользователя, склонность переживать амбивалентные чувства и эмоции [182]. Особенностью также является высокая чувствительность к опасности, тревожность. Низкий уровень социальных навыков, неспособность справиться с жизненными трудностями и избегание ответственности создают благоприятную основу для ухода человека из реальности для полной погруженности в виртуальное пространство [59].

В исследовании В.Л. Малыгина и соавт. отмечается, что Интернет служит средством для поиска новых ощущений. Был обнаружен высокий уровень агрессивности и преобладание асоциальной стратегии преодолевающего поведения. Интернет-зависимые пользователи находят общение в сети близким и доверительным, но в реальности они боятся близости с другими людьми [54].

Лица с интернет-зависимостью отличаются выраженной инфантильностью, неспособностью адекватно выражать собственные эмоции и чувства. У них плохо развиты навыки планирования и прогнозирования. Проблемным становится управление собственным временем, организация и выполнение дел и поручений.

Специфика общения и межличностного взаимодействия в виртуальном пространстве, где нет места времени и обязанностям, тревоге и глубоким личностным переживаниям защищает от эмоционального напряжения и проблем действительности [36, 67, 150, 154].

Лица с интернет-зависимостью имели низкий уровень развития состояния эмпатии, что проявилось в трудностях взаимодействия с социальной средой [16], проявляли гедонизм, низкую потребность в социальных достижениях [37, 39]. В проведенном Л.И. Козловой и М.Г. Чухровой исследовании описывались личностные характеристики, отличающие пользователей, склонных к зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр от пользователей, у которых зависимость не возникает, это: замкнутость, эмоциональная нестабильность, склонность к подчинению, сдержанность, робость, низкий самоконтроль, тревожность, напряженность, мечтательность [38].

В Великобритании М. Griffiths, М. Mehroof выявили значимые взаимосвязи интернет-зависимости с агрессией, поиском удовольствия, ситуативной и личностной тревожностью, нейротизмом. Авторы пишут, что положительная корреляция между поиском удовольствия и интернет-аддикцией, возможно связана с тем, что поиск удовольствия является копинг-стратегией для преодоления скуки. Онлайн-игры обеспечивают психологическую и физиологическую стимуляцию, а также вознаграждение [152]. Принимая во внимание тот факт, что различные виды механизмов вознаграждения обуславливают аддиктивное поведение, положительная корреляция между поиском удовольствия и интернет-аддикцией закономерна. Также была найдена положительная взаимосвязь между агрессией и онлайн игровой аддикцией. Молодые люди предпочитают жестокие игры не жестоким, если жестокость в игре вознаграждается. Механизм подкрепления предполагает повторение такого поведения. Выявленная ситуативная и личностная тревожность может быть связана с высокими нагрузками и длительными эмоциональными переживаниями. Положительная корреляция с нейротизмом, по мнению авторов может говорить о том, что геймеры таким образом совладают с негативными эмоциями.

Отрицательная корреляция была установлена между самоконтролем и интернет-аддикцией [111, 126].

Исследования, проведенные в Азии, имеют схожие результаты с исследованиями, проведенными в Европе. Так Q. Chen и соавт. пишут о том, что чрезмерное использование Интернета ведет к ухудшению настроения, потере интереса, сна, веса, жизнерадостности, нарушению циркадного ритма (циклические колебания интенсивности различных биологических процессов, связанные со сменой дня и ночи), психомоторной ретардацией (видимое общее замедление движений и речи) и потерей мотивации на работе или в школе. Интернет-аддикты характеризуются личностными особенностями, такими как: слабость эго, зависимость, тревожность, социальная безответственность, низкий уровень самоконтроля [122]. Психотизм и стрессы положительно коррелировали с интернет-аддикцией у студентов и школьников [113]. Дистресс играл значимую роль в развитии интернет-аддикции (I. Chen, A. Pakpour) [121]. Авторы (M.Z. Yao, Y. Shen) предполагают, что встреча молодого человека с чрезмерным стрессом предрасполагает к патологическому использованию интернета, чтобы совладать со своим настроением, компенсировать неудачи в социальных интеракциях, убежать от реальности [166].

O. Senormanci было проведено исследование по оценке копинг-стратегий у пользователей с интернет-аддикцией. Для группы с интернет-аддикцией были характерны копинг-стратегии: избегание, юмор, отрицание, алкоголь. Дисфункциональные копинг-стратегии, особенно связанные с эмоциями и избеганием, играют важную роль в этиологии психических расстройств. Интернет-аддикция имела сильную положительную связь с депрессией. После медикаментозного лечения и психотерапии депрессии копинг-стратегии перестали иметь значимые различия в группах [165].

Мураткина Н.Ю. в своем исследовании определила, что чем выше показатели неконструктивных копинг-стратегий, тем выше показатели компьютерной зависимости. Отношения взаимной положительной обусловленности неконструктивных копинг-стратегий и пристрастия к

компьютерным играм выступают в качестве механизма возникновения компьютерной зависимости подростков [63].

Л.Н. Молчанова отмечает, что для студентов с интернет–зависимостью характерно преобладание неадаптивных копинг–стратегий таких, как подавление эмоций, уход от проблем, самоизоляция, компенсация [28, 60].

В ряде исследований выявлялись мотивы злоупотребления онлайн-играми. К мотивам относятся: социальная интеракция и социальная привязанность (геймеры уверены в своей значимости в рамках своего игрового сообщества); мотив достижения (компьютерные игры создают ситуацию успеха); погружение (как только происходит компенсация реальных жизненных трудностей, игра начинает компенсировать реальную жизнь) [3, 18, 48, 119].

В освещенных выше исследованиях, выявлялись значимые взаимосвязи между интернет–зависимостью и различными психологическими проявлениями личности, т.е. корреляты, а также устанавливались достоверные различия по определенным признакам между группами с наличием интернет–зависимости и группами с отсутствием интернет–зависимости. При этом выборки испытуемых исследований в основном состояли из подростков, студентов колледжей и университетов.

Важно обозначить, что фактор и предиктор имеют различные смысловые наполнения и, как следствие, математические обоснования. Фактор интерпретируется как причина совместной изменчивости нескольких исходных переменных. Предикторы – это прогностические параметры, являющиеся структурно–организованной системой, функцией которых является прогнозирование. Предикторы являются более устойчивыми, чем факторы. Для статистически обоснованного определения предикторов используется либо регрессионный анализ, либо дискриминантный анализ. Далее мы проанализируем исследования, которые выявляли психологические предикторы интернет–зависимости.

В настоящее время имеются единичные работы, посвященные изучению психологических предикторов интернет–зависимости. Так в исследовании

C.C. Frangos et al., проведенном в Греции на выборке из 3545 студентов из 24 высших учебных заведений говорится о таких предикторах интернет–зависимости как одиночество, беспомощность, низкая самооценка и боязнь безработицы [132]. В исследовании V. Stavropoulos, проведенном на выборке подростков было определено, что враждебность выступает в качестве предиктора интернет–зависимости. Причем игроки MMORPG проявляли больше симптомов интернет–зависимости [168]. С. Montang et al. в своем исследовании использовал личностный опросник Айзенка (EPQ-R) и опросник темперамента и характера (TCI). С помощью множественной регрессии было обнаружено, что самонаправленность является более надежным предиктором интернет–зависимости, чем нейротизм [155]. В исследовании, проведенном Su Mi Park в Корее на выборке подростков, в качестве предикторов интернет–зависимости были определены тревога, депрессия и импульсивность [158]. В исследовании, проведенном Ting-Hsiang Chen и соавт. на выборке студентов Тайваня, в качестве предикторов интернет–зависимости определены пограничное расстройство личности, нарушение идентичности, неконсолидированная идентичность и отсутствие идентичности, нарушение самооценки [123]. В отечественной практике исследованием психологических предикторов интернет–зависимости занимается коллектив ученых (А.В. Трусова, А.Ю. Егоров, А.О. Кибитов и др.). В пилотном исследовании молодых взрослых (выборка 63 человека, средний возраст респондентов $23,9 \pm 2,3$ года) в прогностическую модель риска развития интернет–зависимости вошли: высокая импульсивность планирования, низкая добросовестность/сознательность, высокий уровень тревоги и избегание межличностных контактов [95]. В другом исследовании, выборку которого составили респонденты в возрасте от 16 до 30 лет, в модель психологических предикторов интернет–зависимости вошли высокая импульсивность планирования, низкая самонаправленность, показатель психотравмирующего опыта детства и мужской пол [96, 97]. Т.М. Корягина в своем исследовании предикторов интернет–зависимости, проведенном на студентах, выделила психофизиологические (истощение нервной системы; слабость реакций;

эмоциональная нестабильность и беспокойство; повышенная чувствительность); индивидуально-психологические (отсутствие эгоистической социальной желательности; снижение вежливости в отношении окружающих; ухудшения внимания и памяти; нарушения временной перспективы в виде неприятия своего прошлого; эмоциональная стабильность и эмпатийность), а также предикторы социальных установок (слабое осознание жизненных целей и перспектив; неудовлетворенность собой и обстоятельствами собственной жизни; низкий уровень психологического благополучия; стремление к достижению успеха в соответствии с социальными стандартами; влияние посредством контролирования материальных, социальных ресурсов и осуществления контроля над людьми; наличие высокой ценности безопасности непосредственного окружения, заботы о природе и отсутствием ценности самостоятельного продвижения собственных идей) [42].

Важно заметить, что при анализе исследований, посвященных выявлению психологических предикторов интернет-зависимости, в некоторых из них было обнаружено несоответствие между заявленной целью и результатами исследования. Так М. Khatiri Yanesari в своем исследовании задавался вопросом является ли эмоциональный интеллект предиктором интернет-зависимости. Результатом исследования было установление отрицательной корреляционной связи между эмоциональным интеллектом и интернет-зависимостью [140]. Результаты исследования, проведенного в Иордании M.Z. Malak среди 800 школьников 12-18 лет, показывают наличие положительной связи между тревожностью, депрессией и интернет-зависимостью [151]. В Турции В. Vozoglan в своем исследовании на выборке из 384 студентов, определил, что одиночество, чувство собственного достоинства и удовлетворенность жизнью связаны с интернет-зависимостью [116]. В перечисленных выше исследованиях используется корреляционный анализ, который устанавливает взаимосвязь между интернет-зависимостью и психологическими особенностями личности, что не позволяет в данном случае сделать выводы о предикторах интернет-зависимости.

Таким образом, наиболее многочисленные психологические исследования интернет-зависимости направлены на изучение отдельных ее сторон (либо факторов, либо личностных особенностей вне их совместного рассмотрения) и проведены они на выборках школьников и студентов, не затрагивая представителей других социальных категорий. Разработок, посвященных изучению предикторов (прогностических предпосылок) формирования этого феномена немного. Кроме того, отдельные результаты, полученные в этих работах, выглядят противоречивыми. Все это свидетельствует о необходимости комплексного рассмотрения предикторов интернет-зависимости личности.

1.3. Концептуальные основы исследования

Теоретический анализ проблемы предикторов интернет-зависимости личности показал, что подавляющее большинство эмпирических исследований, посвященных интернет-зависимости были проведены на выборках, состоящих из младших школьников, подростков и студентов, т.е. представителей так называемого «поколения Z». Это вполне оправданно с позиции «теории поколений» и объяснимо с точки зрения психологических особенностей развития личности. «Поколение Z» росло в эпоху цифровизации, доступности Интернета как в материальном, так и в техническом плане. То, что предыдущие поколения считали «технологиями будущего», для «поколения Z» является настоящим. Цифровая среда наложила отпечаток на личностную, ценностно-смысловую, эмоциональную, когнитивную сферы «поколения Z». Н.В. Сиврикова пишет, что современные подростки с одной стороны выбирают традиционные ценности (семья, карьера, друзья), но при этом они эгоистичны и предпочитают жить в свое удовольствие. Также у них наблюдается дефицит увлечений, и они предпочитают проводить время в виртуальной среде [70]. Такие ценностные ориентации в совокупности с социальной ситуацией развития, новообразованиями и кризисом данного возрастного периода могут приводить к возникновению интернет-зависимости. Необходимо также учесть, что структуры головного мозга человека

полностью созревают к 21–22 годам. В частности, последней из структур головного мозга созревает префронтальная кора, отвечающая за планирование и контроль деятельности. Она играет главную роль в создании сложных когнитивных схем и планов действий, принятии решений, контроле и регуляции как внутренней деятельности, так и социального поведения, и взаимодействия. Таким образом, школьники, подростки и юноши на психофизиологическом уровне еще полностью не созрели и имеют предпосылки к импульсивному поведению. Как правило, с процессом взросления и психического созревания, интерес к «зависанию» в Интернете снижается, т.к. расширяется репертуар копинг-стратегий, появляются новые адаптивные способы самореализации. Однако существуют данные, что среди представителей взрослой категории пользователей Интернета есть те, кто также демонстрирует признаки интернет-зависимости [38, 95, 96, 111]. Это так называемое «поколение Y» или Миллениалы, которые родились в период с 1983г. по 2002г., в эпоху новых социально-политических условий (перестройка, распад СССР) и в период сложной экономической обстановки. «Поколение Y» еще называют «цифровыми мигрантами», т.к. их детство прошло без цифровых технологий. Это последнее поколение, которое имеет опыт «до» и «после» глобальных цифровых изменений в мире. Но исследования влияния Интернета на «поколение Y», т.е. на людей, возрастного периода ранней и средней взрослости, в частности исследования, которые определяли бы психологические предикторы интернет-зависимости единичны. Между тем, периоды ранней и средней взрослости наполнены важнейшими жизненными задачами профессионального становления, создания семьи и самореализации, а наличие зависимостей любого рода является неблагоприятным фактором личностного становления.

Обозначенные проблемы фрагментарности исследований психологических предикторов интернет-зависимости личности, узком изучении интернет-зависимости на подростках и студентах показали необходимость изучения психологической особенности личности и создания теоретической модели прогноза

возникновения интернет-зависимости, с ее последующей эмпирической верификацией.

Анализ разработанности проблемы интернет-зависимости позволил определить концептуальные основы исследования, базирующиеся на принципе сосуществования типов научной рациональности В.С. Степина [92], коммуникативной методологии В.А. Мазилова, как варианта мультипарадигмального подхода, обеспечивающего непротиворечивое соотнесение различных концепций и сочетание методов естественно-научной и гуманитарной парадигм для решения исследовательских задач [46]. В своем исследовании мы опираемся на положения психологической концепции жизнеспособности человека Е.А. Рыльской [47]; теории рефлексии А.В. Карпова [31]; комплекс важных, научно-обоснованных представлений об интернет-зависимости А.Е. Войскунского, А.Ю. Егорова, В.Л. Малыгина, В.Д. Менделевича, В.А. Лоскутовой, Л.Б. Шнейдер, М. Davis, М. Potenza, М. Griffiths, К. Young [11, 13, 21, 45, 58, 75, 134, 138, 179].

Базовым концептуальным основанием нашего исследования выступает диспозиционная теория личности как открытой саморазвивающейся системы Г. Олпорта. Он рассматривал личность как динамическую организацию психофизических систем внутри индивидуума, определяющую его уникальное поведение и мышление [66]. С точки зрения Г. Олпорта, динамическая организация указывает на то, что личность постоянно развивается, изменяется и эволюционирует, проактивно стремясь к сознательно поставленным целям. Развитие личности как открытой саморазвивающейся системы, в терминологии Г. Олпорта, осуществляется посредством прогрессивного, поэтапного движения «проприума», представляющего собой позитивное, творческое, стремящееся к росту и развивающееся свойство человеческой природы. На заключительной стадии своего развития проприум соотносится с уникальной способностью человека к самопознанию и самоосознанию. Таким образом, основным постулатом является утверждение, что личность является динамической организацией, которая постоянно изменяется и эволюционирует.

Важным параметром саморазвития взрослого человека является рефлексия, поскольку она позволяет осмысливать собственный жизненный опыт и интериоризировать его. Поэтому в нашем исследовании мы опираемся на концепцию рефлексивности А.В. Карпова. Он рассматривал рефлексивность как психическое свойство, представляющее собой одну из основных граней интегративной психической реальности, которая соотносится с рефлексией в целом. Вторым ее модусом была рефлексия в ее процессуальном статусе, третьим – рефлексирование как особое психическое состояние [31, 32]. А.В. Карпов выделял ситуативную, ретроспективную, перспективную рефлексиию. Ситуативная рефлексия обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения в актуальной ситуации, позволяет координировать собственные действия на основании анализа ситуации и изменяющихся условий. Ретроспективная рефлексия нацелена на анализ совершенных действий и поступков, переосмысление своего поведения и выявления ошибок. Перспективная рефлексия позволяет реализовывать функцию планирования и прогнозирования собственной деятельности и ее результатов.

Рефлексируя, личность анализирует мотивы и цели своей деятельности, осознает внутренние состояния (мысли и чувства), активизирует внутренние ресурсы для преодоления трудностей, корректирует процесс жизнедеятельности с учетом ответа окружающей среды.

М.В.Чумаков к рефлексивному процессу относит эмоционально-волевую регуляцию. Он указывает на то, что основным индикатором и средством в механизме включения рефлексии выступает эмоция. Переживаемые эмоции служат маркерами благополучия или неблагополучия процесса. «Осознание особенностей процесса, стимулированное эмоцией, может приводить индивида к перестройке деятельности и осуществлять ее с большим учетом потребностей, индивидуальных особенностей, ценностей, направленности личности конкретного человека» [104, 105].

Таким образом, возрастной диапазон выборки нашего исследования включает людей, которые должны стремиться к саморазвитию, познанию,

профессиональной самореализации, передаче опыта и ценностей. Эти задачи находят отражение в психологической концепции жизнеспособности человека Е.А. Рыльской. Жизнеспособность рассматривается как интегральная способность сохранения человеком своей целостности, актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения, что субъективно воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью [77, 78, 80]. В психологической концепции жизнеспособности человека в качестве одного из важнейших условий жизнеспособного состояния системы «человек» рассматривается открытость этой системы, удерживающей свою целостность за счет постоянного саморазвития [79].

Мы полагаем, что интернет-зависимость способствует «закрытию» системы, «блокировке» возможностей ее саморазвития, нарушению целостности личности. С учетом того, что выборка нашего исследования состоит из людей возрастного периода ранней и средней взрослости, которые являются основным «источником» развития общества, как на макро-, так и на микроуровне, последствия интернет-зависимости приобретают глобальный характер.

Анализ разработанности проблемы интернет-зависимости позволил определить концептуальные основы исследования и разработать модель прогноза возникновения интернет-зависимости личности (рисунок 2). Опираясь на представления Г. Олпорта, мы рассматриваем личность как открытую саморазвивающуюся систему и полагаем, что интернет-зависимость препятствует успешному решению жизненных задач ранней и средней взрослости, поскольку выступает как внутренняя причина, препятствующая саморазвитию, являющемуся основой открытости личности как системы. Личность с интернет-зависимостью обладает определенным комплексом поведенческих стратегий, психологических свойств и потенциалов, ряд из которых могут иметь прогностическую значимость и выступать в роли предикторов возникновения интернет-зависимости.

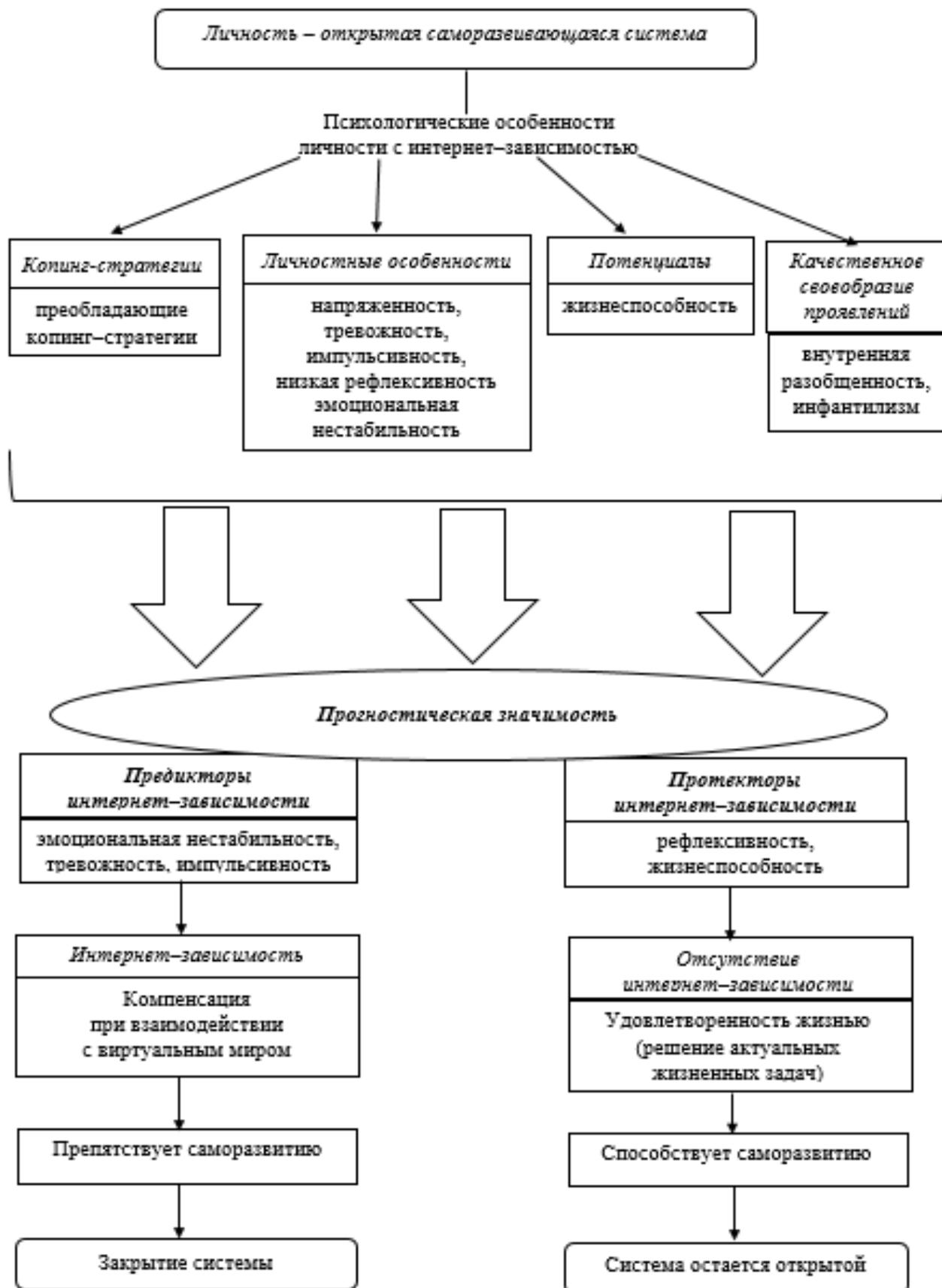

Рис. 2 – Процессуальная модель прогноза возникновения интернет-зависимости личности

При этом существуют определенные «протекторы» интернет-зависимости личности, которые позволяют личности решать актуальные жизненные задачи «за счет динамического удержания жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения» (Е.А. Рыльская). Этому способствуют навыки рефлексии и жизнеспособность, как интегральная способность сохранения человеком своей целостности за счет постоянного саморазвития. Таким образом, рефлексивность и жизнеспособность выступают в качестве «протекторов» интернет-зависимости, что позволяет системе оставаться открытой и развиваться дальше, адаптируясь к изменяющимся условиям окружающей среды

Выводы по главе 1:

Подводя итоги первой главы, можно сделать вывод о том, что интернет-зависимость – это навязчивое (компульсивное) желание к использованию Интернета, приводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии (I. Goldberg). Обобщая все проявления, характерные для интернет-зависимости, можно выделить ее основные признаки: невозможность субъективного контроля за использованием Интернета и дезадаптация, которая отражает отрицательное влияние его использования на межличностные отношения, здоровье, работу, учёбу, эмоциональное, психологическое состояние, финансовый статус. Выделяют нейробиологические, генетические, клинические, социальные, психологические факторы риска возникновения интернет-зависимости. К нейробиологическим факторам относятся особенности нервной системы, характер протекания внутриутробного периода жизни ребенка, трудности усвоения двигательных программ и нарушения динамики протекания мыслительной деятельности, СДВГ. Генетические факторы риска возникновения интернет-зависимости связаны с дофаминергической нейромедиацией. Клинические аспекты интернет-зависимости проявляются в коморбидности с другими психическими расстройствами. К социальным факторам относят рост и

увеличение возможностей сети в реализации разнообразных потребностей человека, снижение возраста пользователей Интернета, опыт взаимодействия со значимыми другими, стили воспитания. Психологические факторы включают эмоциональную нестабильность, личностную тревожность, импульсивность, низкий уровень самоконтроля, инфантильность.

Исследования, посвященные интернет-зависимости в психологическом контексте, в основном направлены на выявление и констатацию личностных особенностей человека с интернет-зависимостью. При этом разработок, посвященных изучению предикторов интернет-зависимости недостаточно и выполнены они в основном на выборках, состоящих из подростков и студентов, без включения в сферу исследовательских интересов ученых, пользователей Интернета в период ранней и средней взрослости.

Разработана теоретическая модель, описывающая процесс возникновения интернет-зависимости личности, как открытой саморазвивающейся системы. Модель базируется на предпосылках о том, что определенные психологические особенности личности с интернет-зависимостью, характеризуя ее качественное своеобразие, в то же время могут выполнять прогностическую функцию, выступая в роли психологических предикторов возникновения интернет-зависимости. Формирование интернет-зависимости сопровождается снижением рефлексивности и жизнеспособности личности, что затрудняет осмысление ею собственного существования, обедняет процессы самопознания и решения насущных экзистенциальных задач. В конечном итоге интернет-зависимость значительно сужает возможности личностного становления (саморазвития) – условия открытости личности как системы. Вместе с тем, достаточно высокие показатели жизнеспособности и рефлексивности могут выполнять «протекторную» роль, препятствуя возникновению интернет-зависимости и позволяя системе личности оставаться саморазвивающейся и открытой.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРОВ ИНТЕРНЕТ–ЗАВИСИМОСТИ

2.1. Организация исследования

Цель исследования – теоретическое обоснование и эмпирическое изучение психологических особенностей личности и их прогностической значимости для возникновения интернет–зависимости.

В соответствии с целью были выделены следующие **задачи исследования**:

1. На основе теоретического анализа проблемы выявить сущностные характеристики феномена интернет–зависимости и рассмотреть ее предпосылки.
2. Разработать концептуальную модель прогноза возникновения интернет–зависимости.
3. Проанализировать психологические особенности и качественное своеобразие личности с интернет-зависимостью.
4. Эмпирически верифицировать модель прогноза возникновения интернет–зависимости личности.

Объект исследования – интернет–зависимость как общепсихологический феномен.

Предмет исследования – комплекс поведенческих стратегий, психологических свойств и потенциалов личности, предрасполагающих к возникновению интернет–зависимости.

Гипотезы исследования:

Общие:

1. Личность с интернет-зависимостью обладает специфическими особенностями (поведенческими стратегиями, потенциалами и свойствами), позволяющими сформировать ее устойчивый психологический портрет.
2. Определенные психологические особенности личности могут выступать в качестве предикторов и «протекторов» формирования интернет-зависимости.

Частные гипотезы:

1. Преобладающие копинг-стратегии различны у интернет-пользователей с разной степенью сформированности интернет–зависимости.
2. Существует отрицательная взаимосвязь между интернет–зависимостью личности, ее рефлексивностью и жизнеспособностью.
3. Психологическая структура интернет-зависимости как комплекс ее личностных коррелятов будет различаться в периоды ранней и поздней взрослости.
4. Психологические особенности личности с интернет-зависимостью отличаются качественным своеобразием.

Общая характеристика и обоснование репрезентативности выборки исследования.

В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет ($X=23,7$; $SD=5,26$), из них 137 женщин (47,4%) и 151 мужчина (52,6%). Возрастной состав выборки: возраст ранней взрослости (18-25 лет) – 213 человек, возраст средней взрослости (26-38 лет) – 76 человек. Респондентами выступили студенты ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», педагоги, проходящие обучение в ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования», участники сообществ «World of Tanks» и «World of Warcraft», пользователи социальной сети «ВКонтакте». Сбор эмпирических данных проводился с помощью бланочных версий методик, а также с помощью сервиса Google-формы (<https://forms.gle/Geqt7MaPJQCNpJvC6>), на котором была размещена батарея психодиагностических методик в онлайн-формате.

Выборка исследования формировалась простым случайным отбором. Репрезентативность выборки обеспечена распределением респондентов исследования по полу и возрасту в соответствии с показателями численности населения Российской Федерации по состоянию на 01 января 2019г. Результаты представлены в таблице 1. Статистическая достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным размером выборки [1], в которую

вошло 289 испытуемых, после исключения некачественно заполненных бланков психодиагностических методик.

Таблица 1

Сравнение выборки исследования с общей выборкой россиян

Критерий	Характеристика	Доля в выборке исследования (%)	Доля среди россиян (%)
Ранняя взрослость (18–25 лет)	Мужской	51,6	51,1
	Женский	48,4	48,9
Средняя взрослость (26–38 лет)	Мужской	47,4	50,3
	Женский	52,6	49,7

Этапы исследования. Работа выполнялась в 3 этапа. На первом этапе (2016-2017гг.) был проведен теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по проблеме интернет-зависимости. Были проанализированы подходы к пониманию феномена интернет-зависимости, ее виды, факторы и предикторы возникновения. На основании теоретического анализа была выдвинута предварительная гипотеза, определены цель и задачи исследования. Также была разработана теоретическая модель прогноза возникновения интернет-зависимости личности, где личность рассматривается как открытая саморазвивающаяся система, а интернет-зависимость приводит к блокировке развития этой системы.

На втором этапе (2017-2019г.) было выполнено основное эмпирическое исследование по изучению психологических особенностей личности с интернет-зависимостью и предикторов интернет-зависимости личности. Для определения наличия интернет-зависимости была использована «Шкала интернет-зависимости Чена», в адаптации К.А. Феклисова и В.Л. Малыгина. Для выявления личностных особенностей был использован 16-факторный личностный опросник Кеттелла (форма С). Для определения доминирующих копинг-стратегий была использована методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского. При исследовании уровня рефлексивности и уровня

жизнеспособности были использованы опросник рефлексивности А.В. Карпова и опросник «Жизнеспособность человека» Е.А. Рыльской соответственно. После получения первоначальных данных общая выборка исследования была разделена на 3 группы на основании результатов методики «Шкала интернет-зависимости Чена»: группа с отсутствием интернет-зависимости, группа со склонностью к интернет-зависимости и группа с интернет-зависимостью. Дальнейший анализ проводился в разрезе по группам.

Третий этап (2019-2021гг.) включал проведение математико-статистической обработки данных с применением программы IBM SPSS Statistics 17.0 в соответствии с целью и задачами исследования, количественный и качественный анализ результатов, полученных в ходе изучения психологических особенностей личности с интернет-зависимостью и предикторов интернет-зависимости личности, интерпретацию результатов исследования, формулировку обобщающих выводов, оформление текста диссертации.

2.2. Методы и методики эмпирического исследования

2.2.1. Методики исследования

Для эмпирической верификации процессуальной модели возникновения интернет-зависимости были подобраны психодиагностические методики соответствующие цели и задачам исследования.

Шкала интернет-зависимости Чена. Шкала интернет-зависимости Чена направлена на выявление степени сформированности интернет-зависимости. Адаптация на российской выборке была проведена К.А.Феклисовым и В.Л.Малыгиным в 2011г. [52]. Тест состоит из 26 утверждений, на которые даны 4 варианта ответа («совсем не подходит», «слабо подходит», «частично подходит», «полностью подходит»).

Методика включает следующие шкалы: шкала компульсивных симптомов; шкала симптомов отмены; шкала толерантности; шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем; шкала управления временем.

Оценка шкал производится путем суммирования всех пунктов шкалы. Общий балл рассчитывается суммированием всех шкал. Нормативные интервалы теста: от 27 баллов до 42 – отсутствие интернет-зависимости; от 43 баллов до 64 – склонность к возникновению интернет-зависимости/доаддиктивный этап; от 65 баллов и выше – наличие интернет-зависимости.

Опросник рефлексивности А.В.Карпова. Методика представляет собой опросник, предназначенный для измерения уровня развития рефлексивности. Разработана на русском языке А.В. Карповым в 2003г. [30]. В своем подходе он обозначает рефлексивность как мета-способность, входящую в когнитивную подструктуру психики, выполняя регулятивную функцию для всей системы, а рефлексивные процессы – как «процессы третьего порядка» (считая процессами первого порядка когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные, а второго порядка - синтетические и регулятивные). В его концепции рефлексия представляет собой наивысший по степени интегрированности процесс; она одновременно является способом и механизмом выхода системы психики за собственные пределы, что детерминирует пластичность и адаптивность личности.

Опросник состоит из 27 пунктов, ответы на которые формируются по 7-балльной шкале Ликкерта. Обработка результатов происходит путем суммирования баллов в прямых и обратных значениях по «ключу». Полученный «сырой балл» переводится по таблице перевода «сырого балла» в стандартные величины – стенов. Показатель меньше 4-х стенов – свидетельствует о низком уровне развития рефлексивности; от 4 до 7 стенов – средний уровень рефлексивности; свыше 7 стенов – высокий уровень рефлексивности.

Многофакторный личностный опросник Кеттелла – 16 PF (форма С). Многофакторный личностный опросник Кеттелла – 16 PF (форма С) направлен на оценку индивидуально–психологических особенностей личности. В данном исследовании использовалась форма С, адаптация которой проводилась с 1972 по 1985гг. в исследовательской группе Э.С.Чугуновой на кафедре социальной психологии ЛГУ под руководством И.М. Палея сотрудниками А.Н.Капустиной, Л.В.Мургулец и Н.Г.Чумаковой [29].

Форма С опросника состоит из 105 вопросов, на каждый из которых предлагается 3 варианта ответов (а, б, с). Обработка результатов осуществляется по «ключу». Полученный «сырой балл» переводится по таблице перевода «сырого балла» в стандартные величины – стенов. При общем размахе вариативности данных в 10 стенов, средние значения составляют 5,5 стенов. Оценки в 4 и 7 стенов указывают на незначительные отклонения характеристик личности от средней. Яркая выраженность качества связана с оценкой 1–3 и 8–10 (учитывая биполярность каждого фактора).

Методика «Индикатор копинг-стратегий». Методика разработана Д.Амирханом и предназначена для диагностики доминирующих копинг-стратегий личности. Переведена на русский язык и адаптирована для проведения исследования Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским. Методика позволяет выявить три группы стратегий:

1. Стратегия «Разрешение проблем» – это активная поведенческая стратегия, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы.

2. Стратегия «Поиск социальной поддержки» – это активная поведенческая стратегия, при которой человек для эффективного разрешения проблемы обращается за помощью и поддержкой к окружающей его среде: семье, друзьям, значимым другим.

3. Стратегия «Избегание» – это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем.

Опросник состоит из 33 утверждений, на каждое из которых предлагается 3 варианта ответов («полностью согласен», «согласен», «не согласен»). Ответы испытуемого сопоставляются с ключом. Для получения общего балла по соответствующей стратегии подсчитывается сумма баллов по всем 11 пунктам, относящимся к этой стратегии. Минимальная оценка по каждой шкале – 11 баллов, максимальная – 33 балла.

Нормативные интервалы теста по шкале «Разрешение проблем»: менее 16 баллов – очень низкий уровень; от 17 до 21 балла – низкий уровень; от 22 до 30 баллов – средний уровень; более 31 балла – высокий уровень. Нормативные интервалы теста по шкале «Поиск социальной поддержки»: менее 13 баллов – очень низкий уровень; от 14 до 18 баллов – низкий уровень; от 19 до 28 баллов – средний уровень; более 29 баллов – высокий уровень. Нормативные интервалы теста по шкале «Избегание проблем»: менее 15 баллов – очень низкий уровень; от 16 до 23 баллов – низкий уровень; от 24 до 26 баллов – средний уровень; более 27 баллов – высокий уровень.

Опросник «Жизнеспособность человека». Опросник «Жизнеспособность человека» разработан Е.А. Рыльской, предназначен для оценки показателя жизнеспособности. Опросник состоит из 106 вопросов, на которые даны 4 варианта ответа («да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет»). Методика включает следующие шкалы: способности адаптации; способности саморегуляции; способности саморазвития; осмысленность жизни [81].

Оценка шкал производится путем суммирования всех пунктов шкалы (положительные и отрицательные пункты). Общий балл жизнеспособности рассчитывается суммированием всех шкал. Полученный «сырой балл» переводится по таблице перевода «сырого балла» в стандартные величины – стены. Показатель, меньше 4-х стенов – свидетельствует о низком уровне общей жизнеспособности; от 4 до 7 стенов – средний уровень общей жизнеспособности; свыше 7 стенов – высокий уровень общей жизнеспособности.

Рисуночный тест Вартегга. Рисуночный тест Вартегга относится к категории экспрессивно-проективных методов исследования личности, это метод незаконченного рисунка. Тест был разработан немецким психологом Эриком Вартеггом в 1963г., в России адаптирован в 2004г. В.К.Калиненко. Стимульный материал представлен бланком с 8 квадратами, в каждом из которых представлена линия или фигура. Стимулы теста и их последовательность подобраны таким образом, что каждый из них провоцирует проекцию определенной психической области [74]. В таблице 2 представлена информация об исследуемой области

психики в соответствии со стимульным знаком. Интерпретация содержания представляет анализ реакции испытуемого на стимульный материал, учитывая специфику исходного стимула. Кроме того, в содержательном аспекте анализируются последовательность выполнения, предпочитаемый и отвергаемый рисунок.

Таблица 2

Соотношение стимульного знака и архетипа

Стимульный знак	Архетип	Сфера	Альтернативы
1	Начало, середина, мгновение, заброшенность	Поиск себя, сосредоточенность	Уверенный в себе – потерянный (лабильный)
2	Зародыш жизни, порыв, животворное или угрожающее жизни возбуждение, приспособление	Эмоциональность, контакт	Возбудимый – тупой Эмоционально теплый – холодный Общительный – сдержанный (скрытный)
3	Усиление, подъем, превосходство (высокомерие), широта, глубина	Устремленность, настойчивость, интенциональное измерение	Целеустремленный – нецелеустремленный Честолюбивый – депрессивный Уверенный – колеблющийся Широкий – узкий
4	Опасность, тьма, ночь, сон, страх, вина, смерть	Бессознательное, аспекты страха, принуждения и вины	Сознательный – бессознательный Устойчивый – ощущающий опасность Рассудочный – фантазирующий
5	Противоположность как сопротивление, проникновение	Живость, волевая регуляция	Полный жизненных сил – слабый Активный – пассивный Решительный – нерешительный
6	Противоположность как разделение, расчленение	Интеграция, рациональная регуляция	Интегрированный – дезинтегрированный Рациональный – наивно диффузный
7	Интуиция, утонченность	Чувствительность, преданность, способность к самоотдаче, вкус, такт	Чувствительный – грубый Способный к самоотдаче – извращенный
8	Связывание, защита, гармония	Душевная основа, уравновешенность	Способный устанавливать связи – черствый Гармоничный – негармоничный Зрелый – инфантильный

2.2.2. Методы математической обработки данных

В соответствии с логикой исследования и с целью проверки выдвинутых гипотез применялись следующие методы математико-статистического анализа [65, 86, 100]:

1. *Дискриминантный анализ* – это раздел многомерного статистического анализа, который позволяет предсказать принадлежность объектов к двум или более непересекающимся группам. Он представляет собой альтернативу множественному регрессионному анализу в случае, когда зависимая переменная представлена номинальной переменной. Также дискриминантный анализ имеет определенное сходство с кластерным анализом, т.к. в основе анализа лежит разделения совокупности объектов, а не переменных, на несколько более мелких групп. При этом в отличие от кластерного анализа, в дискриминантном анализе изначально заданы количество и состав классов. Исходными данными для дискриминантного анализа является множество объектов, разделенных на группы так, что каждый объект может быть отнесен только к одной группе. Для каждого из объектов имеются данные по ряду количественных переменных. Такие переменные называются дискриминантными переменными или предикторами. Задачами дискриминантного анализа является определение решающих правил, позволяющих по значениям предикторов отнести каждый объект к одной из известных групп и «веса» каждого предиктора для разделения объектов на группы. Кроме того, дискриминантное уравнение (каноническая функция) позволяет проверять правильно ли расклассифицированы по группам испытуемые и проводить классификацию новых испытуемых. В нашем исследовании дискриминантный анализ использовался как способ построения эмпирически обоснованной прогностической модели, отражающей психологические особенности личности с интернет-зависимостью. Был использован дискриминантный анализ с пошаговым отбором предикторов, в котором на каждом шаге включалась переменная, минимизирующая индикатор λ -Уилкса. Основным показателем качества прогностической модели является процент

совпадений при сопоставлении классификации при помощи канонической функции и действительной классификации «известных» объектов.

2. *H-критерий Краскала-Уоллеса* как непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для независимых выборок использовался при сравнении трех групп по уровню выраженности интернет-зависимости, рефлексивности, жизнеспособности, доминирующих копинг-стратегий и факторов личностного опросника Р. Кеттелла.

3. *Коэффициент корреляции r-Спирмена* применялся для определения взаимосвязей между интернет-зависимостью, копинг-стратегиями, показателями жизнеспособности и рефлексивности.

4. *Z-преобразование Фишера* служило для сравнения коэффициентов корреляции между интернет-зависимостью и факторами личностного опросника в двух независимых выборках, разделенных по возрастным периодам: ранняя взрослость (18–25 лет) и средняя взрослость (26–38 лет).

5. *χ^2 -Пирсона* использовался для сравнения двух групп по выраженности признаков методики «Рисуночный тест Вартегга».

Для создания общего массива эмпирических данных, упорядочивания и сортировки данных использовались электронные таблицы Microsoft Excel. Математическая обработка данных проводилась с применением стандартизованного пакета программ IBM SPSS Statistics 17.0.

2.3. Формирование исследуемых групп

Формирование исследуемых групп проводилось на основе результатов психологической диагностики, направленной на определение разной степени сформированности интернет-зависимости личности. Для оценки выраженности интернет-зависимости была использована методика «Шкала интернет-зависимости Чена». Нормативные интервалы теста: от 27 баллов до 42 – отсутствие интернет-зависимости; от 43 баллов до 64 – склонность к

возникновению интернет–зависимости/доаддиктивный этап; от 65 баллов и выше – наличие интернет–зависимости.

Таким образом, выборка испытуемых была разделена на 3 группы по степени сформированности интернет–зависимости личности: контрольная группа – испытуемые с отсутствием интернет-зависимости (104 человека, в т.ч. 50 женщин и 54 мужчины); группа риска – пользователи со склонностью к возникновению интернет-зависимости (113 человек, в т.ч. 54 женщины и 59 мужчин); группа с интернет-зависимостью, включающая 72 человека, в т.ч. 33 женщины и 39 мужчин. Далее будут использоваться следующие обозначения: группа с отсутствием интернет-зависимости – «КГ»; группа со склонностью к возникновению интернет-зависимости – «ГР»; группа с интернет-зависимостью – «ИЗ». В таблице 3 представлены значения средних по методике «Шкала интернет-зависимости Чена».

Таблица 3

Значения средних по шкале интернет-зависимости Чена

Шкалы	Группа «КГ»	Группа «ГР»	Группа «ИЗ»
	N=104	N=113	N=72
	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ
Шкала компульсивных симптомов	5,92±1,24	10,39±1,92	14,86±2,83
Шкала симптомов отмены	6,95±2,01	11,21±2,3	14,33±2,66
Шкала толерантности	5,86±1,86	8,72±1,43	12,19±2,35
Шкала внутриличностных проблем и проблем связанных со здоровьем	8,01±1,18	12,71±2,21	18,26±2,82
Шкала управления временем	7,08±2,29	11,30±2,52	16,40±2,36
Общий CIAS балл	33,86±5,41	54,34±5,53	76,47±6,33

Ключевыми симптомами интернет-зависимости являются компульсивные симптомы, симптомы отмены и симптомы толерантности.

Как видно из таблицы 3 средние показатели по шкале компульсивных симптомов различны в трех исследуемых группах: «ИЗ» ($\bar{X} = 14,86$), «ГР» ($\bar{X} = 10,39$), «КГ» ($\bar{X} = 5,92$). Компульсивность – это навязчивое побуждение к повторяющимся, стереотипным поведенческим актам: моторным, эмоциональным, интеллектуальным. Повторяемость в одинаковой форме побуждений и действий обычно выполняет функцию защиты от внутренней тревоги. Такие побуждения нередко осознаются как весьма интенсивные, сопровождающиеся чувством нарастающего аффективного напряжения, кажущиеся порой непреодолимыми. Навязчивые влечения могут трансформироваться в импульсивные влечения. Следовательно, высокое значение по данной шкале в группе «ИЗ» говорит о том, что у испытуемых выявлены проблемы с волевым контролем навязчивого побуждения к выходу в Интернет. В группе «ГР» значение по шкале компульсивных симптомов превышает норму, но еще не переходит границы патологического использования.

По шкале симптомов отмены средние значения распределены следующим образом: в группе «ИЗ» $\bar{X} = 14,33$, в группе «ГР» $\bar{X} = 11,21$, в группе «КГ» $\bar{X} = 6,95$. Симптомы отмены проявляются при прекращении или сокращении времени, проводимого в сети Интернет. Симптоматика проявляется в форме тревоги; мечтаний или фантазий, связанных с очередной сессией игры, с времяпровождением в социальной сети; возможно психомоторное возбуждение, в ряде случаев отмечаются произвольные или непроизвольные движения пальцев (имитация печатания на клавиатуре). Исходя из значения по данной шкале в группе «ИЗ», можно предположить, что симптомы отмены проявляются в значительной степени, что свидетельствует о зависимости, т.к. синдром отмены является одним из ее индикаторов.

Показатели средних значений по шкале толерантности следующие: в группе «ИЗ» $\bar{X} = 12,19$, в группе «ГР» $\bar{X} = 8,72$, в группе «КГ» $\bar{X} = 5,86$. Шкала толерантности подразумевает увеличение количества времени, проводимое в социальных сетях или в игровых сообществах для достижения удовлетворения.

Следовательно, высокое значение по данной шкале в группе «ИЗ» свидетельствует о том, что испытуемым требуется все большее количество времени нахождения в сети для получения удовлетворения.

По шкале внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем в группе «ИЗ» среднее значение $\bar{X}=18,26$, в группе «ГР» $\bar{X} = 12,71$, в группе «КГ» $\bar{X}=8,01$. Вопросы данной шкалы касаются межличностного общения, взаимодействия с семьей и физического здоровья. Отмечено, что у большинства интернет-зависимых с течением времени развивается запястный туннельный синдром, нарушается режим дня, ухудшается общее самочувствие.

Шкала управления временем дает возможность оценить способности умения планировать собственные действия. По этому параметру в группе «ИЗ» среднее значение $\bar{X} = 16,40$, в группе «ГР» $\bar{X} = 11,30$, в группе «КГ» $\bar{X} = 7,08$. Испытуемые группы «ИЗ» характеризуются нарушением или утратой способности управлять временем, что проявляется в нарушении режима сна и бодрствования, в неспособности контролировать время, потраченное в сети Интернет, в откладывании выполнения своих обязанностей, в выраженной прокрастинации.

Распределение средних по общему баллу интернет-зависимого поведения оказались следующими: в группе «КГ» среднее значение составило 33,86, что попадает в интервал от 27 до 42 баллов и соответствует отсутствию интернет-зависимости; в группе «ГР» среднее 54,34, что соответствует интервалу от 43 до 64 баллов и свидетельствует о склонности к возникновению интернет-зависимости; в группе «ИЗ» значение среднего 76,47 (интервал от 65 баллов и выше), позволяющее говорить об интернет-зависимости.

Респондентам также было предложено заполнить анкету, в которой они указывали свой возраст, социальный статус, образование и семейное положение (Приложение А). В таблице 4 в разрезе по группам представлены социально-демографические характеристики, полученные в ходе анкетирования респондентов.

Социально-демографические показатели испытуемых

Показатель		Группа 1 («КГ»)		Группа 2 («ГР»)		Группа 3 («ИЗ»)	
		N=104		N=113		N=72	
		Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Интервал возраста	18 – 25	73	70,19	80	70,80	60	83,33
	26 – 38	31	29,81	33	29,20	12	16,67
Социальный статус	безработный	2	1,92	5	4,43	2	5,26
	работающий	41	39,42	42	37,17	28	36,85
	учащийся	56	53,85	57	50,44	40	52,63
	учащийся/ работающий	5	4,81	9	7,96	2	5,26
Образование	высшее	45	43,27	51	45,13	24	33,33
	неоконченное высшее	59	56,73	59	52,21	41	56,94
	среднее специальное	0	0	3	2,66	7	9,73
	среднее	0	0	0	0	0	0
Семейное положение	женат/замужем	35	33,65	20	17,70	2	2,78
	холост/не замужем	61	58,65	80	70,79	59	81,94
	в разводе	2	1,92	5	4,43	7	9,72
	гражданский брак	6	5,78	8	7,08	4	5,56

При анализе социально-демографических показателей в разрезе по группам были выявлены следующие характеристики. Респонденты в возрасте от 18 до 25 лет в контрольной группе составляют 70,19 %, в группе риска – 70,80 %, в группе интернет-зависимых – 83,33 %. В возрасте от 26 до 38 лет в контрольной группе составляют 29,81 %, в группе риска – 29,20 %, в группе интернет-зависимых – 16,67 %. Неоконченное высшее образование имеют 56,94 % опрошенных в группе интернет-зависимых, в группе риска – 52,21 % и контрольной группе – 56,73 %.

Принимая во внимание, что в современном российском обществе получение высшего образования стало массовым и большинство школьников после окончания школы поступают в ВУЗы, такие значения являются закономерными. В группе интернет-зависимых 52,63 % испытуемых имеют социальный статус «учащийся», в группе риска – 50,44 %, а в контрольной группе – 53,85 %. На основании этих данных можно выдвинуть предположение о том, что наличие большого количества свободного времени в связи с отсутствием постоянной трудовой деятельности и занятостью только учебным процессом, способствует погружению в виртуальное пространство. Семейное положение «холост/не замужем» имеют 81,94 % испытуемых в группе с наличием интернет-зависимости, 70,79 % в группе риска и 58,65 % в контрольной группе. На основании этих данных можно сделать два предположения. Во-первых, отсутствие семьи и, как следствие, характерных ролевых обязанностей позволяет все время «тратить» на себя. Во-вторых, неспособность устанавливать продолжительные и доверительные межличностные отношения ведет к чувству одиночества, социального вакуума и изоляции. Следовательно, человек прибегает к опосредованному контакту через сеть, при котором можно предстать в любом амплуа. Таким образом, интернет-зависимость чаще встречается у людей периода ранней взрослости, обучающихся в ВУЗе и не имеющих постоянного дохода, связанного с осуществлением трудовой деятельности, находящихся в статусе «холост / не замужем».

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДИКТОРОВ ИНТЕРНЕТ–ЗАВИСИМОСТИ

В соответствии с программой исследования (см. главу 2) эмпирическая часть исследования включает в себя изучение психологических особенностей личности с интернет-зависимостью, выявление качественного своеобразия проявлений личности с интернет-зависимостью и эмпирическую верификацию модели прогноза возникновения интернет–зависимости.

3.1. Психологические особенности личности с интернет-зависимостью

В ходе изучения психологических особенностей личности интернет-зависимостью рассматривались ее склонности к выбору определенных копинг-стратегий (частная гипотеза 1). В таблице 5 представлены результаты исследования, полученные при помощи методики «Индикатор копинг-стратегий».

Таблица 5

Результаты исследования копинг-стратегий

Шкала	Уровень	Группа 1 «КГ» N = 104		Группа 2 «ГР» N = 113		Группа 3 «ИЗ» N = 72	
		Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Разрешение проблем	Очень низкий	0	0	5	4,4	31	43,1
	Низкий	4	3,8	60	53,1	24	33,3
	Средний	71	68,3	30	26,6	16	22,2
	Высокий	29	27,9	18	15,9	1	1,3
Поиск социальной поддержки	Очень низкий	9	8,7	1	0,9	9	12,5
	Низкий	25	24,0	17	15,1	30	41,7
	Средний	52	50,0	84	74,3	27	37,5
	Высокий	18	17,3	11	9,7	6	8,3

Шкала	Уровень	Группа 1 «КГ» N = 104		Группа 2 «ГР» N = 113		Группа 3 «ИЗ» N = 72	
		Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Избегание проблем	Очень низкий	29	27,9	1	0,9	0	0
	Низкий	57	54,8	41	36,3	17	23,6
	Средний	13	12,5	40	35,4	13	18,1
	Высокий	5	4,8	31	27,4	42	58,3

Из таблицы видно, что в группе «ИЗ» по шкале «Разрешение проблем» 43,1% респондентов имеют низкий уровень, 33,3% – очень низкий, 12,2% – средний. В группе «ГР» по аналогичной шкале низкий уровень отмечается у 53,1%, у 26,6% – средний, у 15,9% – высокий. В группе «КГ» по данной шкале 68,3% респондентов имеют средний уровень, 27,9% – высокий и только 3,8% респондентов характеризуются низким уровнем.

По шкале «Поиск социальной поддержки» в группе «ИЗ» средний уровень отмечается у 37,5% респондентов, низкий – 41,7%, очень низкий – 12,5%. В группе «ГР» 74,3% респондентов имеют средний уровень, 15,1% – низкий, 9,7% – высокий. В группе «КГ» – 50,0% имеют средний уровень, 24,0% – средний, 17,3% – высокий.

В показателях шкалы «Избегание проблем» заметны следующие различия. У 58,3% интернет-зависимых («ИЗ») наблюдается высокий уровень, у 23,6% – низкий, у 18,1% – средний. В группе риска («ГР») у 36,3% респондентов из отмечается низкий уровень, у 35,4% – средний, у 27,4% – высокий. В контрольной группе («КГ») низкий уровень выявлен у 54,8% пользователей очень низкий – у 27,9%, средний – у 12,5%.

Для определения значимости различий между группами по уровню доминирующих копинг-стратегий был использован однофакторный дисперсионный анализ Краскала-Уоллеса. В таблице 6 представлены результаты

проверки различий между группами. Статистики непараметрического критерия представлены в Приложении Б.

Таблица 6

Сравнение групп по доминирующим копинг-стратегиям

Наименование показателя	Группа 1 «КГ» N = 104	Группа 2 «ГР» N = 113	Группа 3 «ИЗ» N = 72	Критическое значение Краскала-Уоллеса	Уровень знч.
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг		
Шкала «Разрешение проблем»	207,70	133,96	71,76	116,255	0,001
Шкала «Поиск социальной поддержки»	158,67	154,19	110,83	16,238	0,001
Шкала «Избегание проблем»	80,93	167,59	202,09	103,480	0,001

Установлены неслучайные различия по шкале «Разрешение проблем» между выборками «КГ», «ГР «ИЗ» ($N = 116,255$, $p \leq 0,001$). Уровень по шкале «Разрешение проблем» в группе «ИЗ» ниже (средний ранг = 71,76), чем в контрольной группе и группе риска. Стратегия разрешения проблем – это активная поведенческая стратегия, при которой человек использует все имеющиеся у него внутриличностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы. Использование стратегии разрешения проблем способствует преодолению жизненных трудностей, переходу на новый уровень своего развития, приобретению нового опыта. Тем самым создаются благоприятные условия для саморазвития и становления, позволяющие личности как системному феномену оставаться открытой и самоорганизующейся. Испытуемые с интернет-зависимостью в основном имеют низкий и очень низкий уровни использования данной стратегии, что говорит о нежелании активно преодолевать жизненные трудности, об отказе делать выбор и менять жизненную ситуацию, о стагнации в своем развитии.

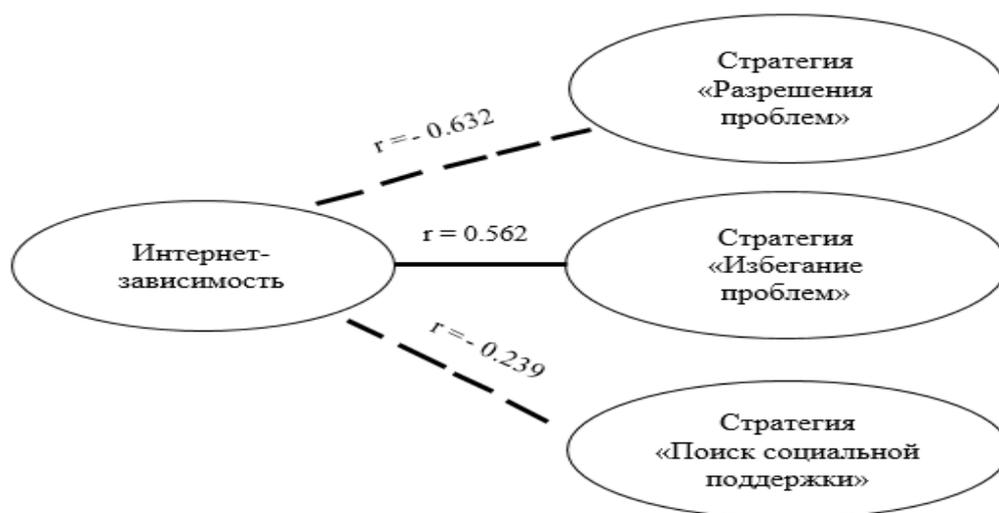
Значимые различия выявлены также по шкале «Поиск социальной поддержки» между всеми исследуемыми выборками («КГ», «ГР», «ИЗ») при критическом $N = 16,238$ и уровне значимости $p \leq 0,001$. Среднее значение по шкале «Поиск социальной поддержки» в контрольной группе – $\bar{X}=22,76$, в группе риска – $\bar{X}=22,35$, в группе интернет-зависимых – $\bar{X}=19,63$). Стратегия поиска социальной поддержки – это активная поведенческая стратегия, при которой человек обращается за помощью и поддержкой к окружающим его социально значимым объектам: к семье, друзьям, коллегам, знакомым. Принимая во внимание, что в группе испытуемых с интернет-зависимостью данная стратегия выражена в основном на низком и среднем уровне, можно предположить, что для этой группы Интернет является той самой социальной средой, которая оказывает поддержку. Безусловно, это не прямое обращение за помощью, но возможность ощутить чувство значимости и принадлежности.

По шкале «Избегание проблем» также существуют неслучайные различия между всеми исследуемыми выборками. Уровень по шкале «Избегание проблем» в группе «ИЗ» выше (средний ранг = 202,09), чем в контрольной группе и группе риска. Среднее значение по шкале «Избегание проблем» в группе «КГ» составляет 18,73, в группе «ГР» – 24,03 и в группе «ИЗ» – 25,90. Стратегия избегания проблем – это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем. Испытуемые с интернет-зависимостью в основном имеют средний и высокий уровни использования данной стратегии, что свидетельствует об уходе от реального взаимодействия и погружении в виртуальное пространство, как способ совладания со стрессом.

Наиболее эффективным является использование всех трех поведенческих стратегий, в зависимости от ситуации. В некоторых случаях человек может самостоятельно справиться с возникшими трудностями, в других ему требуется поддержка окружающих, в-третьих он просто может избежать столкновения с проблемной ситуацией, заранее подумав о ее негативных последствиях. При этом

стоит отметить, что доминирующей стратегий должна являться стратегия «Разрешения проблем».

Для определения взаимосвязи между копинг-стратегиями и проявлениями интернет-зависимости был использован корреляционный анализ r-Спирмена. На основании полученных коэффициентов r-Спирмена построены корреляционные плеяды, изображенные на рисунке 3.

Условные обозначения: ————— прямая связь, $p \leq 0,05$;
- - - - - обратная связь, $p \leq 0,05$;

Рис. 3 – Корреляционная плеяда показателя интернет-зависимости с копинг-стратегиями

Значимые корреляции выявлены по всем шкалам. В частности, между переменной «Разрешение проблем» и интернет-зависимостью наблюдается умеренная отрицательная связь ($r = -0,609$, $p \leq 0,05$); между переменной «Поиск социальной поддержки» и интернет-зависимостью аналогичная отрицательная связь является слабо выраженной ($r = -0,239$, $p \leq 0,05$); «Избегание проблем» и интернет-зависимость связаны умеренно положительно ($r = 0,562$, $p \leq 0,05$). Это означает, что чем ниже показатель по шкале «Разрешения проблем» и выше по шкале «Избегание проблем», тем выше показатель по шкале интернет-зависимости. Следовательно, человек с низкими показателями использования

стратегии «Разрешения проблем» и высокими показателями стратегии «Избегание проблем» более предрасположен к возникновению интернет-зависимости.

Полученные результаты позволяют поддержать частную гипотезу о том, что преобладающие копинг-стратегии различны у интернет-пользователей с разной степенью сформированности интернет-зависимости. Доминирующей копинг-стратегией в группе испытуемых с интернет-зависимостью является стратегия «Избегание проблем». Стратегия избегания проблем – одна из ведущих поведенческих стратегий при формировании дезадаптивного, псевдосовладающего поведения. Использование этой стратегии обусловлено недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблемных ситуаций. Стратегия «Разрешение проблем» преобладает в выборке испытуемых с отсутствием интернет-зависимости ($\bar{X}=28,19$), в то время, как в группе с интернет-зависимостью данный показатель находится на низком уровне ($\bar{X}=18,07$). Данные результаты согласуются с результатами ранее проведенных исследований (Л.Н. Молчанова, О. Senormanci).

В процессе изучения рефлексивности у пользователей с разной степенью сформированности интернет-зависимости были получены следующие результаты, представленные в таблице 7.

Таблица 7

Уровень рефлексивности по группам

Уровень рефлексивности	Группа 1 «КГ» N = 104		Группа 2 «ГР» N = 113		Группа 3 «ИЗ» N = 72	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Низкий уровень	4	3,85	29	25,66	51	70,83
Средний уровень	53	50,96	74	65,49	20	27,77
Высокий уровень	47	45,19	10	8,85	1	1,40

Как видно из таблицы рефлексивность в группе «КГ» проявляется на среднем и высоком уровнях почти в равных долях. В группе «ГР» 65,49% испытуемых характеризуются средним уровнем рефлексивности, 25,66% –

низким, 8,85% – высоким. В группе «ИЗ» доминирует низкий уровень рефлексивности – 70,83% испытуемых, средний выявлен у 27,77%, низкий – 1,40%.

Для определения различий по уровню выраженности рефлексивности произведем сравнение групп между собой посредством уже упоминавшегося критерия Краскала-Уоллеса. Результаты сравнения представлены в таблице 8. Статистики непараметрического критерия представлены в Приложении Б.

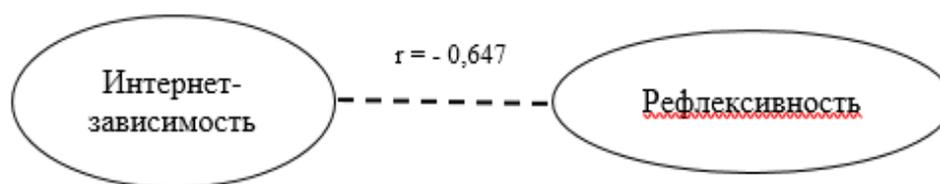
Таблица 8

Сравнение групп по уровню рефлексивности

Наименование показателя	Группа 1 «КГ» N = 104	Группа 2 «ГР» N = 113	Группа 3 «ИЗ» N = 72	Критическое значение Краскала-Уоллеса	Уровень знч.
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг		
Уровень рефлексивности	208,72	136,43	66,42	128,477	0,001

Выявлены неслучайные различия по уровню рефлексивности между всеми группами ($N = 128,477$, $p \leq 0,001$). Уровень рефлексивности в группе «ИЗ» ниже (средний ранг = 66,42), чем в группах «КГ» и «ГР». Среднее значение уровня рефлексивности в группе «КГ» ($\bar{X}=6,07$), в группе «ГР» ($\bar{X}=4,49$) и в группе «ИЗ» ($\bar{X}=2,97$).

На рисунке 4 представлен коэффициент корреляции между интернет-зависимостью и уровнем рефлексивности.

Условные обозначения: - - - - - обратная связь; $p \leq 0,05$

Рис. 4 – Корреляционная плеяда показателя интернет-зависимости и рефлексивности

Рефлексивность определяется как способность человека выходит за пределы собственного «Я», осмысливать, изучать, анализировать что-либо

посредством сравнения образа своего «Я» с какими-либо событиями, с другими людьми. Предполагает особое направление внимания на деятельность собственной души, а также достаточную зрелость субъекта. На основании данных представленных выше, можно полагать, что человек с низким уровнем рефлексивности более склонен выбирать уход от реальности путем погружения в виртуальный мир, нежели осмысливать собственную жизнь. Таким способом человек пытается совладать с имеющимися проблемами, которые требуют разрешения. Отсутствие навыков рефлексии не позволяет проанализировать чувства, эмоции, поступки как положительные, так и отрицательные, что приводит к непониманию процесса течения собственной жизни и еще больше усугубляет ситуацию внутренней напряженности.

В ходе исследования показателей жизнеспособности и их статистической обработки были получены средние значения общей жизнеспособности и ее компонентов. Они представлены в таблице 9.

Таблица 9

Значения средних в группах по результатам диагностики
уровня жизнеспособности

Опросник «Жизнеспособность человека»	Группы		
	Группа 1 «КГ» N = 104	Группа 2 «ГР» N = 113	Группа 3 «ИЗ» N = 72
	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ
Шкала «Способности адаптации»	77,58±10,41	64,85±14,04	56,48±12,84
Шкала «Способности саморегуляции»	40,88±6,13	36,36±7,05	32,69±6,12
Шкала «Способности саморазвития»	56,81±6,76	49,16±7,55	41,54±5,24
Шкала «Осмысленность жизни»	41,81±8,97	34,28±9,86	26,15±7,81
Жизнеспособность (общий балл)	217,16±23,15	184,74±31,08	157,15±22,22

Последующий однофакторный дисперсионный анализ Краскала-Уоллеса с вычислением H-критерия позволил выявить различия между тремя исследуемыми группами (контрольной, группой риска и группой интернет-зависимых пользователей) по шкале общей жизнеспособности и субшкалам: способности

адаптации, способности саморегуляции, способности саморазвития, осмысленность жизни. Результаты представлены в таблице 10. Статистики непараметрического критерия представлены в Приложении Б.

Таблица 10

Сравнение групп по показателям жизнеспособности

Наименование показателя	Группа 1 «КГ» N = 104	Группа 2 «ГР» N = 113	Группа 3 «ИЗ» N = 72	Критическое значение Краскала-Уоллеса	Уровень знч.
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг		
Шкала «Способности адаптации»	203,92	130,36	82,88	95,089	0,001
Шкала «Способности саморегуляции»	188,11	138,62	92,74	56,658	0,001
Шкала «Способности саморазвития»	208,07	137,59	65,53	125,570	0,001
Шкала «Осмысленность жизни»	198,87	137,67	78,69	89,582	0,001
Жизнеспособность (общий балл)	213,13	131,50	67,78	133,626	0,001

Как видно из таблицы, значимые различия выявлены по шкале «Способности адаптации» между всеми выборками ($N = 95,089$, $p \leq 0,001$). Значения по шкале «Способности адаптации» в группе «ИЗ» ниже (средний ранг = 82,88), чем в группе «КГ» (средний ранг = 203,92) и группе «ГР» (средний ранг = 130,36). Шкала «Способности адаптации» характеризует возможности личности приспособливаться к изменяющимся условиям окружающего мира, осуществляя целенаправленные действия по преобразованию окружающей действительности и социальной среды с использованием различных коммуникативных средств, и

индивидуальных адаптивных стратегий. Поскольку испытуемые с интернет-зависимостью характеризуются низкой способностью адаптации, это не позволяет им своевременно и гибко перестраиваться в соответствии с требованиями быстро меняющихся условий среды.

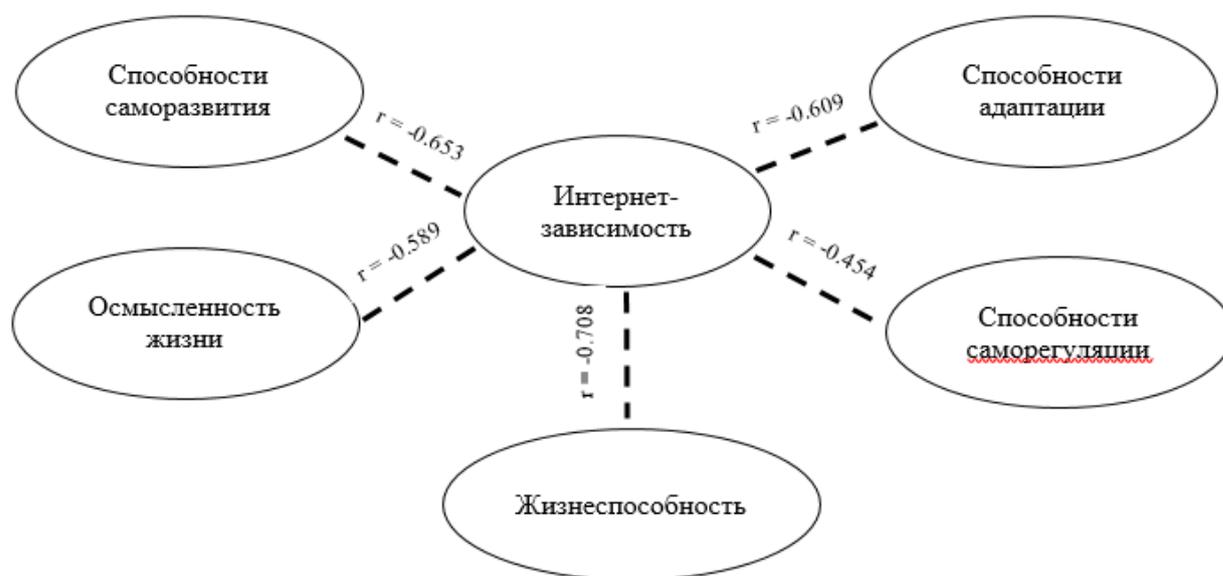
По шкале «Способности саморегуляции» также обнаружены неслучайные различия между группами «КГ», «ГР», «ИЗ» ($N = 56,658$, $p \leq 0,001$). У интернет-зависимых значения по шкале «Способности саморегуляции» значимо ниже (средний ранг = 92,74), чем в контрольной группе (средний ранг = 188,11) и группе «ГР» (средний ранг = 138,62). Отличаясь низкой саморегуляцией испытуемые с интернет-зависимостью испытывают значительные трудности в управлении целенаправленной внутренней активностью, реализуемой за счет системного взаимодействия самых разных процессов и явлений, что снижает эффективность контроля собственных действий.

Исследуемые группы значимо отличаются и по шкале «Способности саморазвития» ($N = 125,570$, $p \leq 0,001$). Значения по шкале «Способности саморазвития» в группе «ИЗ» ниже (средний ранг = 65,53), чем в группе «КГ» (средний ранг = 208,07) и группе «ИЗ» (средний ранг = 137,59). Испытуемые с интернет-зависимостью характеризуются низкой способностью саморазвития, что свидетельствует о недостаточно развитой рефлексии (дополнительно подтверждаются результаты, описанные выше), о сниженных потребностях в самоактуализации, личностном росте, о недостаточном желании самосовершенствоваться, об отсутствии убежденности в том, что все, что происходит в жизни, способствует развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта.

В контексте выявленных различий не представляет исключения и шкала «Осмысленность жизни». Эмпирическое значение $N=89,582$, $p \leq 0,001$. Показатели осмысленности жизни в группе «ИЗ» ниже (средний ранг = 78,69), чем в группе «КГ» (средний ранг = 198,87) и группе «ГР» (средний ранг = 137,67). Следовательно, испытуемые с интернет-зависимостью характеризуются

недостаточностью осознания процессов, происходящих в их жизни, неспособностью контролировать жизненные события, рефлексировать опыт.

В целом респонденты с интернет-зависимостью отличаются низкими баллами по опроснику «Жизнеспособность человека», что означает трудности приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды, свидетельствует о несамостоятельности и затруднениях с контролем и саморегуляцией, о сниженном стремлении к саморазвитию, о сложностях в построении жизненной перспективы и достижении поставленных целей. Можно полагать также, что интернет-зависимые пользователи испытывают серьезные затруднения в решении важнейших жизненных задач своего возрастного периода, т.е. между интернет-зависимостью личности и ее жизнеспособности существует взаимосвязь, для подтверждения (опровержения) которой был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена. Полученные корреляционные плеяды изображены на рисунке 5.

Условные обозначения: - - - - - обратная связь; $p \leq 0,05$

Рис. 5 – Корреляционные плеяды компонентов жизнеспособности с интернет-зависимостью

Значимые отрицательные корреляции выявлены по всем шкалам. Плотность связей между переменными является умеренной: способности адаптации и

интернет-зависимость ($r = -0,609$, $p = 0,01$); способности саморегуляции и интернет-зависимость ($r = -0,454$, $p = 0,01$); способности саморазвития и интернет-зависимость ($r = -0,653$, $p = 0,01$); осмысленность жизни» и интернет-зависимость ($r = -0,589$, $p = 0,01$); жизнеспособность и интернет-зависимость ($r = -0,708$, $p = 0,01$). Это означает, что чем ниже показатели способности адаптации, саморегуляции, саморазвития, осмысленности жизни, тем выше показатель по шкале интернет-зависимости.

Таким образом была подтверждена частная гипотеза 2 о наличии отрицательных взаимосвязей между интернет-зависимостью личности, ее рефлексивностью и жизнеспособностью.

В ходе изучения индивидуально-психологических особенностей личности с интернет-зависимостью посредством многофакторного личностного опросника Кеттелла – 16 PF (форма С) из интерпретации был исключен фактор В «Интеллект», т.к. в задачах исследования отсутствует анализ интеллектуальной сферы. В таблице 11 представлены значения средних и стандартное отклонение по каждому фактору в разрезе по группам.

Таблица 11

Результаты исследования по 16-факторному опроснику Кеттелла

Факторы	Группа 1 «КГ»	Группа 2 «ГР»	Группа 3 «ИЗ»
	N = 104	N = 113	N = 72
	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ
Фактор А	4,68±2,22	4,29±2,22	5,24±2,60
Фактор С	6,20±1,47	3,73±1,67	2,61±1,14
Фактор Е	6,01±2,64	5,36±2,39	4,74±2,31
Фактор F	4,44±1,50	4,35±1,80	4,49±1,72
Фактор G	6,09±1,57	4,73±2,22	2,71±1,65
Фактор H	5,85±2,06	4,88±2,15	4,54±1,61
Фактор I	4,44±1,50	4,35±1,80	4,49±1,73
Фактор L	5,50±2,66	5,95±2,53	4,81±2,39
Фактор M	5,98±1,98	6,05±2,45	5,83±2,09
Фактор N	5,09±1,86	4,29±1,68	3,44±1,54

Факторы	Группа 1 «КГ»	Группа 2 «ГР»	Группа 3 «ИЗ»
	N = 104	N = 113	N = 72
	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ	Хэмп.± σ
Фактор О	3,44±2,07	6,10±1,97	7,93±1,59
Фактор Q ₁	5,10±1,80	4,04±2,29	2,72±1,90
Фактор Q ₂	4,44±1,50	4,35±1,80	4,49±1,73
Фактор Q ₃	6,74±1,58	4,20±1,75	2,88±1,27
Фактор Q ₄	3,18±1,74	5,95±1,93	6,53±1,58

На рисунке 6 графически представлены результаты диагностики испытуемых по 16-ти факторному опроснику Кеттелла.

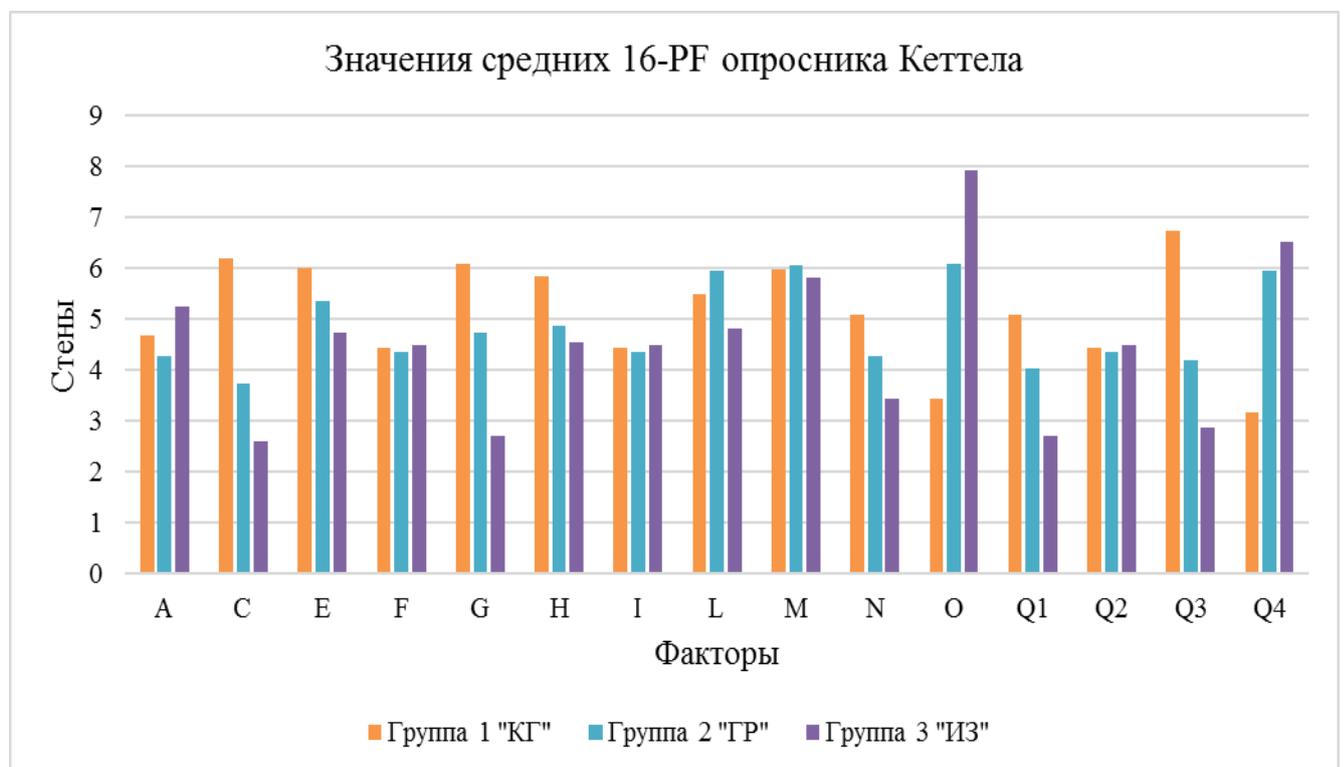

Рис. 6 – Значение средних 16-РФ опросника Кеттелла

В таблице 12 представлены различия в показателях каждого фактора между исследуемыми группами. Статистики непараметрического критерия представлены в Приложении В.

Сравнение групп по уровню выраженности факторов

Наименование показателя	Группа 1 «КГ»	Группа 2 «ГР»	Группа 3 «ИЗ»	Критическое значение Краскала-Уоллеса	Уровень знч.
	N = 104	N = 113	N = 72		
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг		
Фактор А	147,04	131,86	162,67	6,178	0,056
Фактор С	217,82	122,90	74,49	141,631	0,001
Фактор Е	162,86	144,12	120,60	11,060	0,004
Фактор F	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор G	199,90	142,82	69,11	106,123	0,001
Фактор H	174,65	133,77	119,79	22,141	0,001
Фактор I	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор L	144,31	160,19	122,15	9,261	0,010
Фактор M	143,81	149,07	140,33	0,524	0,769
Фактор N	177,10	143,46	101,06	36,510	0,001
Фактор O	78,50	158,04	220,59	129,488	0,001
Фактор Q ₁	183,56	142,14	93,79	50,558	0,001
Фактор Q ₂	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор Q ₃	217,39	124,89	71,99	142,002	0,001
Фактор Q ₄	76,84	174,80	196,68	113,573	0,001

На основе анализа результатов, представленных в таблицах 11 и 12, можно говорить о следующих психологических особенностях личности с интернет-зависимостью.

Выявлены неслучайные различия по фактору С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» между выборками группы 1, 2, 3 ($H = 141,631$, $p \leq 0,001$). Уровень фактора С в группе 3 ниже (средний ранг = 74,49), чем в группах 1 и 2. Среднее значение фактора С в группе 1 ($\bar{X}=6,20$), в группе 2 ($\bar{X}=3,73$) и в группе 3 ($\bar{X}=2,61$).

Этот фактор характеризует динамическое обобщение и зрелость эмоций в противоположность нерегулируемой эмоциональности. Низкие показатели (1 – 3

балла) свидетельствуют о недостаточной толерантности к фрустрации, раздражительности, импульсивности, переменчивости в настроении. Высокие показатели (8 – 10 баллов) свидетельствуют об эмоциональной устойчивости, выдержанности, ориентации на реальность, устойчивости в интересах. Следовательно, испытуемые группы 3 (интернет-зависимые) и группы 2 (группа риска) характеризуются незрелостью эмоциональной сферы личности, импульсивностью, зависимостью от настроений. Испытуемые группы 1 наоборот характеризуются эмоциональной стабильностью, стрессоустойчивостью, спокойным и адекватным восприятием действительности.

Установлены значимые различия по фактору Е «подчиненность – доминантность» между группами ($N = 11,060$, $p \leq 0,001$). Уровень фактора Е в группе 3 ниже (средний ранг = 120,60), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора Е в группе 1 ($\bar{X}=6,01$), в группе 2 ($\bar{X}=5,36$) и в группе 3 ($\bar{X}=4,74$). Низкие показатели (1 – 3 балла) характеризуют личность уступчивую, зависимую в принятии решений, несклонную к лидерству. В свою очередь высокие показатели (8 – 10 баллов) свидетельствуют о независимости личности в принятии решений, активности и склонности к лидерству. Показатели на уровне 4 – 5 баллов в группе 3 являются средними значениями по данному фактору и говорят о таких проявлениях личности, как уступчивость, застенчивость, склонность легко выходить из равновесия. Таким образом, интернет-зависимая личность характеризуется податливостью, конформностью, уступчивостью, покорностью.

Фактор G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» также оказался значимым в плане различий между исследуемыми группами. Уровень фактора G в группе 3 ниже (средний ранг = 69,11), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора G в группе 1 ($\bar{X}=6,09$), в группе 2 ($\bar{X}=4,73$) и в группе 3 ($\bar{X}=2,71$). Этот фактор напоминает фактор С, особенно в том, что касается роли саморегуляции поведения и отношения к другим людям. Данный фактор характеризует особенности эмоционально-волевой сферы

(настойчивость, организованность –безответственность, неорганизованность) и особенности регуляции социального поведения (принятие или игнорирование общепринятых моральных правил и норм). Низкое значение в группе 3 «ИЗ» по данному фактору указывает на яркую выраженность таких характеристик личности, как склонность к непостоянству, подверженность влиянию чувств, случая и обстоятельств, неорганизованность, безответственность, импульсивность, потворство своим желаниям, что в полной мере присуще личности с проявлениями интернет-зависимости.

Выявлены неслучайные различия по уровню фактора Н «робость – смелость» между выборками группы 1, группы 2, группы 3 ($H = 22,141$, $p \leq 0,001$). Уровень фактора Н в группе 3 ниже (средний ранг = 119,79), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора Н в группе 1 ($\bar{X}=5,85$), в группе 2 ($\bar{X}=4,88$) и в группе 3 ($\bar{X}=4,54$). Фактор Н характеризует степень активности в социальных контактах. При этом надо учитывать, что этот фактор имеет генетическое происхождение и отражает активность организма и особенности темперамента. Люди с высокими оценками этого фактора имеют склонность к профессиям риска, упорны, социабельны, умеют выдерживать эмоциональные нагрузки, что часто делает их лидерами. Низкие оценки этого фактора характеризуют людей застенчивых, робких, не социабельных, трудно принимающих самостоятельные решения. В группе 3 «ИЗ» показатели на уровне 4 баллов по данному фактору говорят о трудностях в принятии самостоятельных решений, застенчивости.

Не оказался исключением и фактор L «доверчивость – подозрительность». Различия по этому фактору выявлены между всеми исследованными выборками. Уровень фактора L в группе 3 ниже (средний ранг = 122,15), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора L в группе 1 ($\bar{X}=5,50$), в группе 2 ($\bar{X}=5,95$) и в группе 3 ($\bar{X}=4,81$). В целом фактор L отражает эмоциональное отношение к людям. Очень высокие оценки по этому фактору говорят об излишней защите и эмоциональной напряженности, фрустрированности личности. Показатели на уровне 4–5 баллов в группе 3 по данному фактору характеризуют личность с

интернет-зависимостью как добродушную и склонную не только к изменению собственного мнения под влиянием внешнего социального давления, но и к нежеланию размышлять, делать выводы, полагаясь на стереотипы и шаблоны, облегчающие принятие решений.

Неслучайные различия обнаружены по фактору N «прямолинейность – дипломатичность» между выборками 1, 2, 3 ($N = 36,510$, $p \leq 0,001$). Уровень фактора N в группе 3 ниже (средний ранг = 101,06), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора N в группе 1 ($\bar{X}=5,09$), в группе 2 ($\bar{X}=4,29$) и в группе 3 ($\bar{X}=3,44$). Фактор ориентирован на измерение отношений личности к людям и окружающей действительности и отражает некий вариант тактического мастерства. Высокие оценки по этому фактору свидетельствуют о дипломатичности в противоположность «естественности и прямолинейности», сопряженной с наивной эмоциональной искренностью, прямоотой и непринужденностью, присущей обладателям низких оценок. Они медлительны, консервативны, препятствуют принятию решения группой, излишне прямолинейны и эмоциональны, недостаточно тактичны и дисциплинированы. Все эти личностные проявления формируют не совсем благоприятный психологический облик личности с интернет-зависимостью.

Анализ значимых различий по фактору O «спокойствие – тревожность» ($N = 129,488$, $p \leq 0,001$) при его более высоких показателях в выборке интернет-зависимых респондентов ($\bar{X}=7,93$) позволяет полагать, что они значительно хуже справляются с последствиями своих неудач, проявляют повышенную напряженность в трудных жизненных ситуациях, легко теряют присутствие духа. В силу внутренней неустойчивости и напряженности им нелегко справиться со своими неудачами, в трудных жизненных ситуациях они легко теряют присутствие духа, терзаясь сожалениями. Нередки для них проявления симптомов ипохондрии, неврастении, страхов, повышенной застенчивости и сниженной контактности, беспокойства, подверженности настроению, неуверенности в себе, склонности к депрессиям.

При этом стоит учесть, что в группе «ИЗ» был выявлен низкий уровень рефлексивности. Следовательно, можно предположить, что при отсутствии навыков рефлексии собственного эмоционального фона, жизненных событий, определенных поступков и полученных впечатлений, испытуемые группы с интернет-зависимостью прибегают к способу ухода в виртуальный мир, чтобы справиться с чувством тревожности, происхождение которого для них остается неизвестным. Примечательно, что и в группе риска («ГР») показатели, хотя и незначительно ниже ($\bar{X} = 6,10$), но остаются высокими. Следовательно, интерпретация данного фактора для них может быть аналогична предыдущей.

О консервативности, узости интеллектуальных интересов у группы респондентов с интернет-зависимостью свидетельствуют низкие показатели по фактору Q_1 «консерватизм – радикализм» ($N = 50,558, p \leq 0,001$). Среднее значение уровня фактора Q_1 в группе 1 ($\bar{X}=5,10$), в группе 2 ($\bar{X}=4,04$) и в группе 3 ($\bar{X}=2,72$).

Между группами выявлены также неслучайные различия по фактору Q_3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль». Уровень фактора Q_3 в группе 3 ниже (средний ранг = 71,99), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора Q_3 в группе 1 ($\bar{X}=6,74$), в группе 2 ($\bar{X}=4,20$) и в группе 3 ($\bar{X}=2,88$). Следовательно, можно говорить о слабой воле и низком самоконтроле, импульсивности и неупорядоченности деятельности, потворстве своим желаниям, зависимости от настроения, неумении контролировать свои эмоции и поведение, низкой дисциплинированности, присущей интернет-зависимой личности в противовес проявлениям самоконтроля, настойчивости, сознательности, склонности к соблюдению этикета определенных усилий, наличию четких принципов, убеждений и уважения общественного мнения. В целом, полученные результаты отражают низкий уровень внутреннего контроля поведения, и интегрированности личности с выраженными признаками интернет-зависимости.

Наконец, были установлены статистически значимые различия по уровню выраженности фактора Q_4 «расслабленность – напряженность» между всеми выборками ($N = 113,573, p \leq 0,001$). Уровень фактора Q_4 в группе 3 выше (средний

ранг = 196,68), чем в группах 1 и 2. Среднее значение уровня фактора Q₄ в группе 1 ($\bar{X}=3,18$), в группе 2 ($\bar{X}=5,95$) и в группе 3 ($\bar{X}=6,53$).

Оценки по этому фактору в группе интернет-зависимых близки к высоким, что позволяет говорить о проявлениях напряженности, взвинченности, фрустрированности, раздражительности обследованных респондентов. В их поведении заметны признаки энергетической возбужденности, требующей определенной разрядки; при отсутствии которой возможны психосоматические нарушения, снижение эмоциональной устойчивости, потеря психического равновесия, выражение агрессивности.

Таким образом, для личности с интернет-зависимостью характерны определенные психологические особенности: эмоциональная нестабильность, низкая нормативность поведения, робость, прямолинейность, высокая тревожность, консерватизм, низкий самоконтроль, эмоциональная напряженность. Это отчасти подтверждает выводы, полученные исследователями ранее (Л.И. Козлова, В.Л. Малыгин, Т.В. Пантелеева, М.Г. Чухрова, Q. Chen, A. Rakpour, Z. Yao, Y. Shen) на других возрастных выборках и позволяет говорить о том, что эмоциональная нестабильность, напряженность, тревожность и низкий самоконтроль являются унитарными особенностями, присущими личности с интернет-зависимостью как в подростковом и юношеском возрасте, так и в период взрослости. Между тем, открытым остается вопрос о том, являются ли они прогностическими предпосылками возникновения интернет-зависимости.

На следующем этапе исследования выявлялись взаимосвязи между интернет-зависимостью и личностными чертами, представленными в опроснике Кеттелла. В соответствии с концептуальными основами исследования, предполагающего изучение интернет-зависимой личности как открытой, динамичной, саморазвивающейся системы, корреляционный анализ осуществлялся на двух разновозрастных выборках с последующим сравнением полученных корреляционных структур.

Общая выборочная совокупность была разделена на две подгруппы по возрастным периодам: ранняя взрослость (18 – 25 лет) и средняя взрослость (26 –

38 лет). В таблицах 13 и 14 представлены коэффициенты корреляции подгрупп периода ранней зрелости и средней зрелости соответственно.

Таблица 13

Коэффициенты корреляции между факторами опросника Кеттелла и шкалой интернет-зависимости подгруппы периода ранней зрелости

Факторы	Шкала интернет-зависимости (N = 213)	Уровень знч.
Фактор А	0,107	0,120
Фактор С	- 0,689	0,001
Фактор Е	- 0,117	0,090
Фактор F	0,016	0,820
Фактор G	- 0,631	0,001
Фактор H	- 0,233	0,001
Фактор I	0,016	0,820
Фактор L	- 0,012	0,867
Фактор M	- 0,013	0,850
Фактор N	- 0,296	0,001
Фактор O	0,710	0,001
Фактор Q ₁	- 0,375	0,001
Фактор Q ₂	0,016	0,820
Фактор Q ₃	- 0,685	0,001
Фактор Q ₄	0,630	0,001

Таблица 14

Коэффициенты корреляции между факторами опросника Кеттелла и шкалой интернет-зависимости подгруппы периода средней зрелости

Факторы	Шкала интернет-зависимости (N = 76)	Уровень знч.
Фактор А	- 0,134	0,248
Фактор С	- 0,676	0,001
Фактор Е	- 0,300	0,009
Фактор F	- 0,096	0,409

Факторы	Шкала интернет-зависимости (N = 76)	Уровень знч.
Фактор G	- 0,516	0,001
Фактор H	- 0,318	0,005
Фактор I	0,096	0,409
Фактор L	- 0,083	0,478
Фактор M	0,004	0,975
Фактор N	- 0,335	0,003
Фактор O	0,548	0,001
Фактор Q ₁	- 0,460	0,001
Фактор Q ₂	0,096	0,409
Фактор Q ₃	- 0,708	0,001
Фактор Q ₄	0,618	0,001

Для расчета Z-преобразования Фишера берем только коэффициенты корреляции больше 0,3 и сравниваем по подгруппам. Результаты расчета представлены в таблице 15.

Таблица 15

Значения Z-преобразования Фишера

Фактор	Подгруппа – ранняя взрослость N=213	Подгруппа – средняя взрослость N=76	Z ₁	Z ₂	Z ₃	Уровень знч.
Фактор C	- 0,689	- 0,676	0,846	0,822	1,252	0,2112
Фактор G	- 0,631	- 0,516	0,743	0,571	1,671	0,095
Фактор O	0,710	0,548	0,887	0,616	2,496	0,0128
Фактор Q ₁	- 0,375	- 0,460	0,394	0,497	0,484	0,6312
Фактор Q ₃	- 0,685	- 0,708	0,838	0,883	0,960	0,337
Фактор Q ₄	0,630	0,618	0,741	0,722	0,908	0,3628

Из таблицы 15 видно, что в подгруппе возрастного периода средней взрослости связь интернет-зависимости и фактора O статистически значимо

ниже, чем в подгруппе возрастного периода ранней взрослости ($p \leq 0,0128$). Мы предполагаем, что это связано с закономерным развитием личности в период взрослости, т.е., чем старше становится человек, тем больше у него накопленного жизненного опыта, так называемой житейской мудрости, которая позволяет к ряду ситуаций подходить более осмысленно и спокойно. По остальным коэффициентам корреляции значимых отличий не выявлено. Следовательно, можно полагать, что структура интернет-зависимости как комплекса ее коррелятов периода ранней взрослости и средней взрослости не имеют значимых различий. Таким образом, частная гипотеза 3 не подтвердилась.

Для личности с интернет-зависимостью характерны определенные психологические особенности: эмоциональная нестабильность, низкая нормативность поведения, высокая тревожность, консерватизм, низкий самоконтроль, эмоциональная напряженность. Стоит отметить, что согласно факторной теории личности Р. Кеттелла, эмоционально-волевой блок образуют следующие факторы: фактор С, фактор О, фактор Q₃, фактор Q₄, фактор G. При анализе совокупности этих факторов у испытуемых группы 3 «ИЗ», были выявлены следующие личностные особенности: эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, неуверенность в себе, мнительность, низкая стрессоустойчивость, излишняя эмоциональная напряженность, фрустрированность, низкий контроль эмоций и поведения, импульсивность, аффективность, зависимость от настроений. Низкий самоконтроль проявляется в потворстве своим желаниям, неумении контролировать свои эмоции и поведение, слабой воле. Это отражается на умении управлять собственным временем, снижая критичность восприятия потраченного времени в сети. Низкий уровень рефлексивности не позволяет осмыслить внутриличностные проблемы и разрешить их адаптивным способом. В связи с этим личность прибегает к уходу от реальности, путем погружения в виртуальный мир, который позволяет полностью абстрагироваться от реального мира, дает возможность исправить ошибку путем многократных попыток, снимает ответственность. Отрицательная взаимосвязь интернет-зависимости с общей жизнеспособностью и ее

компонентами свидетельствует о том, что личность с низкими показателями жизнеспособности более предрасположена к возникновению интернет-зависимости. Интернет-зависимость препятствует успешному решению жизненных задач ранней и средней взрослости, поскольку выступает как внутренняя причина «закрытия», блокировки системы развития личности.

3.2. Качественное своеобразие проявлений личности с интернет–зависимостью

Неклассическая ориентация нашей работы допускает сочетание количественных и качественных методов, позволяющих получить более подробную характеристику изучаемого предмета. Поэтому была предпринята попытка исследования индивидуально-своеобразных характеристик, присущих личности с интернет–зависимостью, посредством проективной методики «Рисуночный тест Вартегга». Для проективного исследования из суммарной выборки предыдущего этапа были сформированы две группы. Первую группу составили испытуемые с отсутствием интернет–зависимости («Контрольная группа» – «КГ», $N_1 = 42$), вторую группу составили испытуемые с наличием интернет–зависимости («Интернет–зависимость» – «ИЗ», $N_2 = 38$).

При содержательной интерпретации восприятия испытуемыми символического и ассоциативного значения стимульных фигур теста использовалось практическое руководство под редакцией В.К. Калининко. Тестовый бланк представляет собой восемь квадратов. Стимульный квадрат № 1 отвечает за Я-концепцию и эго-защиты; № 2 – за взаимоотношения с миром и контактность; № 3 отражает творческую динамику нахождения человека своего места в мире и мотивацию; № 4 – страхи человека и соответствующие психологические защиты; № 5 является показателем способности справляться с препятствиями; № 6 свидетельствует о практичности, связи с реальностью, интегрированности; № 7 выступает индикатором чувствительности, впечатлительности, эмоциональной лабильности, способности к контакту со

своими чувствами; № 8 – это ощущение человеком своей защищенности, безопасности в общении, зрелость/инфантильность. В приложении Г представлены примеры выполнения рисуночного теста Вартегга испытуемыми из контрольной группы и группы с наличием интернет–зависимости.

Анализ полученных проективных материалов позволил выделить следующие тенденции. У респондентов с отсутствием интернет–зависимости в первом квадрате преобладают адекватные решения (центр круга, орнамент, середина цветка). У группы респондентов с интернет–зависимостью наблюдаются неадекватные решения (центр спирали, созвездие, паутина, мишень). Проецируемые области психики в данном квадрате: «Я-концепция», уверенность в себе, сила эго. Таким образом, с точки зрения качественной интерпретации данного стимула, личность с интернет–зависимостью характеризуется нарушенным самоощущением, неуверенностью, эмоциональным беспокойством, слабым и ранимым «Я», прослеживается тенденция отчужденности от самого себя. Мы предполагаем, что виртуальное пространство позволяет конструировать желаемый образ «Я», так называемое – «идеальное Я». И в отличие от реального мира, в мире виртуальном не нужно прикладывать усилия для реализации своих возможностей, преодолевать трудности, выдерживать внутренне напряжение повседневности.

Во втором квадрате, который отвечает за взаимоотношения с миром и контактность, статистически достоверные различия между группами не были обнаружены, т.е. в обеих группах на рисунках демонстрировались как физиогномические решения и движущиеся объекты (лицо, бровь, нос, летящая птица), отвечающие за активное стремление к общению, оживленность и эмоциональную теплоту, так и предметные, абстрактно-формальные решения (ваза, купол, буква, росчерк), указывающие на холодность, замкнутость, «замороженность» чувств. Это согласуется с ранее полученными данными о том, что среди интернет-зависимых есть и те, кто с легкостью идут на контакт и те, кто имеет трудности в установлении контактов, выбирая при этом тот вид деятельности в сети, который отвечает направленности их личности.

Различия в группах заметны и по такому признаку, как мотивация и реализация собственного потенциала. В квадрате № 3 у контрольной группы ярко выражена творческая динамика. Стимул из последовательных возрастающих вертикальных линий побуждает продолжить ее в рисунке и отражает стремление к развитию. Типичные решения в этой группе – кривая, диаграмма, лестница, что можно рассматривать как целеустремленность, честолюбие, энергичность. В группе интернет–зависимых типичными вариантами являются забор, телеграфные столбы, диффузное продление, что свидетельствует о нереализованности собственного потенциала, о недостаточном интересе к достижениям, об инфантилизме и чувстве неполноценности. Стоит отметить, что многопользовательские онлайн-игры создают иллюзию успешности путем достижения нового уровня/статуса в игре. Таким образом, личность с интернет-зависимостью достигает ощущение значимости, переживает ситуацию успеха в виртуальном пространстве.

Стимульный знак четвертого квадрата направлен на проецирование области психики, отвечающей за страхи и психологические защиты. Группа испытуемых с интернет–зависимостью в основном изображала голову робота, несимметричный узор (тетрис), орнаменты, что указывает на глубинную тревогу, ощущение угрозы и самоотчуждения. Вторая группа демонстрировала активное преодоление страхов и тревожности, изображая подъемные механизмы, трубы на доме. Эти результаты согласуются с наличием фактора О «спокойствие – тревожность» в прогностической модели.

Квадрат № 5, отвечающий за энергичность, инициативу, способность справляться с препятствиями позволяет предугадать, насколько успешно и каким образом человек справляется с ситуациями фрустрации: продолжает ли рисуящую линию, направленную из левого нижнего угла, пересекая при этом поперечную линию. У людей с отсутствием интернет–зависимости преобладают адекватные решения (лопата, грабли, направленные вверх; молоток). Это позволяет предполагать, что контрольная группа характеризуется энергичностью, целенаправленной волей, активностью, способностью к мобилизации сил и

противостоянию. У группы людей с интернет–зависимостью наблюдаются неадекватные решения (шприц, серп и молот, кинжал). Представители второй группы демонстрируют слабую витальность, пассивность, отсутствие самообладания, неспособность к противостоянию сложным жизненным ситуациям. Показатели данного квадрата соотносятся с результатами, полученными по методике «Жизнеспособность человека».

Шестой стимульный знак представляет собой не связанные между собой горизонтальную и вертикальную линии. Стимул побуждает к соединению линий в единую структуру, однако их смещение относительно центра делает их завершение в сбалансированное целое трудной задачей. Контрольная группа в качестве типичных решений изображала строения, оконные рамы, геометрические фигуры, что свидетельствует о психической структурированности, интегрированности и целостности личности. Рисунки другой группы в основном представлены разобщенными фигурами, диффузно расположенными линиями. В данном случае можно говорить о дезинтеграции, нарушении связи с реальностью, страхе перед реальностью, об ощущении внутренней разобщенности.

В седьмом квадрате отражаются особенности эмоциональной сферы: чуткость, впечатлительность, чувствительность, способность к контакту со своими чувствами, эмоциональная лабильность. В контрольной группе типичными рисунками являются цветки, фрукты, ожерелье, узоры, которые интерпретируются как способность к контакту со своими чувствами, открытость, чуткость, потребность в нежности. В группе интернет–зависимых наблюдается игнорирование или преобразование впечатления от стимула. В основном изображены механистические, абстрактные, грубые объекты, что свидетельствует о закрытости, эмоциональной лабильности, избегании контакта со своими чувствами. Отметим, что в прогностическую модель входит фактор С «эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность».

Также наблюдаются статистически значимые различия между группами по рисунку в восьмом квадрате. Проецируемые области психики в этом квадрате

отвечают за ощущение личностью своей защищенности, безопасности в общении, зрелость/инфантильность. На рисунках пользователей с отсутствием интернет-зависимости в основном изображены природные явления (восход солнца, закат, радуга), ручка (корзинки, лейки), предметные решения (мосты, арки, здания), что отвечает за такие признаки, как зрелость, защищенность, способность вступать в отношения в эмоциональном, этическом и духовном смысле. Группа с интернет-зависимостью в качестве типичных решений изображала огромный глаз, лицо человека (апатичное, неосмысленное), парашют, механистические предметы, что указывает на изолированность, недостаток защищенности, одиночество, страх наблюдения, вытесненное чувство неполноценности. Статистические различия показателей по методике «Рисуночный тест Вартегга» рассчитывались с помощью критерия χ^2 -Пирсона и представлены в таблице 16.

Таблица 16

Сравнение показателей по методике «Рисуночный тест Вартегга»

Стимульный знак		Группа с отсутствием интернет-зависимости, «КГ»	Группа с интернет-зависимостью, «ИЗ»	Значение χ^2 -Пирсона	Уровень знч.
1 «Я-концепция»	N ⁺	38	2	57,945	0,001
	N ⁻	4	36		
2 «Взаимоотношения с миром, контактность»	N ⁺	31	26	0,283	0,595
	N ⁻	11	12		
3 «Творческая динамика, достижения»	N ⁺	37	4	48,045	0,001
	N ⁻	5	34		
4 «Психологические защиты, страхи»	N ⁺	39	3	57,749	0,001
	N ⁻	3	35		
5 «Энергичность, инициатива, витальность»	N ⁺	40	1	68,479	0,001
	N ⁻	2	37		
6 «Интегрированность, целостность»	N ⁺	39	2	61,266	0,001
	N ⁻	3	36		

Стимульный знак		Группа с отсутствием интернет- зависимости, «КГ»	Группа с интернет- зависимостью, «ИЗ»	Значение χ^2 - Пирсона	Уровень знч.
7 «Впечатлительность, чувствительность»	N ⁺	37	3	51,328	0,001
	N ⁻	5	35		
8 «Чувство защищенности, зрелость/инфантильность»	N ⁺	38	4	51,136	0,001
	N ⁻	4	34		

Стоит отметить, что обозначения «N⁺», «N⁻», «N_p» введены Э. Вартегом. Он ввел градацию частотных содержательных мотивов и определил «N⁺» как нормативные адекватные решения, т.е. решения, которые учитывают базовые качества стимульного знака; «N⁻» – неадекватные решения, т.е. решения, которые игнорируют базовые качества стимульного знака; «N_p» – патологическая норма, т.е. решения, которые учитывают побудительный характер стимула, но встречаются в основном у испытуемых с акцентуациями характера, невротиков.

Рисуночный тест Вартега также предполагает интерпретацию последовательности рисунков. Тестовый лист намерено предлагает в последовательности стимулов 1 – 8 такой порядок, при котором, аналогично привычному движению письма, рисование начинается с простой начальной точки, затем идет слева направо к родственному письму завитку и продолжается нарастающими линиями. Далее знаки 4, 5, 6, 7 побуждают к напряженному выбору и столкновению, а затем рисунок 8 позволяет ощутить защиту. Последовательность рисунков позволяет определить какие жизненные темы/области психического привлекают больше всего, а какие избегаются или вызывают затруднения. Типичная последовательность выполнения представлена в таблице 17 [74].

Типичная последовательность выполнения

Порядковое место	Частые рисунки	Редкие рисунки
1	1, 8	5, 6, 7
2	2, 3	5, 6
3	3	5, 6
4	4, 8	7
5	5, 6, 7	1
6	5, 6, 7	1, 3, 8
7	5	2, 3, 8
8	7	2, 3, 8

Нормативно–упорядоченной последовательностью считается последовательность, представленная лишь частотными рисунками, т.е. первыми четырьмя рисунками оказываются 1, 2, 3, 8, а последними четырьмя – 4, 5, 6, 7. «Диффузная» последовательность – непоследовательное, попеременное использование органических и механистических стимулов.

Группа с отсутствием интернет–зависимости в основном характеризуется нормативно–упорядоченной последовательностью, что свидетельствует об уравновешенной личности с хорошим самоконтролем. В противоположность этой группе, группа с интернет–зависимостью чаще выполняла рисунки в «диффузной» последовательности, что указывает на импульсивность, неустойчивость и противоречивость личности.

Еще одним направлением интерпретации рисунков является рассмотрение пар рисунков. Анализируя первый и восьмой рисунки, можно сделать вывод о самооценке человека, второй и седьмой рисунки – о коммуникативной сфере, третий и пятый рисунки – о жизненной силе и способности к мобилизации, четвертый и шестой рисунки – об уровне личностной зрелости и целостности личности. Интерпретируя подобным образом пары рисунков, можно заметить, что интернет–зависимая личность характеризуется инфантильностью, застреванием в

расщепленной позиции, эмоциональной лабильностью, низкой самооценкой, неспособностью справляться с обременяющей ответственностью и тяжелыми жизненными обстоятельствами, слабой способностью к мобилизации и сниженной жизненной силой, т.е. низкой жизнеспособностью.

Таким образом, результаты и интерпретация проведенной проективной методики позволили выявить индивидуально-своеобразные проявления личности с интернет-зависимостью. Обобщая полученные данные, мы можем говорить о качественном своеобразии психологических проявлений личности с интернет-зависимостью: слабом и ранимом «Я», ощущении внутренней разобщенности, инфантилизме, избегании контакта со своими чувствами, недостатке защищенности, чувстве одиночества, вытесненном чувстве неполноценности, низкой самооценке, глубинной тревоге и ощущении угрозы, эмоциональной лабильности, импульсивности, нарушении связи с реальностью и страхом перед реальностью, неспособности справляться с обременяющей ответственностью и тяжелыми жизненными обстоятельствами, слабой способности к мобилизации, нереализованности собственного потенциала, недостаточном интересе к достижениям, слабой витальности, пассивности, отсутствии самообладания, неспособности к противостоянию сложным жизненным ситуациям.

3.3. Прогностическая модель интернет-зависимости личности

На завершающем этапе эмпирического исследования решалась задача эмпирической верификации модели прогноза возникновения интернет-зависимости личности, т.е. выявления ее предикторов. Для решения этой задачи был использован дискриминантный анализ. На основании отсутствия статически значимых различий в корреляционных плеядах в подгруппах ранней взрослости и средней взрослости принято статистически обоснованное решение о построении общей прогностической модели.

Для роли переменной-критерия, используемого в процедуре дискриминантного анализа, была определена номинативная переменная со

следующими значениями: 1 – группа с отсутствием интернет-зависимости («КГ»), 2 – группа со склонностью к интернет-зависимости («ГР»), 3 – группа с интернет-зависимостью («ИЗ»). Переменные-предикторы представлены факторами личностного опросника Кеттелла (за исключением фактора В «интеллект»), показателями жизнеспособности и рефлексивности. В исследовании был использован дискриминантный анализ с пошаговым отбором предикторов, при котором на каждом шаге включается переменная, минимизирующая индикатор λ -Уилкса. Минимум частного F-включения – 3,84; максимум частного F-исключения – 2,71. Данные о включенных переменных представлены в таблице 18. Данные о переменных, не включенных в анализ представлены в Приложении Д.

Таблица 18

Включенные переменные

Шаг	Введенные	λ -Уилкса		
		Статистика	Точное значение F	
			Статистика	Знч.
1	Фактор С	0,504	140,732	0,001
2	Рефлексивность	0,392	85,221	0,001
3	Фактор Q ₃	0,334	69,221	0,001
4	Фактор О	0,306	57,057	0,001
5	Жизнеспособность	0,292	47,917	0,001
6	Фактор Q ₄	0,280	41,729	0,001
7	Фактор G	0,268	37,259	0,001

Как видно из таблицы 18 на шаге 7 значение λ -Уилкса минимальное и равняется 0,268. Принимая во внимание, что λ -Уилкса – это отношение внутригрупповой суммы квадратов к общей сумме квадратов, значение которого уменьшается с ростом разностей средних значений, для дальнейшего составления дискриминантной функции мы берем все переменные включенные на 7 шаге. В таблице 19 указаны переменные, включенные в анализ с приращением переменных.

Переменные в анализе

Шаг	Переменные	Толерантность	F-исключения	λ -Уилкса
1	Фактор С	1,000	140,732	
2	Фактор С	0,981	67,447	0,577
	Рефлексивность	0,981	40,909	0,504
3	Фактор С	0,923	29,334	0,403
	Рефлексивность	0,960	24,658	0,392
	Фактор Q ₃	0,911	24,651	0,392
4	Фактор С	0,852	15,610	0,340
	Рефлексивность	0,959	23,673	0,358
	Фактор Q ₃	0,862	13,966	0,337
	Фактор О	0,843	12,568	0,334
5	Фактор С	0,807	10,690	0,314
	Рефлексивность	0,912	15,339	0,324
	Фактор Q ₃	0,854	11,551	0,316
	Фактор О	0,836	10,073	0,313
	Жизнеспособность	0,831	6,814	0,306
6	Фактор С	0,761	7,086	0,294
	Рефлексивность	0,912	15,307	0,310
	Фактор Q ₃	0,835	9,554	0,299
	Фактор О	0,761	8,844	0,297
	Жизнеспособность	0,829	6,723	0,293
	Фактор Q ₄	0,736	6,363	0,292
7	Фактор С	0,761	7,053	0,282
	Рефлексивность	0,901	14,443	0,296
	Фактор Q ₃	0,746	10,100	0,287
	Фактор О	0,748	7,869	0,283
	Жизнеспособность	0,815	6,139	0,280
	Фактор Q ₄	0,734	6,725	0,281
	Фактор G	0,755	6,057	0,280

Толерантность показывает меру линейной зависимости между одним предиктором и всеми остальными. Достаточный уровень толерантности выше 0,1. Следовательно, мы делаем вывод о том, что переменные для анализа отобраны верно.

В таблице 20 представлены основные статистики канонической дискриминантной функции. Значения 1 и 2 в графе «Функция», говорят о том, что в процессе дискриминантного анализа были получены две дискриминантные функции. Это обусловлено тем, что зависимая переменная имеет 3 уровня.

Таблица 20

Основные статистики канонической дискриминантной функции

Функция	1	2
Собственное значение	2,330	0,120
% объясненной дисперсии	95,1	4,9
Кумулятивный %	95,1	100,00
Каноническая корреляция	0,836	0,328
λ -Уилкса	0,268	0,893
Хи-квадрат (χ^2)	372,590	32,129
Уровень значимости	0,001	0,001

Чем больше значение Хи-квадрат (χ^2), тем сильнее дискриминантная функция различает группы и тем лучше она соответствует своему назначению. При равновеликих уровнях значимости равные 0,001, наибольшее $\chi^2 = 372,590$ соответствует функции 1. Следовательно дискриминантная функция будет строиться по каноническим коэффициентам функции 1.

В таблице 21 приведены коэффициенты канонической дискриминантной функции, представляющие собой нестандартизованные коэффициенты и константу дискриминантного уравнения. На основании этих данных строится дискриминантное уравнение для предсказания принадлежности объекта к определенной группе. По этому уравнению подсчитывается значение функции для каждого из объектов.

Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Предикторы	Функция
	1
Фактор С «Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность»	0,194
Фактор G «Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»	- 0,008
Фактор О «Спокойствие – тревожность»	- 0,154
Фактор Q ₄ «Расслабленность – напряженность»	- 0,065
Рефлексивность	0,265
Общий показатель жизнеспособности	0,178
Фактор Q ₃ «Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль»	0,210
Константа	- 2,668

На рисунке 7 изображено графическое представление всех объектов и центроидов классов на осях канонических функций.

Канонические дискриминантные функции

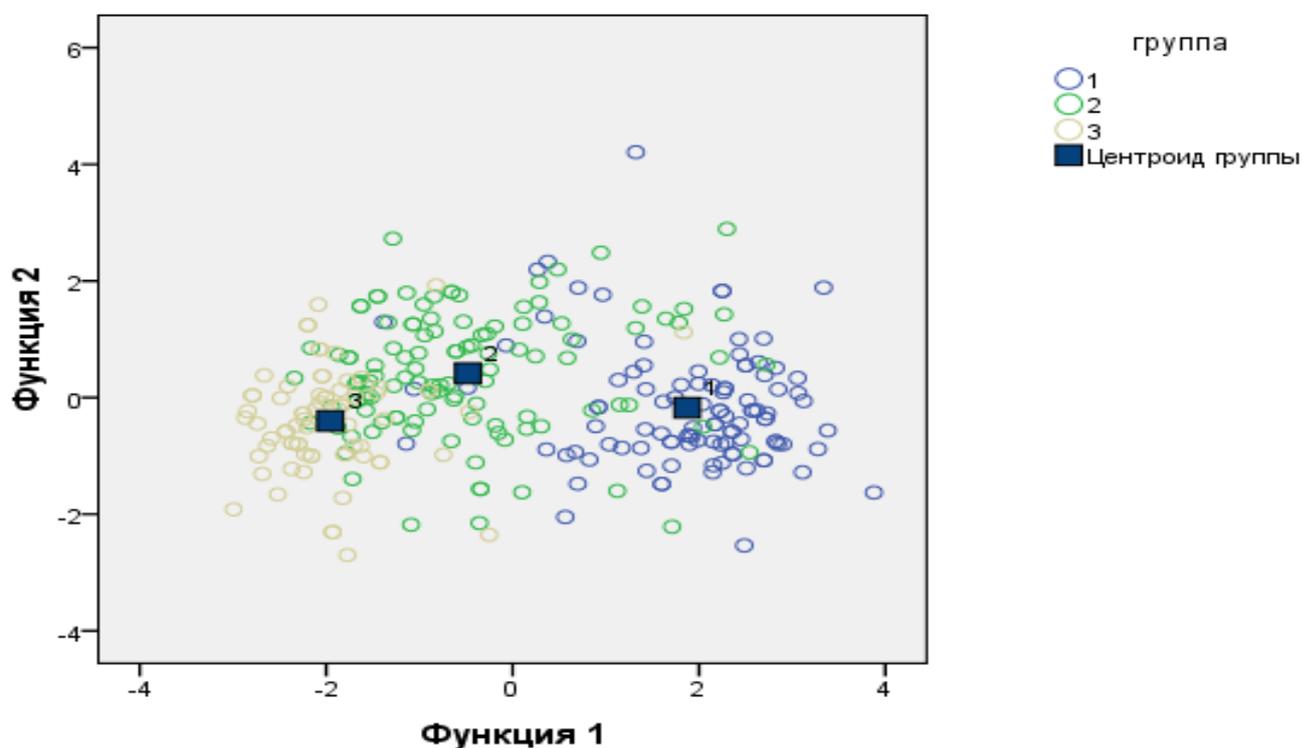

Рис.7 – Канонические дискриминантные функции

Центроид представляет собой значение функции, получаемое при подстановке в дискриминантное уравнение средних значений предикторов. В таблице 22 представлены значения центроидов.

Таблица 22

Функции в центроидах групп

Группирующая	Функция
	1
Группа 1 (контрольная группа)	1,874
Группа 2 (группа риска)	- 0,478
Группа 3 (группа с интернет-зависимостью)	- 1,956

На основании вышеприведенного обоснования выбора функции 1 для построения дискриминантного уравнения, составим дискриминантное уравнение с использованием коэффициентов канонической дискриминантной функции 1 (см. таблицу 21).

Получаем следующее уравнение:

$$d = - 2,668 + 0,194*\text{фактор С} - 0,008*\text{фактор G} - 0,154*\text{фактор O} - 0,065*\text{фактор Q}_4 + 0,265*\text{рефлексивность} + 0,178*\text{жизнеспособность} + 0,210*\text{фактор Q}_3,$$

где d– ожидаемая группа принадлежности.

Для определения принадлежности к конкретной группе необходимо подставить значения включенных переменных, рассчитать дискриминантный балл и соотнести его с центроидами групп. Выбирается та группа, к центроиду которой ближе дискриминантный балл.

В таблице 23 приведены нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции. Эти переменные служат для определения относительного вклада каждой переменной в значение дискриминантной функции с учетом влияния остальных переменных. Чем больше абсолютное значение коэффициента, тем больше относительный вклад данной переменной в значение дискриминантной функции, разделяющей классы. Как видно из таблицы

максимальное абсолютное значение имеет «рефлексивность» (0,372), следовательно, самый большой вклад в разделение классов вносит «рефлексивность».

Таблица 23

Нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции

Предикторы	Функция
	1
Фактор С «Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность»	0,287
Фактор G «Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»	- 0,015
Фактор О «Спокойствие – тревожность»	- 0,296
Фактор Q ₄ «Расслабленность – напряженность»	- 0,116
Рефлексивность	0,372
Общий показатель жизнеспособности	0,264
Фактор Q ₃ «Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль»	0,332

Незначительно меньшее абсолютное значение имеет фактор Q₃ (0,332) «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль». Далее идут фактор О «спокойствие – тревожность» (- 0,296); фактор С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» (0,287); «жизнеспособность» (0,264); фактор Q₄ «расслабленность – напряженность» (- 0,116). Наименьшим вкладом обладает фактор G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (- 0,015).

Следующий этап дискриминантного анализа – это расчет поточечных статистик. В таблице 24 представлен фрагмент таблицы поточечных статистик. Общая таблица поточечных статистик представлена в Приложении Е.

Поточечные статистики (фрагмент)

Номер наблюдения	Фактическая группа	Наивероятнейшая группа				Дискриминантные баллы	
		Предсказанная группа	P (D>d G = g)		P (G = g D=d)	Функция 1	Функция 2
			p	ст.св.			
1	1	2**	,155	2	,901	,269	2,197
2	1	2**	,445	2	,827	,342	1,389
3	2	2	,850	2	,745	-1,043	,496
4	1	1	,073	2	,662	,566	-2,050
5	3	3	,774	2	,534	-1,773	,291
6	3	2**	,301	2	,924	-,821	1,928
7	2	2	,419	2	,753	,526	1,272
8	1	2**	,970	2	,804	-,481	,171
9	1	1	,473	2	,749	1,411	,959
10	2	2	,875	2	,723	-,867	,077
11	1	1	,849	2	,969	1,986	-,735
12	1	2**	,000	2	,736	1,324	4,209
13	1	1	,364	2	,598	,671	-,934
14	2	2	,356	2	,862	,284	1,634
15	1	1	,579	2	,771	1,037	-,802
16	2	2	,486	2	,614	,306	-,493
17	2	2	,767	2	,746	-1,154	,690
18	2	1**	,304	2	,805	1,646	1,353
19	2	1**	,596	2	,992	2,544	-,940
20	1	2**	,142	2	,602	,966	1,763
21	1	1	,388	2	,700	,825	-1,065
22	2	2	,364	2	,521	-1,865	,733
23	2	2	,043	2	,708	,947	2,484
24	1	1	,041	2	,994	3,338	1,887
25	1	1	,696	2	,888	1,377	-,866
26	2	2	,779	2	,895	-,276	1,094
27	2	2	,797	2	,894	-,330	1,074
28	1	2**	,450	2	,776	-1,385	1,296
29	1	1	,587	2	,667	,892	-,492
30	2	1**	,257	2	,945	2,270	1,426
31	2	1**	,935	2	,969	2,045	-,500
32	2	3**	,887	2	,611	-1,503	-,587
33	2	2	,493	2	,504	-1,659	,280
34	2	2	,518	2	,541	-1,081	-,560
35	1	3**	,666	2	,517	-1,141	-,789

** неправильно классифицированное наблюдение

В таблице 25 представлены результаты классификации исходных наблюдений по рассчитанной прогностической модели.

Таблица 25

Результаты классификации*

		Группа	Предсказанная принадлежность к группе			Итого
			1 «КГ»	2 «ГР»	3 «ИЗ»	
Исходные	Частота	1 «КГ»	91	12	1	104
		2 «ГР»	16	80	17	113
		3 «ИЗ»	1	12	59	72
	%	1 «КГ»	87,5	11,5	1,0	100,0
		2 «ГР»	14,2	70,8	15,0	100,0
		3 «ИЗ»	1,4	16,7	81,9	100,0

*79,6% исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно

Таким образом, дискриминантное уравнение обеспечило 79,6 % корректных результатов для той выборки, с помощью которой оно было создано.

Проанализируем полученную модель прогноза: $d = - 2,668 + 0,194 \cdot \text{фактор С} - 0,008 \cdot \text{фактор G} - 0,154 \cdot \text{фактор O} - 0,065 \cdot \text{фактор Q}_4 + 0,265 \cdot \text{рефлексивность} + 0,178 \cdot \text{жизнеспособность} + 0,210 \cdot \text{фактор Q}_3$.

Как видно из уравнения, в него включены 7 предикторов: фактор С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность», фактор Q₃ «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль», фактор О «спокойствие – тревожность», фактор G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения», показатель рефлексивности, показатель жизнеспособности, фактор Q₄ «расслабленность – напряженность». Математические знаки уравнения учитывают биполярность каждого фактора 16-факторного опросника Кеттелла.

Как было отмечено выше, наибольший вклад в разделение классов вносит уровень рефлексивности и фактор Q₃ «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль». Рефлексивность является важным параметром саморазвития. Человек с высоким уровнем рефлексивности способен осознавать себя,

анализировать происходящие в его жизни события, интериоризировать опыт собственной жизни и развиваться. Человек с высоким уровнем рефлексивности остается открытой саморазвивающейся системой и, как следствие, рефлексивность выступает «протектором» интернет-зависимости.

Фактор Q_3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» показывает насколько человек способен контролировать свою деятельность, свои желания и эмоции, измеряет уровень внутреннего контроля поведения и интегрированности личности. С учетом того, что полное созревание структур головного мозга человека происходит к 21-22 годам (это относится, в частности, к созреванию лобных долей больших полушарий, отвечающих за прогнозирование и контроль деятельности). В своем исследовании мы рассматриваем пользователей интернета в возрастных периодах ранней и средней взрослости, т.е. тех респондентов, которые физиологически созрели и способны к контролю собственной деятельности, однако на уровне личностных конструктов интернет-зависимые демонстрируют низкий уровень самоконтроля, проявляющийся в потворстве своим желаниям, в слабой воле, в зависимости от настроений, в неумении контролировать свои эмоции и поведение.

Далее по степени значимости следуют факторы О «спокойствие – тревожность» и G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения». Интерпретируя факторы второго порядка многофакторного опросника личности Р.Кеттелла, можно увидеть, что модель прогноза построена на факторе Q_{VIII} «Высокое «супер-эго» – низкое «супер-эго», в который входят фактор С, фактор Q_3 , фактор G. Следовательно можно сделать вывод о том, что человек с интернет-зависимостью характеризуется низким «супер-эго» с такими его проявлениями, как незрелость эмоций, неустойчивость интересов, неразвитость чувства ответственности, низкий контроль эмоций и поведения, импульсивность, конфликтность. Подобные особенности личности наряду с присущей ей тревожностью порождают чувство нестабильности, непринятия окружающей действительности, что выражается в уходе от реальности путем погружения в виртуальное пространство, так как данный способ «ухода» в

современном мире является доступным как с материальной стороны, так и с технологической. Высокий уровень тревожности, который присущ человеку с интернет-зависимостью, усугубляется информационным перегрузом в связи с поглощенностью виртуальным пространством. Формируется порочный круг. Человек, чтобы справиться с высоким уровнем тревожности и напряжения прибегает к уходу от реальности с помощью Интернета, а в результате потребления большого количества контента возникает ситуация перенасыщенности информацией, которая повышает внутреннюю напряженность и усиливает тревогу.

Личность с высокими оценками по фактору Q₄ «расслабленность – напряженность» характеризуется напряженностью, фрустрированностью, раздражительностью, взвинченностью, энергетической возбужденностью, которая требует определенной разрядки. «Сброс» энергетической возбужденности происходит путем систематического погружения в виртуальное пространство, что с течением времени перерастает в интернет-зависимость. Таким образом фактор Q₄ является предиктором интернет-зависимости, который не позволяет человеку оставаться открытой саморазвивающейся системой.

Еще одной переменной дискриминантного уравнения является общий показатель жизнеспособности как синергетического единства способностей адаптации, саморегуляции, саморазвития и осмысленности жизни. Жизнеспособность как интегральная способность сохранения человеком своей целостности, за счет постоянного саморазвития, выступает в роли «протектора» интернет-зависимости.

Полученные результаты позволяют эмпирически поддержать основную гипотезу нашего исследования о наличии определенных психологических потенциалов (жизнеспособность) и личностных свойств (рефлексивность, «эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность», «высокий самоконтроль – низкий самоконтроль», «спокойствие – тревожность», «высокая нормативность поведения – низкая нормативность поведения», «расслабленность – напряженность», выступающих в качестве предикторов и «протекторов»

возникновения интернет-зависимости личности как открытой саморазвивающейся системы.

Представленная эмпирически обоснованная прогностическая модель, отражающая психологические предикторы интернет–зависимости личности, позволяет выявить группу риска и провести с данным контингентом коррекционную работу, предупреждающую момент развития интернет-зависимости, а также определить наличие интернет–зависимости, в тех случаях, когда человек скрывает свое патологическое пристрастие.

ВЫВОДЫ

Проведенное нами эмпирическое исследование, направленное на изучение психологических особенностей личности с интернет-зависимостью и предикторов интернет-зависимости, позволяет сделать следующие выводы:

1. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях феномен интернет-зависимости остается вне поля психиатрической практики и рассматривается в контексте общепсихологических исследований. Интернет-зависимость определяется как навязчивое (компульсивное) желание использовать Интернет, приводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии. Исследования, посвященные изучению предикторов интернет-зависимости, единичны и проведены на выборках подростков и студентов. При этом отдельные результаты, полученные в этих работах, выглядят противоречивыми.

2. При определении доминирующих копинг-стратегий в группе респондентов с наличием интернет-зависимости выявлено, что чем ниже показатель по шкале «Разрешения проблем» и выше по шкале «Избегание проблем», тем выше показатель по шкале интернет-зависимости. Следовательно, человек с низкими показателями использования стратегии «Разрешения проблем» и высокими показателями стратегии «Избегание проблем» более предрасположен к возникновению интернет-зависимости.

2. Респонденты группы с интернет-зависимостью характеризуются низкими показателями рефлексивности, при этом, чем выше показатель по шкале интернет-зависимости, тем ниже параметры рефлексивности. Человек с низким уровнем рефлексивности более склонен выбирать уход от реальности путем погружения в виртуальный мир, нежели осмысливать собственную жизнь. Таким способом человек пытается совладать с имеющимися проблемами, которые требуют разрешения.

3. Личности с интернет-зависимостью присущи следующие особенности: эмоциональная нестабильность, проявляющаяся в незрелости эмоциональной сферы; импульсивность и зависимость от настроений; подчиненность,

податливость, конформность, уступчивость, покорность; низкая нормативность поведения, которая выражается в склонности к непостоянству, безответственности, неорганизованности; робость; низкий самоконтроль и слабая волевая регуляция; напряженность.

4. Качественное своеобразие интернет-зависимой личности проявляется: в слабом и ранним «Я», в ощущении внутренней разобщенности, в инфантилизме, в избегании контакта со своими чувствами и в недостатке защищенности. Такая личность страдает от чувства одиночества, низкой самооценки, глубинной тревоги и ощущения угрозы. Ей присуща эмоциональная лабильность, импульсивность, нарушение связи с реальностью, неспособность справляться с обременяющей ответственностью и тяжелыми жизненными обстоятельствами, слабая способность к мобилизации, нереализованность собственного потенциала, недостаточный интерес к достижениям, слабая витальность.

5. Психологическими предпосылками интернет-зависимости личности в период взрослости являются эмоциональная нестабильность, тревожность, низкий самоконтроль, напряженность, низкая нормативность поведения. При этом, эмоциональную нестабильность, тревожность, низкий самоконтроль можно рассматривать как универсальные предикторы интернет-зависимости, поскольку их прогностическая значимость уже была доказана ранее на выборке периода поздней юности.

6. Структура интернет-зависимости как комплекса ее коррелятов в периоды ранней и средней взрослости значимо различается только по одному параметру: фактор О «спокойствие – тревожность» по Р. Кетеллу. Данная закономерность, объясняется на наш взгляд закономерностями становления личности в период взрослости, когда по мере накопления житейской мудрости, человек научается более осмысленно и спокойно подходить к различным жизненным ситуациям. По остальным коэффициентам корреляции значимых отличий не выявлено. Следовательно, можно полагать, что психологическая структура интернет-зависимости формируется к началу ранней взрослости и не претерпевает серьезных дальнейших изменений на этапе средней взрослости.

7. Рефлексивность и жизнеспособность выступают в качестве «протекторов», препятствуя формированию интернет-зависимости личности как открытой саморазвивающейся системы.

7.1. Личность с высоким уровнем рефлексивности способна осознавать себя, анализировать происходящие в ее жизни события, интериоризировать собственный жизненный опыт, в том числе адекватно оценивая пагубные последствия чрезмерного увлечения интернетом для решения задач бытия и личностного становления. Таким образом, личность с высоким уровнем рефлексивности остается открытой саморазвивающейся системой.

7.2. «Протекторная» роль жизнеспособности имеет специфическое системное значение для формирования интернет-зависимости, потому что сама жизнеспособность характеризует личность как открытую саморазвивающуюся систему в целом, определяя возможности ее существования. Поскольку по мере повышения показателей интернет-зависимости снижаются параметры жизнеспособности, можно говорить и о системном воздействии на личность со стороны интернет-зависимости. Интернет-зависимость снижает способности к самой жизни как к динамической характеристике, требующей успешного решения всего спектра актуальных задач личностного бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие компьютерных технологий, распространение Интернета, широкий доступ к компьютерам привели к возникновению и стремительному росту числа случаев интернет-зависимости среди различных групп населения. Интернет-зависимость трактуется как навязчивое (компульсивное) желание к использованию Интернета, приводящая к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии. Несмотря на то, что в настоящее время остается множество дискуссионных вопросов, касающихся нозологической принадлежности, диагностических критериев, клинических проявлений, а также подходов к терапии и профилактике интернет-зависимости, дальнейшие исследования позволят глубже погрузиться в данный феномен, собрать более обширный материал и прийти к утверждению единой терминологии, диагностических критериев, к адекватной психотерапии и профилактике.

На основе разработанной концептуальной модели нами было спланировано и проведено эмпирическое исследование, которое позволило выявить предрасположенность интернет-зависимых взрослых пользователей к выбору в качестве доминирующей копинг-стратегии «Избегание проблем».

Были определены специфические психологические особенности личности с интернет-зависимостью: эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, неуверенность в себе, мнительность, низкая стрессоустойчивость, излишняя эмоциональная напряженность, фрустрированность, низкий контроль эмоций и поведения, импульсивность, аффективность, зависимость от настроений. Полученные результаты частично подтверждают выводы других исследователей, что дает основания рассматривать эмоциональную нестабильность, напряженность, тревожность и низкий самоконтроль как унитарные особенности, присущие личности с интернет-зависимостью не только в подростковом и юношеском, но и в зрелом возрасте.

Показано, качественное своеобразие личности с интернет-зависимостью проявляется также: в слабом и раннем «Я», в ощущении внутренней

разобщенности, в инфантилизме, в избегании контакта со своими чувствами и в недостатке защищенности. Такая личность страдает от чувства одиночества, низкой самооценки, глубинной тревоги и ощущения угрозы. Ей присуща эмоциональная лабильность, импульсивность, нарушение связи с реальностью, неспособность справляться с обременяющей ответственностью и тяжелыми жизненными обстоятельствами, слабая способность к мобилизации, нереализованность собственного потенциала, недостаточный интерес к достижениям, слабая витальность.

Выявлено, что личность с интернет-зависимостью отличается низкими показателями жизнеспособности и рефлексивности, что выражается в трудностях приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды, несамостоятельности и затруднениях с контролем и саморегуляцией, сниженном стремлении к саморазвитию, сложностях в построении жизненной перспективы и достижении поставленных целей, неспособности проанализировать чувства, эмоции, поступки, что приводит к непониманию процесса течения собственной жизни. Интернет-зависимость препятствует успешному решению жизненных задач ранней и средней взрослости, поскольку выступает как внутренняя причина «закрытия» системы развития личности.

Жизнеспособность и рефлексивность выступают при этом в роли «протекторов» интернет-зависимости, а это значит, что личность с высоким уровнем рефлексивности и жизнеспособности, не страдающая от интернет-зависимости, остается открытой саморазвивающейся системой.

«Протекторная» роль жизнеспособности имеет специфическое системное значение для формирования интернет-зависимости, потому что сама жизнеспособность характеризует личность как открытую саморазвивающуюся систему в целом, определяя возможности ее существования. Поскольку по мере повышения показателей интернет-зависимости снижаются параметры жизнеспособности, можно говорить и о системном воздействии на личность со стороны интернет-зависимости. Интернет-зависимость снижает способности к

самой жизни как к динамической характеристике, требующей успешного решения всего спектра актуальных задач личностного бытия.

Наряду с жизнеспособностью и рефлексивностью (как с «протекторами» интернет-зависимости) выявлен ряд ее предикторов: эмоциональная нестабильность, тревожность, напряженность, низкий самоконтроль, низкая нормативность поведения. Эти свойства, одновременно характеризую личность с интернет-зависимостью с индивидуально-психологической и прогностической сторон, выступают как универсальные психологические характеристики и предпосылки формирования интернет-зависимости в разные возрастные периоды.

Таким образом, можно полагать, что задачи исследования полностью выполнены, гипотезы подтверждены, цель достигнута.

Перспективами дальнейшей работы может стать исследование проявления кросс-культурных особенностей интернет-зависимости личности, изучение специфики развития интернет-зависимости с учетом разновидности потребляемого контента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина // – 7-е изд. — СПб.: Питер, 2005. — 688 с: ид.
2. Антоненко, А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клиничко-психологические особенности и профилактика: автореферат дис. ...канд. психол. наук: 19.00.04 / А.А. Антоненко. – М., – 2014. – 20 с.
3. Богачева, Н.В. Разнообразие психологической специфики геймеров и проблема классификации компьютерных игр в психологии / Н.В. Богачева, А.Е. Войскунский // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – № 2. – С. 240-252.
4. Бородина, Н.А. Психологическая причинность аддиктивного поведения личности: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Н.А. Бородина. – Новосибирск, – 2005. – 28 с.
5. Бухановский, А.О. Зависимое поведение: клиника, динамика, систематика, лечение, профилактика: Пособие для врачей / А.О. Бухановский, А.С. Андреев, О.А. Бухановская. – Ростов-на-Дону, 2002. – 35 с.
6. Вайнштейн, А. Интернет-зависимость: диагностика, коморбидность и лечение // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 4(33). – С. 3 [Электронный ресурс].– URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 12.10.2017)
7. Ван, Ш.Л., Войскунский, А.Е. Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр / Ш.Л. Ван, А.Е. Войскунский, О.В. Митина, А.И. Карпухина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т.8, № 4. – С. 73-101.
8. Ван Ш.Л. Интернет-зависимость у участников компьютерных игр (на материале китайской культуры): автореферат дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01 / Ван Ши Лу. – М., 2013. – 34 с.
9. Войскунский, А.Е. Перспективы становления психологии Интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 1. – С. 90-100.

10. Войскунский, А.Е. Альтернативная идентичность в социальных сетях / А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федунина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 66-82.
11. Войскунский, А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете / А.Е. Войскунский // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 4(33). – С. 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 18.03.2018).
12. Войскунский, А.Е. Диагностика зависимости от Интернета: сравнение методических средств / А.Е. Войскунский, О.В. Митина, А.А. Гусейнова [и др.] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 4(33). – С. 11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 18.03.2018).
13. Войскунский, А.Е. Направления исследований опосредованной интернетом деятельности / А.Е. Войскунский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 1. – С. 51-66.
14. Войскунский, А.Е. Связь интернет-зависимости с гендером и социальным статусом подростков / А.Е. Войскунский, О.В. Митина, А.Г. Рагимова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. – С. 75 – 80.
15. Гришина, А.В. Психологические факторы возникновения и преодоления игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / А.В. Гришина. – Н.Новгород, – 2011. – 27 с.
16. Дмитриев, К.Г. Психологические детерминанты интернет-зависимости в юношеском возрасте: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / К.Г. Дмитриев. – М., 2013. – 22 с.
17. Дмитриева, Н.В. Аддиктивная идентичность виртуально-зависимой личности: Монография / Н.В. Дмитриева, О.В. Дубровина. – Новосибирск: Издательство НГПУ. – 2010. – 248 с.

18. Добровидова, Н.А. Особенности эмоционально-волевой сферы старшеклассников и студентов с различным уровнем компьютерной игровой активности: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н.А. Добровидова. – Самара, 2013. – 27 с.
19. Дрепа, М.И. Психологическая профилактика интернет-зависимости у студентов: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / М.И. Дрепа. – Пенза, 2010. – 23 с.
20. Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2007. – 190 с.
21. Егоров, А.Ю. Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции / А.Ю. Егоров // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 4(33). – С. 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 20.03.2018).
22. Егоров, А.Ю. Интернет-зависимое поведение у подростков с психическими расстройствами / А.Ю. Егоров, Д.И. Чарная, Ю.В. Хуторянская [и др.] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М.Бехтерева. – 2018. – С.35-45. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>
23. Зальмуни, К.Ю. Химические и нехимические аддикции в аспекте сравнительной аддиктологии / К.Ю. Зальмуни, В.Д. Менделевич // Журнал неврологии и психиатрии. – 2014. – № 2. – С. 3-8.
24. Зальмуни, К.Ю. Профили аддикций как инструмент для сравнительной оценки химических и нехимических зависимостей / К.Ю. Зальмуни, В.Д. Менделевич // Журнал неврологии и психиатрии. – 2018. – № 2. – С. 3-9.
25. Залыгина, Н.А. Аддиктивное поведение молодежи: профилактика и психотерапия зависимостей / Н.А. Залыгина, Я.Л. Обухов, В.А. Поликарпов. – Мн.: ПроPILEI, 2004. – 196с.
26. Запесоцкая, И.В. Состояние зависимости: метапсихологический подход: автореферат дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / И.В.Запесоцкая. – М., – 2012. – 47 с.

27. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В.Л. Малыгин [и др.]. – М.: Арсенал образования, 2010. – 136 с.
28. Ильина, В.В. Особенности копинг-поведения студентов, склонных к интернет-зависимости / В.В. Ильина, Л.Н. Молчанова // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал – 2019. – № 5 (20). – С. 27 – 34 [Электронный ресурс]. – URL: <http://j-chr.com> (дата обращения: 16.05.2018).
29. Капустина, А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла: учеб.-метод. пособие. – СПб., 2004. – 112 с.
30. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45-57.
31. Карпов, А.В. Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решений / А.В. Карпов // Российский психологический журнал. – 2005. – Т.2, № 3. – С. 48-67.
32. Карпов, А.В. Структурная организация внутреннего мира при различном уровне рефлексивности личности / А.В. Карпов, Т.А. Воронова // Методология современной психологии. – 2018. – № 8. – С. 101-107.
33. Кибитов, А.О. Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты / А.О. Кибитов, А.В. Трусова, А.Ю. Егоров // Вопросы наркологии. – 2019. – № 2 (173). – С. 22-47.
34. Кибитов, А.О. Пилотное исследование генетических маркеров риска интернет-зависимости: роль генов нейротрофического фактора мозга (BDNF) и дофаминового рецептора типа 4 (DRD4) / А.О. Кибитов, М.Г. Соловьева [и др.] // Вопросы наркологии. – 2019. – № 6 (177). – С. 27-72.
35. Кибитов, А.О. Генетические маркеры риска интернет-зависимости: связь с анамнестическими и клиническими характеристиками // А.О. Кибитов, Н.А. Чупрова [и др.] // Вопросы наркологии. – 2020. – № 7 (190). – С. 66-90.
36. Киселева, Т.Г. Индивидуальные особенности подростков, предрасположенных к интернет-зависимости / Т.Г. Киселева // Вестник КГУ. Психология. Педагога. Социокинетика. – 2017. – № 3. – С. 46-50.

37. Коваль, Т.В. Личностная сфера подростков, склонных к развитию компьютерной зависимости: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Т.В. Коваль. – М., 2013. – 25 с.
38. Козлова, Л.И. Личностные характеристики пользователей сети интернет, склонных к зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр / Л.И. Козлова, М.Г. Чухрова // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 193-195.
39. Колотилова, И.В. Индивидуально-психологические характеристики подростков, увлеченных ролевыми компьютерными играми: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / И.В.Колотилова. – М., 2009. – 22 с.
40. Комиссаренко, Т.И. Влияние интернет-зависимости на развитие коммуникативно-эмпатических способностей в ранней юности / Т.И. Комиссаренко, Т.В. Пантелеева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – № 5 (60). – С. 49-63.
41. Короленко, Ц.П. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск: изд. НГПУ. – 2007. – 472 с.
42. Корягина, Т.М. Психологические предикторы интернет-зависимости студентов: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Т.М. Корягина. – М., 2019. – 24 с.
43. Кулганов, В.А. Основы клинической психологии для бакалавров и специалистов: учеб.для вузов [гриф УМО] / В.А. Кулганов, В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов. – СПб.: Питер, 2013. – 464 с.
44. Литвиненко, О.В. Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 05.26.02, 19.00.04 / О.В. Литвиненко. – СПб., 2008. – 21 с.
45. Лоскутова, В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: автореферат дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / В.А. Лоскутова, – Новосибирск, – 2004. – 24 с.

46. Мазиллов В.А. Коммуникативная методология психологической науки / В.А. Мазиллов // Психолого-экономические исследования. – 2015. – Т. 2 (8), № 3. – С.62-73.
47. Мазиллов, В.А. Жизнеспособность человека: методологические вопросы исследования / В.А. Мазиллов, Е.А. Рыльская // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 36. – С. 55-63.
48. Максимов, А.А. Личностные особенности людей с компьютерной игровой зависимостью: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А.А. Максимов, – М., – 2009. – 28 с.
49. Малыгин, В.Л. Личностно-типологические свойства подростков, зависимых от интернета / В.Л. Малыгин, Н.М. Хомерики, Е.А. Смирнова [и др.] // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 135-146.
50. Малыгин, В.Л. Особенности личности подростков, склонных к интернет-зависимому поведению / В.Л. Малыгин, А.С. Искандирова, Н.С. Хомерики [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии. – 2011. – №4. – С.105-108.
51. Малыгин, В.Л. Интернет-зависимое поведение / В.Л. Малыгин, Н.С. Хомерики, Е.А. Смирнова [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии. – 2011. – №8. – С. 86-92.
52. Малыгин, В.Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб.пособие / В.Л. Малыгин, К.Л. Феликсов, А.С. Искандирова [и др.] – М. МГСМУ, 2011 – 32 с.
53. Малыгин, В.Л. Интернет-зависимое поведение: биологические, психологические и социальные факторы риска формирования у подростков / В.Л. Малыгин, Ю.А. Мерькурьева [и др.] // Психолого-педагогические технологии. Профилактика зависимостей. – 2015. – № 4. – С. 61-65.
54. Малыгин, В.Л. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения / В.Л. Малыгин, Н.С. Хомерики, А.А. Антоненко // Медицинская психология в России: электрон.

науч. журн. – 2015. – № 7(30). – С. 7–29 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 14.05.2017)

55. Малыгин, В.Л. Нейропсихологический профиль подростков с интернет-зависимым поведением / В.Л. Малыгин, Ю.А. Меркурьева // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 4. – С. 130-137.

56. Малыгин, В.Л. Ценностно-смысловая сфера у подростков с интернет-зависимым поведением / В.Л. Малыгин, Ю.А. Меркурьева, А.В. Прокофьева [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2016. – № 4. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2016-4/7-5.pdf> (дата обращения: 14.12.2016).

57. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. – 445 с.

58. Митина, О.В. Исследование специфики психологической зависимости от цифровых технологий / О.В. Митина, А.Е. Войскунский // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 261 – 269.

59. Молчанова, Л.Н. Особенности взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза / Л.Н. Молчанова, В.В. Ильина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9, № 2 (31). – С. 170-184.

60. Молчанова, Л.Н. Качественно–содержательная характеристика индивидуальных копинг–стратегий у студентов, склонных к интернет–зависимости / Л.Н. Молчанова // Региональный вестник. – 2020. – № 11 (50). – С. 77-79.

61. Москвин, В.А. Асимметрии и индивидуальные особенности студентов с проявлением интернет–зависимости / В.А. Москвин, Н.В. Москвина, Н.С. Шумова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 347-349.

62. Москвин, В.А. Произвольная регуляция человека и ее связь с зависимостью от интернета / В.А. Москвин, Н.В. Москвина // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 63-64.
63. Мураткина, Ю.Н. Взаимосвязь компьютерной зависимости и совладающего поведения подростков: автореферат дис. ... канд. психол. наук.: 19.00.07 / Ю.Н. Мураткина. – Сургут, – 2010. – 27 с.
64. Мухаметзянова, М.Р. Особенности волевой и прогностической деятельности интернет-зависимых / М.Р. Мухаметзянова, В.Д. Менделевич // Образование и саморазвитие. – 2009. – № 2 (12). – С. 211–215.
65. Наследов, А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А.Д. Наследов – СПб.: Питер, 2013. – 416 с.: ил.
66. Олпорт, Г.В. Личность в психологии / Г.В. Олпорт – М.: Ювента, 1998. – 346с.
67. Омельченко, Н.В. Личностные особенности играющих в компьютерные игры: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Н.В. Омельченко. – Краснодар, – 2011. – 27 с.
68. Пантелеева, Т.В. Особенности эмоционального интеллекта интернет-аддиктов в ранней юности: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Т.В. Пантелеева, – М., – 2016. – 26с.
69. Пережогин, Л.О. Интернет-зависимость в фокусе клинической психиатрии. Итоги 20 лет клинических исследований /Л.О. Пережогин // Образование личности. – 2017. – № 3. – С. 19 – 33.
70. Пташко, Т.Г. Ценностные ориентации и досуг современных подростков / Т.Г. Пташко, Н.В. Сиврикова, Е.Г. Черникова // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Психологическое благополучие современного человека». Отв.ред. С.А. Водяха. – 2019. – С.365-368.
71. Психосоциальная аддиктология / Под ред. Ц.П.Короленко и Н.В.Дмитриевой. Новосибирск, Издательство «Олсиб», 2001. – 251с.
72. Рабаданова, А.И. Особенности функциональной асимметрии при формировании интернет-зависимости / А.И. Рабаданова, Д.У. Черкесова,

- М.И. Ашурбекова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т.2, № 3. – С. 96–100.
73. Рабаданова, А.И. Электрическая активность мозга и межполушарные взаимодействия при формировании интернет-зависимости / А.И. Рабаданова, Д.У. Черкесова [и др.] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – Т. 19, № 2 (3). – С. 518–522.
74. Рисуночный тест Вартегга / Под ред. В.К. Калининко. Изд. 2-е, исправл. М.: Смысл, 2019. – 239 с.
75. Руководство по аддиктологии / под ред. проф. В.Д.Менделевича. СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
76. Рыбалтович, Д.Г. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 05.26.02, 19.00.04 / Д.Г. Рыбалтович. – СПб., – 2012. – 23 с.
77. Рыльская, Е.А. Психологические критерии жизнеспособности человека / Е.А. Рыльская // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – 2011. – №3. – С. 20–25.
78. Рыльская, Е.А. Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст / Е.А. Рыльская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2011. – №142. – С. 72-83.
79. Рыльская, Е.А. Психологическая концепция жизнеспособности человека: монография / Е.А. Рыльская. – Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер», 2013. – 336 с.
80. Рыльская, Е.А. Жизнеспособность человека: критерии, факторы, генезис / Е.А. Рыльская // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 37–40.
81. Рыльская, Е.А. Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики / Е.А. Рыльская // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 25-30.

82. Рычкова Л.С. Психология отклоняющего поведения: аддиктивные расстройства: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 114 с.
83. Рычкова Л.С. Психология отклоняющего поведения: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2013. – 183с.
84. Сиврикова, Н.В. Взаимосвязь проявлений внутриличностного конфликта и стиля медиапотребления студентов / Н.В. Сиврикова, В.Ф. Жеребкина, М.И. Постникова // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С.70-87. doi: 10.21702/rpj.2017.3.4
85. Сиврикова, Н.В. Взаимосвязь ценностей со стилем медиапотребления студентов / Н.В. Сиврикова, Д.Ю. Бережная // Сибирский психологический журнал. – 2016. – Т. 10, С. 79-96.
86. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии. — СПб.: ООО «Речь», 2000. — 350 с, ил.
87. Солдатова, Г.У. Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 4. – С. 79–88.
88. Солдатова, Г.У. Актуальные онлайн-угрозы психическому здоровью детей и подростков: опасное общение и интернет–зависимость / Г.У. Солдатова, М.А. Журина // Сборник научных статей по материалам Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». – 2016. – С. 84-88.
89. Солдатова, Г.У. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях / Г.У. Солдатова, О.И. Теславская // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3 (31). –С. 12-22. doi: 10.11621/npj.2018.0302
90. Старченкова, А.М. Коморбидные расстройства у лиц молодого возраста с интернет–зависимым поведением / А.М. Старченкова, А.В. Урсу, А.В. Худяков // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 50–54.
91. Старшенбаум, Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей: учебное пособие / Г.В. Старшенбаум. – М.: Когито-Центр, 2006. – 550 с.

92. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс] URL: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml. Дата обращения: 02.03.2019.
93. Тайгибова, З.А. Электрофизиологические показатели межполушарного профиля у младших школьников с интернет-зависимостью / З.А. Тайгибова, А.И. Рабаданова // Вестник психофизиологии. – 2019. – № 1. – С.29–36.
94. Титова, В.В. Интернет-зависимость: причины и механизмы формирования, диагностика, подходы к лечению и профилактике / В.В. Титова, А.Л.Катков, Д.Н. Чугунов // Педиатр. Клиническая психология. – 2014. – № 4. – С. 132–139.
95. Трусова, А.В. Психологические факторы риска интернет-зависимости: данные пилотного исследования здоровых молодых взрослых / А.В. Трусова, С.В. Гречаный [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 23–29.
96. Трусова, А.В. Предикторы развития интернет-аддикции: анализ психологических факторов / А.В. Трусова, С.В. Гречаный [и др.] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М.Бехтерева. – 2020. – № 1. – С. 72–82. doi: 10.31363/2313-7053-2020-1-72-82
97. Трусова, А.В. Гендерные различия индивидуально-психологических характеристик у подростков с различным уровнем проявлений интернет-зависимого поведения / А.В. Трусова, А.Е. Канашов [и др.] // Вопросы наркологии. – 2020. – № 4 (187). – С. 45-62. doi: 10.47877/0234-0623_2020_4_45
98. Урсу А.В. Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клинико-психопатологические проявления: автореф. дис. ... канд. мед.наук : 19.00.04 / А.В. Урсу ; ГБОУ ВПО Иван. гос. мед. акад. – Иваново, 2012. – 22 с.
99. Ушакова Е.С. Интернет-зависимость как проблема современного общества [Электронный ресурс] / Е.С. Ушакова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. – 2014. – № 1 (4). – С. 44–51. Режим доступа: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=64> (29.09.2015)

100. Фер, Р. М. Психометрика: Введение / Р. М. Фер, В. Р. Бакарак; пер. с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова; под ред. Н. А. Батурина, Е. В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2010. — 413 с.
101. Хасанова, И.И. Взаимосвязь интернет–зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи / И.И. Хасанова, С.С. Котова // Образование и наука. – 2017. – Т. 19, № 4. – С. 146–168.
102. Худяков, А.В. Компьютерная игровая зависимость, клиника, динамика и эпидемиология / А.В. Худяков, А.В. Урсу, А.М. Старченкова // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 4(33). – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 17.06.2017).
103. Цой, Н. А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Цой Н. А. – Владивосток, 2012. – 23 с.
104. Чумаков, М.В. Эмоционально-волевая сфера как рефлексивный процесс / М.В. Чумаков // Вестник КГУ. Серия «Физиология, психология, медицина». – 2016. – № 1 (35). – С. 88–92.
105. Чумаков, М.В. Эмоционально-волевая сфера в структуре личностных черт / М.В. Чумаков // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – №2. – С. 81–84.
106. Чухрова, М.Г. Аддикция: зависимое поведение: монография / М. Г. Чухрова, В. П. Леутин; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – 251 с.
107. Чухрова, М.Г. Интернет-зависимость как вариант аддиктивного поведения / М.Г. Чухрова, А.В. Ермолаева // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 231–234.
108. Чухрова, М.Г. Дистанционный мониторинг и психофизиологический контроль при интернет–зависимости / М.Г. Чухрова, А.С. Ким // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 293–296.
109. Шнейдер, Л.Б. Цифровые аддикты: формирование новых зависимостей и изменение личности молодого человека / Л.Б.Шнейдер // Актуальные проблемы психологического знания. – 2017. – № 1 (42). – С. 72-79.

110. Шнейдер, Л.Б. Интернет как симулякр семьи и отношений: от семейной идентификации к сетевой индивидуализации / Л.Б.Шнейдер // Сборник научных статей «Проблемы психолого-педагогической антропологии». Отв. ред. И.В. Егоров, Г.Ю. Мартыанова. – М. – 2019. – С. 6-13.
111. Яковлев, А.Н. Возрастные аспекты интернет-зависимости: сравнительный анализ лиц юношеского возраста и молодых взрослых / А.Н. Яковлев, Н.А. Чупрова [и др.] // Вопросы наркологии. – 2020. – № 10 (193). – С. 74-88. doi: 10.47877/0234-0623_2020_10_74
112. Янг К. Клинические аспекты интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 4(33). – С. 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.05.2018).
113. Anand, N. Internet use behaviors, internet addiction and psychological distress among medical college students: A multi centre study from South India / N. Anand et al. // Asian Journal of Psychiatry. – 2017. – № 37. P. 71–77.
114. Billieux, J. Problematic involvement in online games: A cluster analytic approach / J. Billieux, G. Thorens, Y. Khazaal et al. // Computers in Human Behavior. – 2015. – № 43. – P. 242–250.
115. Bozkurt, H. Prevalence and patterns of psychiatric disorders in referred adolescents with Internet addiction / H. Bozkurt, M. Coskun et al. // Psychiatry Clin. Neurosci. – 2013. – Vol. 67. – N5. – P. 352-359. – doi: 10.1111/pcn.12065.
116. Bozoglan, B. Loneliness, self-esteem, and life satisfaction as predictors of Internet addiction: A cross-sectional study among Turkish university students / B.Bozoglan, V.Demirer, I.Sahin // Scandinavian Journal of Psychology. – 2013. – V. 54. – N4. – P. 313–319. – doi.org/10.1111/sjop.12049.
117. Brand, M. The Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution (I-PACE) model for addictive behaviors: Update, generalization to addictive behaviors beyond internet-use disorders, and specification of the process character of addictive behaviors / M. Brand et al. // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. – 2019. – №104. – P. 1–10.

118. Caplan, S.E. Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument / S.E. Caplan // *Computers in Human Behavior*. – 2002. – № 18. P. 553–575.
119. Caplan, S.E. Problematic Internet use and psychosocial well-being among MMO players / S.E. Caplan et al. // *Computers in Human Behavior*. – 2009. – № 25. P. 1312–1319.
120. Caplan, S.E. Theory and measurement of generalized problematic Internet use: A two-step approach / S.E. Caplan // *Computers in Human Behavior*. – 2010. – № 26. P. 1089–1097.
121. Chen, I. Comparing generalized and specific problematic smartphone/internet use: Longitudinal relationships between smartphone application-based addiction and social media addiction and psychological distress / I. Chen, A. Pakpour, H. Leung et al. // *Journal of behavioral addictions*. – 2020. – № 9. – P. 410-419. DOI:10.1556/2006.2020.00023
122. Chen, Q. Comparison of the personality and other psychological factors of students with internet addiction who do and do not have associated social dysfunction / Q. Chen, X. Quan et al. // *Shanghai Archives of Psychiatry*. – 2015. – V. 27, № 1. – P. 36–41.
123. Chen, T.-H. Predicting effects of borderline personality symptoms and self-concept and identity disturbances on internet addiction, depression, and suicidality in college students: A prospective study / Ting-Hsiang Chen, Ray C. Hsiao, Tai-Ling Liu, Cheng-Fang Yen // *Kaohsiung Journal of Medical Science*. – 2019. – V. 35, № 8. – P. 508–514. – doi.org/10.1002/kjm2.12082
124. Chou, T.-J., & Ting, Ch.-Ch The Role of Flow Experience in Cyber-Game Addiction / T.-J. Chou, Ch.-Ch. Ting // *CyberPsychology and Behavior*. – 2003. № 6. – P. 663-675.
125. Davis, R.A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use / R.A. Davis // *Computers in Human Behavior*. – 2001. – № 17. P. 187–195.
126. Dong, G.H. Risk personality traits of Internet addiction: A longitudinal study of Internet-addicted Chinese university students / G. Dong et al. // *Asia-Pacific Psychiatry*. – 2013. V. 5, P. 316–321.

127. Dong, G. Decreased functional connectivity in an executive control network is related to impaired executive function in Internet gaming disorder / G. Dong et al. // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. – 2015. – № 57. – P. 76–85.
128. Dong, G. The correlation between mood states and functional connectivity within the default mode network can differentiate Internet gaming disorder from healthy controls / G. Dong et al. // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. – 2017. – № 77. – P. 185–193.
129. Dong, G. Diffusion-weighted MRI measures suggest increased white-matter integrity in Internet gaming disorder: Evidence from the comparison with recreational Internet game users/ G. Dong et al. // *Addictive Behaviors*. – 2018. – № 81. – P. 32–38.
130. Dong, G. Brain response features during forced break could predict subsequent recovery in internet gaming disorder: A longitudinal study / G. Dong et al. // *Journal of Psychiatric Research*. – 2019. – № 113, P. 17–26.
131. Dong, G.H. Addiction severity modulates the precuneus involvement in internet gaming disorder: Functionality, morphology and effective connectivity / G.H. Dong et al. // *Progress in Neuropsychopharmacology and Biological Psychiatry*. – 2020. – № 98. (109829)
132. Frangos C.C., Fragkos, K.C. Psychologic predictors and epidemiology of internet addiction among university students in Greece / C.C.Frangos, K.C.Fragkos // *European Psychiatry*. – 2011. – V. 26, № 1. – P. 40. [https://doi.org/10.1016/S0924-9338\(11\)71751-5](https://doi.org/10.1016/S0924-9338(11)71751-5)
133. Griffiths, M.D. Social networking addiction: An overview of preliminary findings / M.D. Griffiths et al. // *Behavioral addictions: Criteria, evidence and treatment*. – 2013. – P. 119–141).
134. Griffiths, M.D. The evolution of Internet addiction: A global perspective / M.D. Griffiths et al. // *Addictive Behaviors*. 2016. – № 53. – P. 193–195.
135. He, J. Behavioral modification decreases approach bias in young adults with internet gaming disorder / J. He, T. Pan, Y. Nie et al. // *Addictive Behaviors*. – 2021. – V. 113. Номер статъи 106686

136. Internet addiction: a handbook and guide to evaluation and treatment / edited by Kimberly S. Young and Cristiano Nabuco de Abreu. – 2011. – Canada. – 314 p.
137. Jeong, H. Low self-control and aggression exert serial mediation between inattention/hyperactivity problems and severity of internet gaming disorder features longitudinally among adolescents / H. Jeong, H-W. Yim, S-Y. Lee et al // Journal of Behavioral Addictions. – 2020. – № 9. – P.401-409. doi.org/10.1556/2006.2020.00039
138. Kim, H.K. Toward a comprehensive theory of problematic Internet use: Evaluating the role of self-esteem, anxiety, flow, and the self-rated importance of Internet activities / H.K. Kim, K.E Davis // Computers in Human Behavior. – 2009. – № 25. P. 490–500.
139. Kim, B.S. Prevalence, correlates, psychiatric comorbidities, and suicidality in a community population with problematic Internet use / B.S. Kim, S.M. Chang, J.E. Park et al. // Psychiatry Res. – 2016. – V. 244. – P. 249-256. – doi:10.1016/j.psychres.2016.07.009.
140. Khatiri Yanesari, M. Can emotional intelligence predicts addiction to internet in university students? / M. Khatiri Yanesari, A.Homayouni, K.Gharib // European Psychiatry. – 2010. – V. 25., № 1. – P. 748. [https://doi.org/10.1016/S0924-9338\(10\)70742-2](https://doi.org/10.1016/S0924-9338(10)70742-2)
141. Kneer, J. Awareness of Risk Factors for Digital Game Addiction: Interviewing Players and Counselors / J. Kneer, D. Rieger, J.D. Ivory, C. Ferguson // Ment Health Addiction. – 2014. – V. 12, P. 585–599.
142. Kuss, D.J. Internet addiction in students: Prevalence and risk factors / D.J. Kuss et al. // Computers in Human Behavior. – 2013. – № 29. P. 956–996.
143. Kuss, D.J. Internet addiction in adolescents: Prevalence and risk factors / D.J. Kuss et al. // Computers in Human Behavior. – 2013. – № 29. P. 1987–1996.
144. Kuss, D.J. The Internet addiction components model and personality: Establishing construct validity via a nomological network / D.J. Kuss et al. // Computers in Human Behavior. – 2014. – № 39. P. 312–321.
145. Kuss, D.J. Internet addictions outside of Europe: A systematic literature review / D.J. Kuss et al. // Computers in Human Behavior. – 2021. – № 226. (106621)

146. Laier, C. Mood changes after watching pornography on the Internet are linked to tendencies towards Internet-pornography-viewing disorder / C. Laier, M. Brand // *Addictive Behaviors Reports*. – 2017. – № 5. P. 9–13.
147. Lee, D. Dorsal striatal functional connectivity changes in Internet gaming disorder: A longitudinal magnetic resonance imaging study / D. Lee, K. Namkoong et al. // *Addiction Biology*. – 2021. – V. 26, № 1, (e12868).
148. Lewczuk, K. Variability of Pornographic Content Consumed and Longest Session of Pornography Use Associated With Treatment Seeking and Problematic Sexual Behavior Symptoms / K. Lewczuk, J. Leśniak, M. Lew-Starowicz et al. // *Sexual Medicine*. – 2021. – № 9 (100276) doi.org/10.1016/j.esxm.2020.10.004
149. Liu, L. Dissociable neural processes during risky decision-making in individuals with Internet-gaming disorder / L.Liu et al. // *NeuroImage: Clinical*. – 2017. – № 14. – P. 741–749.
150. Lopez-Fernandez, O. Problematic Internet use in British adolescents: An exploration of the addictive symptomatology / O. Lopez-Fernandez et al. // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – № 35. – P. 224–233.
151. Malak, M.Z., Anxiety and depression among school students in Jordan: Prevalence, risk factors, and predictors / M. Z. Malak, A. H. Khalifeh // *Perspectives in Psychiatric care*. – 2018. – V. 54, № 2. – P.242–250.
152. Mehroof, M. Online Gaming Addiction: The Role of Sensation Seeking, Self-Control, Neuroticism, Aggression, State Anxiety, and Trait Anxiety / M. Mehroof, M. Griffiths // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. – 2010. – V. 13, № 3. – P. 313–316. DOI: 10.1089 / cyber.2009.0229
153. Mei, S. Problematic Internet use, well-being, self-esteem and self-control: Data from a high-school survey in China / S. Mei et al. // *Addictive Behaviors*. – 2016. № 61. – P. 74–79.
154. Mike, Z. Yao. The Influence of Personality, Parental Behaviors, and Self-Esteem on Internet Addiction: A Study of Chinese College Students / Mike Z. Yao, Jing He, Deborah M. Ko, Kaichung Pang // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. – 2014. – V. 17, № 2. – P. 104–110.

155. Montag C., Low self-directedness is a better predictor for problematic internet use than high neuroticism / C. Montag et al. // *Computers in Human Behavior*. – 2010. – Vol. 26. – №6. – P. 1531–1535. –doi.org/10.1016/j.chb.2010.05.021.
156. Montag C., The role of the CHRNA4 gene in Internet addiction: a case-control study / C. Montag, P. Kirsch, C. Sauer et al. // *Journal Addict. Med.* – 2012. – Vol. 6. – №3. – P. 191–195. – doi:10.1097/ADM.0b013e31825ba7e7.
157. Moreno, M.A. Problematic Internet Use: A Longitudinal Study Evaluating Prevalence and Predictors / M.A. Moreno et al. // *The journal of pediatrics*. – 2019. – V. 1. – P. 1–6.
158. Park, Su Mi The effects of behavioral inhibition/approach system as predictors of Internet addiction in adolescents / Su Mi Park et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – V. 54, № 1. – P. 7–11.
159. Petry, N. An international consensus for assessing internet gaming disorder using the new DSM-5 approach/ N. Petry, F. Rehbein, D. Gentile et al. // *Society for the Study of Addiction*. – 2014. – *Addiction*, 109. – P. 1399–1406.
160. Pontes, H.M. The impact of Internet-based specific activities on the perceptions of Internet addiction, quality of life, and excessive usage: A cross-sectional study / H.M. Pontes et al. // *Addictive Behaviors Reports*. – 2015. – № 1. P. 19–25.
161. Pontes, H.M. Measuring DSM-5 internet gaming disorder: Development and validation of a short psychometric scale / H.M. Pontes, M.D. Griffiths // *Computers in Human Behavior*. – 2015. – № 45. P. 137–143.
162. Rajesh, T. Facebook addiction and personality / T.Rajesh, D.B. Rangaiah // *Heliyon*. – 2020. – № 6 (e03184)
163. Sariyska, R. Self-esteem, personality and Internet Addiction: A cross-cultural comparison study / R. Sariyska et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2014. № 61–62. – P. 28–33.
164. Seah, M.- L. From immersion to addiction in videogames / M.-L. Seah, P. Cairns // *Proceedings of the 22nd British HCI Group Annual Conference on People and Computers: Culture, Creativity, Interaction*. – 2008. – Vol. 1. – P. 55–63.

165. Senormanci, O. Evaluation of Coping Strategies of Male Patients, Being Treated in Internet Addiction Outpatient Clinic in Turkey / O. Senormanci, R. Konkan et al. // *Journal of Mood Disorders*. – 2014. – V. 4, № 1. – P. 14–19.
166. Shen, Y. Sex differences in prevalence, risk factors and clinical correlates of internet addiction among chinese college students / Y. Shen, L. Wang, C. Huang et al. // *Journal of Affective Disorders*. – 2021. – V. 279. P. 680-686.
167. Starcevic, V. Is internet addiction a useful concept? / V. Starcevic // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. – 2013. – № 47. –P. 16–19.
168. Stavropoulos, V. MMORPG gaming and hostility predict Internet Addiction symptoms in adolescents: An empirical multilevel longitudinal study / V. Stavropoulos et al. // *Addictive Behaviors*. – 2017. – № 64. – P. 294–300.
169. Stavropoulos, V. A preliminary cross-cultural study of Hikikomori and Internet Gaming Disorder: The moderating effects of game-playing time and living with parents/ V. Stavropoulos et al. // *Addictive Behaviors Repots*. – 2019. – № 9. – P. 1–10.
170. Su, W. Are males more likely to be addicted to the internet than females? A meta-analysis involving 34 global jurisdictions / W. Su et al. // *Computers in Human Behavior*. – 2019. – № 99. P. 86–100.
171. Vaidya, N. Prevalence of Internet addiction and its impact on the physiological balance of mental health / N. Vaidya, S. Jaiganesh, J. Krishnan // *National Journal of Physiology, Pharmacy and Pharmacology*. – 2016. V. 6, № 1. – P. 97–100.
172. Walther, J.B. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction / J.B. Walther // *Communication Research*. – 1996. – Vol. 23. – P.23-43.
173. Weinstein, A. New Developments on the Neurobiological and Pharmaco-Genetic Mechanisms Underlying Internet and Videogame Addiction / A. Weinstein, M. Lejoyeux // *The American Journal on Addictions*. – 2015. – № 24. – P. 117–125.
174. Wu, L. A role for the right dorsolateral prefrontal cortex in enhancing regulation of both craving and negative emotions in internet gaming disorder: A randomized trial / L. Wu, M.N. Potenza, N. Zhou et al. // *European Neuropsychopharmacology*. – 2020. – Vol. 36. – P.39-37 doi.org/10.1016/j.euroneuro.2020.04.003

175. Yao, Y-W. Functional and structural neural alterations in Internet gaming disorder: A systematic review and meta-analysis / Y.-W. Yao et al. // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. – 2017. – № 83. – P. 313–324.
176. Yan, W.-S. The Relationship between Recent Stressful Life Events, Personality Traits, Perceived Family Functioning and Internet Addiction among College Students / W.-S. Yan, Y. Li, N. Sui // *Stress Health*. – 2014. – V. 30. – P. 3–11. DOI: 10.1002 / smi.2490
177. Yau, Y.H.C. Relationships between problematic Internet use and problem-gambling severity: Findings from a high-school survey / Y.H.C. Yau et al. // *Addictive Behaviors*. – 2014. – № 39. – P. 13–21.
178. Young, K.S. Policies and procedures to manage employee Internet abuse // *Computers in Human Behavior*. – 2010. – № 26. P. 1467–1471.
179. Young, K.S. The evolution of Internet addiction // *Addictive Behaviors*. – 2017. – № 64. P. 229–230.
180. Zhang, Y. The Relationship between Impulsivity and Internet Addiction in Chinese College Students: A Moderated Mediation Analysis of Meaning in Life and Self-Esteem / Y. Zhang, S. Mei, J. Chai et al. // *PLoS ONE*. – 2015. – V. 10, № 7. – P. 2–13.
181. Zhu, Y. Molecular and Functional Imaging of Internet Addiction / Y. Zhu, H. Zhang, M. Tian // *BioMed Research International*. – 2015. – V. 2. – P. 57–66.
182. Zsido, A.N. The role of maladaptive cognitive emotion regulation strategies and social anxiety in problematic smartphone and social media use / A.N. Zsido, N. Arato, A. Lang et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2021. – № 173. (110647) doi.org/10.1016/j.paid.2021.110647

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета социально-демографических показателей

ФИО	
Возраст	
Пол	☐ мужской
	☐ женский
Социальный статус	☐ учащийся
	☐ учащийся/работающий
	☐ работающий
	☐ безработный
Образование	☐ высшее
	☐ неоконченное высшее
	☐ среднее специальное
	☐ среднее
Семейное положение	☐ женат/замужем
	☐ холост/ не замужем
	☐ гражданский брак
	☐ в разводе

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Различия по доминирующим копинг-стратегиям в группах с разной степенью сформированности интернет–зависимости

Ранги			
	Группы	N	Средний ранг
Разрешение_проблем	1,00	104	207,70
	2,00	113	133,96
	3,00	72	71,76
	Всего	289	
Поиск_соцподдержки	1,00	104	158,67
	2,00	113	154,19
	3,00	72	110,83
	Всего	289	
Избегание_проблем	1,00	104	80,93
	2,00	113	167,59
	3,00	72	202,09
	Всего	289	

Статистики критерия^{a,b}

	Разрешение_проблем	Поиск_соцподдержки	Избегание_проблем
Хи-квадрат	116,255	16,238	103,480
ст.св.	2	2	2
Асимпт. знч.	,000	,000	,000

a. Критерий Краскела-Уоллеса

b. Группирующая переменная: Группы

Различия по уровню рефлексивности в группах с разной степенью сформированности интернет–зависимости

Ранги			
	Группы	N	Средний ранг
Рефлексивность	1,00	104	208,72
	2,00	113	136,43
	3,00	72	66,42
	Всего	289	

Статистики критерия ^{а,б}	
	Рефлексивность
Хи-квадрат	128,477
ст.св.	2
Асимпт. знч.	,000

а. Критерий Краскела-Уоллеса

б. Группирующая переменная: Группы

Различия по компонентам опросника «Жизнеспособность человека» в группах с разной степенью сформированности интернет–зависимости

Ранги			
	Группы	N	Средний ранг
Способности_адаптации	1,00	104	203,92
	2,00	113	130,36
	3,00	72	82,88
	Всего	289	
Способности_саморегуляции	1,00	104	188,11
	2,00	113	138,62
	3,00	72	92,74
	Всего	289	

Окончание приложения Б

	Группы	N	Средний ранг
Способности_саморазвития	1,00	104	208,07
	2,00	113	137,59
	3,00	72	65,53
	Всего	289	
Осмысленность_жизни	1,00	104	198,87
	2,00	113	137,67
	3,00	72	78,69
	Всего	289	
Жизнеспособность_общий_балл	1,00	104	213,13
	2,00	113	131,50
	3,00	72	67,78
	Всего	289	

Статистики критерия^{а,б}

	Способности_адаптации	Способности_саморегуляции	Способности_саморазвития	Осмысленность_жизни	Жизнеспособность_общий_балл
Chi-кв.крат	95,089	56,658	125,570	89,582	133,626
ст.св.	2	2	2	2	2
Асимпт. знч.	,000	,000	,000	,000	,000

а. Критерий Краскела-Уоллеса

б. Группирующая переменная: Группы

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Различия по факторам опросника Кеттелла в группах с разной степенью сформированности интернет–зависимости

Ранги			
	Группы	N	Средний ранг
Фактор_А	1,00	104	147,04
	2,00	113	131,86
	3,00	72	162,67
	Всего	289	
Фактор_С	1,00	104	217,82
	2,00	113	122,90
	3,00	72	74,49
	Всего	289	
Фактор_Е	1,00	104	162,86
	2,00	113	144,12
	3,00	72	120,60
	Всего	289	
Фактор_F	1,00	104	145,30
	2,00	113	142,76
	3,00	72	148,09
	Всего	289	
Фактор_G	1,00	104	199,90
	2,00	113	142,82
	3,00	72	69,11
	Всего	289	
Фактор_Н	1,00	104	174,65
	2,00	113	133,77
	3,00	72	119,79
	Всего	289	
Фактор_I	1,00	104	145,30
	2,00	113	142,76
	3,00	72	148,09
	Всего	289	

Продолжение приложения В

	Группы	N	Средний ранг
Фактор_L	1,00	104	144,31
	2,00	113	160,19
	3,00	72	122,15
	Всего	289	
Фактор_M	1,00	104	143,81
	2,00	113	149,07
	3,00	72	140,33
	Всего	289	
Фактор_N	1,00	104	177,10
	2,00	113	143,46
	3,00	72	101,06
	Всего	289	
Фактор_O	1,00	104	78,50
	2,00	113	158,04
	3,00	72	220,59
	Всего	289	
Фактор_Q1	1,00	104	183,56
	2,00	113	142,14
	3,00	72	93,79
	Всего	289	
Фактор_Q2	1,00	104	145,30
	2,00	113	142,76
	3,00	72	148,09
	Всего	289	
Фактор_Q3	1,00	104	217,39
	2,00	113	124,89
	3,00	72	71,99
	Всего	289	
Фактор_Q4	1,00	104	76,84
	2,00	113	174,80
	3,00	72	196,68
	Всего	289	

Окончание приложения В

Статистики критерия^{a,b}

	Фактор_А	Фактор_С	Фактор_Е	Фактор_F	Фактор_Г	Фактор_Н	Фактор_I
Хи-квадрат	6,178	141,631	11,060	,188	106,123	22,141	,188
ст.св.	2	2	2	2	2	2	2
Асимпт. знч.	,046	,000	,004	,910	,000	,000	,910

a. Критерий Краскела-Уоллеса

b. Группирующая переменная: Группы

Статистики критерия^{a,b}

	Фактор_L	Фактор_M	Фактор_N	Фактор_О	Фактор_Q1	Фактор_Q2	Фактор_Q3	Фактор_Q4
Хи-квадрат	9,261	,524	36,510	129,488	50,558	,188	142,002	113,573
ст.св.	2	2	2	2	2	2	2	2
Асимпт. знч.	,010	,769	,000	,000	,000	,910	,000	,000

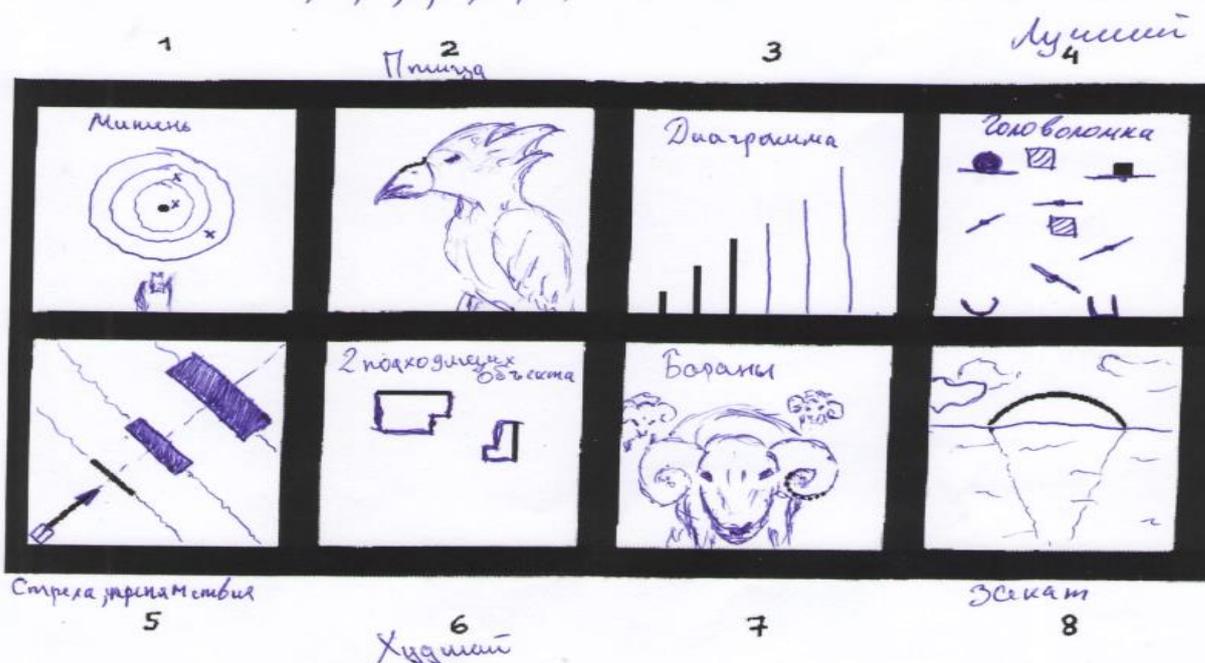
a. Критерий Краскела-Уоллеса

b. Группирующая переменная: Группы

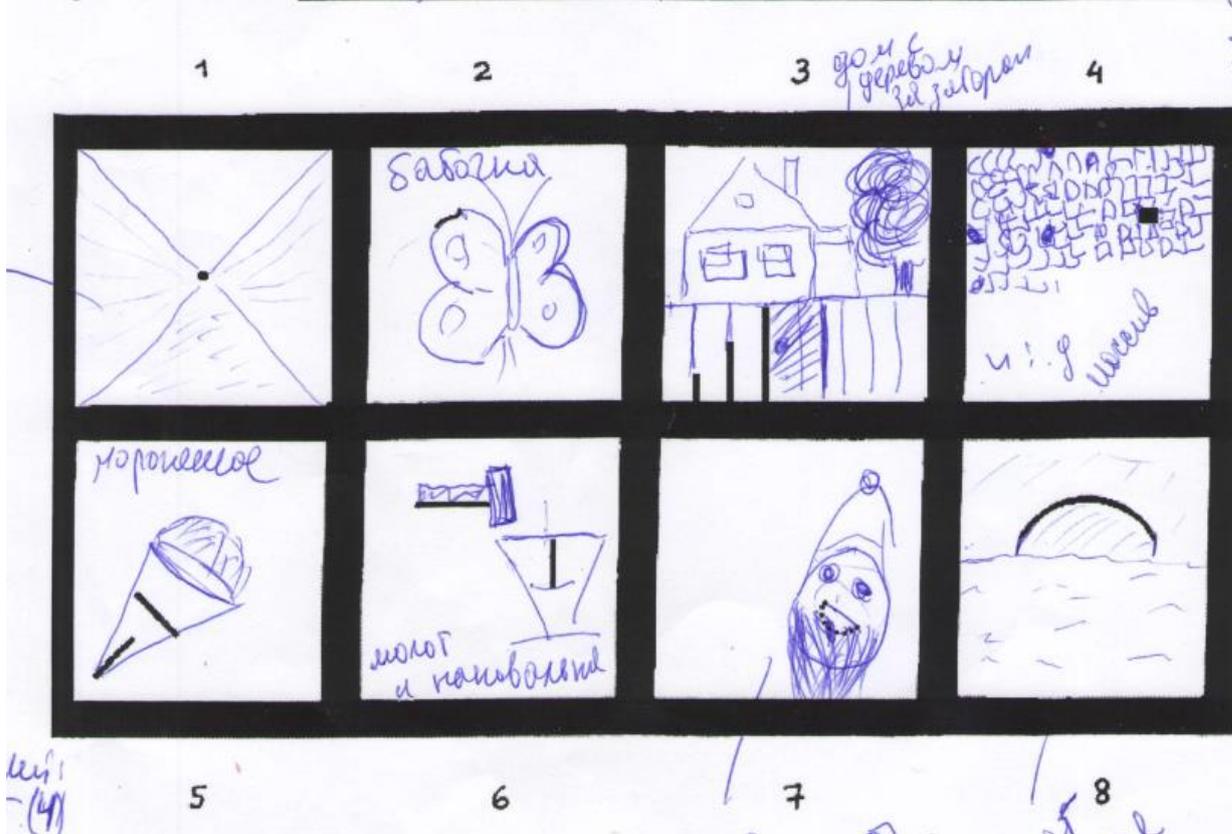
ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Примеры выполнения рисуночного теста Вартегга

Порядок заполнения: 3, 8, 4, 1, 5, 7, 2,

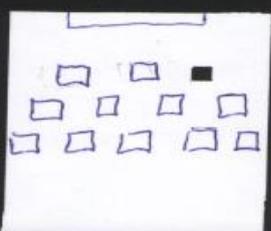
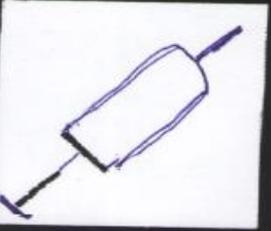
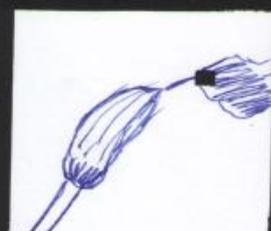

Порядок заполнения: 5, 1, 7, 3, 8, 6, 2, 4

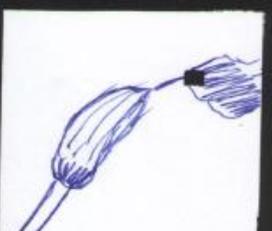

Окончание приложения Г

Порядок заповнення: 1, 3, 8, 6, 2, 7, 9, 4

1	1	ваза, столик, тарелка, 2, 5, фалок, 7, 9, 4	человек, 2, 3, 8, 6, 2, 7, 9, 4	кинотеатр, 4, 8
				
				
7, 5	4, 6	3, 8, морда	5, 7, 5	3, 8, морда

Порядок заповнення: 3, 2, 6, 7, 1, 5, 8, 4

свадьба, 1, небо	лицо, 2	село, 3	кисть, 4
			
			
МОЛОТ в руке, 5	лицо, 6	улыбающееся лицо в руке, 7	глаз, 8

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Переменные, не включенные в анализ (пошаговый отбор)

Шаг		Толерантность	Мин. Толерантность	F-исключения	λ-Уилкса
0	Фактор А	1,000	1,000	3,636	,975
	Фактор С	1,000	1,000	140,732	,504
	Фактор Е	1,000	1,000	5,770	,961
	Фактор F	1,000	1,000	,152	,999
	Фактор G	1,000	1,000	69,977	,671
	Фактор H	1,000	1,000	10,729	,930
	Фактор I	1,000	1,000	,152	,999
	Фактор L	1,000	1,000	4,426	,970
	Фактор M	1,000	1,000	,220	,998
	Фактор N	1,000	1,000	19,722	,879
	Фактор O	1,000	1,000	122,050	,540
	Фактор Q1	1,000	1,000	29,464	,829
	Фактор Q2	1,000	1,000	,152	,999
	Фактор Q4	1,000	1,000	95,967	,598
	Рефлексивность	1,000	1,000	104,832	,577
	Жизнеспособность	1,000	1,000	123,386	,537
	Фактор Q3	1,000	1,000	139,472	,506
1	Фактор А	1,000	1,000	3,467	,492
	Фактор Е	,995	,995	1,419	,499
	Фактор F	,985	,985	1,259	,500
	Фактор G	,956	,956	23,817	,432
	Фактор H	,964	,964	,595	,502
	Фактор I	,985	,985	1,259	,500
	Фактор L	,997	,997	4,039	,490
	Фактор M	,970	,970	2,729	,495
	Фактор N	1,000	1,000	9,621	,472
	Фактор O	,890	,890	29,783	,417
	Фактор Q1	,962	,962	6,894	,481
	Фактор Q2	,985	,985	1,259	,500
	Фактор Q4	,854	,854	18,012	,447
	Рефлексивность	,981	,981	40,909	,392
	Жизнеспособность	,900	,900	32,450	,411
Фактор Q3	,931	,931	40,902	,392	
2	Фактор А	1,000	,981	3,267	,383
	Фактор Е	,993	,976	1,718	,387
	Фактор F	,984	,966	,848	,389
	Фактор G	,927	,927	12,073	,361
	Фактор H	,931	,931	2,842	,384
	Фактор I	,984	,966	,848	,389
	Фактор L	,994	,978	4,413	,380
	Фактор M	,967	,950	1,262	,388
	Фактор N	,996	,978	5,726	,376

Продолжение приложения Д

Шаг		Толерантность	Мин. Толерантность	F-исключения	λ-Уилкса
2	Фактор О	,890	,875	23,152	,337
	Фактор Q1	,957	,948	3,831	,381
	Фактор Q2	,984	,966	,848	,389
	Фактор Q4	,854	,841	15,424	,353
	Жизнеспособность	,851	,851	14,439	,355
	Фактор Q3	,911	,911	24,651	,334
3	Фактор А	,954	,869	4,055	,324
	Фактор Е	,992	,910	1,742	,330
	Фактор F	,959	,888	2,404	,328
	Фактор G	,792	,779	7,441	,317
	Фактор H	,931	,885	2,027	,329
	Фактор I	,959	,888	2,404	,328
	Фактор L	,990	,907	4,397	,324
	Фактор M	,958	,902	2,217	,329
	Фактор N	,989	,904	3,543	,326
	Фактор O	,843	,843	12,568	,306
	Фактор Q1	,937	,892	2,301	,328
	Фактор Q2	,959	,888	2,404	,328
	Фактор Q4	,813	,813	8,272	,315
	Жизнеспособность	,838	,838	9,244	,313
4	Фактор А	,952	,828	4,109	,298
	Фактор Е	,992	,843	1,647	,303
	Фактор F	,954	,839	2,868	,300
	Фактор G	,771	,759	6,210	,294
	Фактор H	,897	,813	,598	,305
	Фактор I	,954	,839	2,868	,300
	Фактор L	,990	,843	4,315	,297
	Фактор M	,956	,831	1,659	,303
	Фактор N	,985	,839	2,556	,301
	Фактор Q1	,930	,837	1,705	,303
	Фактор Q2	,954	,839	2,868	,300
	Фактор Q4	,738	,738	6,452	,293
	Жизнеспособность	,831	,807	6,814	,292
5	Фактор А	,945	,806	4,114	,284
	Фактор Е	,990	,804	1,287	,290
	Фактор F	,948	,802	2,314	,288
	Фактор G	,758	,758	5,694	,281
	Фактор H	,895	,793	,415	,291
	Фактор I	,948	,802	2,314	,288
	Фактор L	,985	,805	4,548	,283
	Фактор M	,956	,789	1,690	,289
	Фактор N	,982	,807	2,929	,286
	Фактор Q1	,927	,794	1,955	,288
	Фактор Q2	,948	,802	2,314	,288
	Фактор Q4	,736	,736	6,363	,280

Окончание приложения Д

Шаг		Толерантность	Мин. Толерантность	F-исключения	λ-Уилкса
6	ФакторА	,945	,736	3,852	,272
	ФакторЕ	,990	,736	1,284	,277
	ФакторF	,940	,730	2,832	,274
	ФакторG	,755	,734	6,057	,268
	ФакторH	,894	,736	,362	,279
	ФакторI	,940	,730	2,832	,274
	ФакторL	,984	,735	4,009	,272
	ФакторM	,955	,736	1,731	,276
	ФакторN	,980	,735	2,942	,274
	ФакторQ1	,925	,735	2,116	,275
	ФакторQ2	,940	,730	2,832	,274
7	ФакторА	,945	,720	3,447	,262
	ФакторЕ	,990	,734	1,262	,266
	ФакторF	,940	,728	2,830	,263
	ФакторH	,889	,730	,463	,267
	ФакторI	,940	,728	2,830	,263
	ФакторL	,983	,733	3,588	,261
	ФакторM	,954	,734	1,724	,265
	ФакторN	,963	,732	2,782	,263
	ФакторQ1	,916	,733	1,508	,265
	ФакторQ2	,940	,728	2,830	,263

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Поточечные статистики

Номер наблюдения	Фактическая группа	Наивероятнейшая группа				Дискриминантные баллы	
		Предсказанная группа	P (D>d G = g)		P (G = g D=d)	Функция 1	Функция 2
			p	ст.св.			
1	1	2**	,155	2	,901	,269	2,197
2	1	2**	,445	2	,827	,342	1,389
3	2	2	,850	2	,745	-1,043	,496
4	1	1	,073	2	,662	,566	-2,050
5	3	3	,774	2	,534	-1,773	,291
6	3	2**	,301	2	,924	-,821	1,928
7	2	2	,419	2	,753	,526	1,272
8	1	2**	,970	2	,804	-,481	,171
9	1	1	,473	2	,749	1,411	,959
10	2	2	,875	2	,723	-,867	,077
11	1	1	,849	2	,969	1,986	-,735
12	1	2**	,000	2	,736	1,324	4,209
13	1	1	,364	2	,598	,671	-,934
14	2	2	,356	2	,862	,284	1,634
15	1	1	,579	2	,771	1,037	-,802
16	2	2	,486	2	,614	,306	-,493
17	2	2	,767	2	,746	-1,154	,690
18	2	1**	,304	2	,805	1,646	1,353
19	2	1**	,596	2	,992	2,544	-,940
20	1	2**	,142	2	,602	,966	1,763
21	1	1	,388	2	,700	,825	-1,065
22	2	2	,364	2	,521	-1,865	,733
23	2	2	,043	2	,708	,947	2,484
24	1	1	,041	2	,994	3,338	1,887
25	1	1	,696	2	,888	1,377	-,866
26	2	2	,779	2	,895	-,276	1,094
27	2	2	,797	2	,894	-,330	1,074
28	1	2**	,450	2	,776	-1,385	1,296
29	1	1	,587	2	,667	,892	-,492
30	2	1**	,257	2	,945	2,270	1,426
31	2	1**	,935	2	,969	2,045	-,500
32	2	3**	,887	2	,611	-1,503	-,587
33	2	2	,493	2	,504	-1,659	,280
34	2	2	,518	2	,541	-1,081	-,560
35	1	3**	,666	2	,517	-1,141	-,789
36	1	1	,844	2	,880	1,423	-,543
37	1	2**	,821	2	,868	-,070	,894

Продолжение приложения Е

38	2	2	,737	2	,790	,246	,710
39	2	2	,485	2	,686	-,084	-,720
40	1	1	,680	2	,695	1,135	,300
41	1	1	,051	2	,997	2,487	-2,537
42	2	1**	,238	2	,855	1,840	1,520
43	2	1**	,530	2	,988	2,724	,565
44	2	1**	,274	2	,866	1,124	-1,599
45	2	2	,587	2	,870	,108	1,266
46	2	1**	,344	2	,856	1,784	1,284
47	2	2	,454	2	,670	,636	,999
48	3	2**	,803	2	,751	-,464	-,246
49	2	2	,437	2	,888	,120	1,556
50	2	1**	,197	2	,665	1,389	1,563
51	2	2	,500	2	,633	-,659	-,747
52	2	2	,547	2	,651	,588	,680
53	2	1**	,008	2	,886	2,300	2,893
54	2	1**	,338	2	,678	1,321	1,191
55	2	1**	,768	2	,750	1,148	-,123
56	1	1	,700	2	,756	1,300	,444
57	2	2	,642	2	,730	-,183	-,477
58	2	2	,620	2	,691	,156	-,328
59	1	2**	,433	2	,637	,693	,967
60	3	3	,883	2	,558	-1,688	,019
61	2	3**	,060	2	,446	-,356	-2,152
62	1	1	,214	2	,678	,699	-1,479
63	2	2	,105	2	,505	,102	-1,624
64	3	3	,415	2	,864	-1,823	-1,721
65	3	1**	,431	2	,881	1,837	1,121
66	2	1**	,123	2	,974	1,712	-2,216
67	1	2**	,814	2	,683	-1,060	,149
68	3	3	,035	2	,425	-,252	-2,354
69	1	2**	,112	2	,888	,377	2,327
70	3	2**	,364	2	,565	-,743	-,981
71	1	1	,732	2	,989	2,452	-,712
72	1	1	,477	2	,993	2,509	-1,212
73	3	3	,961	2	,797	-2,238	-,375
74	2	2	,392	2	,910	-,844	1,734
75	2	2	,521	2	,663	,152	-,536
76	2	2	,725	2	,841	-,943	1,069
77	2	2	,129	2	,854	,484	2,198
78	2	1**	,822	2	,793	1,250	-,127
79	1	1	,618	2	,829	1,173	-,862

Продолжение приложения Е

80	1	1	,311	2	,549	,579	-,988
81	2	2	,695	2	,900	-,191	1,220
82	1	1	,252	2	,998	3,111	-1,281
83	3	2**	,875	2	,722	-,900	,119
84	1	2**	,169	2	,748	,703	1,885
85	2	1**	,594	2	,611	,854	-,220
86	1	2**	,299	2	,530	,362	-,890
87	2	2	,218	2	,885	,289	1,984
88	2	1**	,648	2	,959	2,220	,690
89	3	3	,185	2	,977	-2,994	-1,916
90	3	3	,964	2	,807	-2,205	-,507
91	3	3	,957	2	,640	-1,835	-,131
92	3	3	,070	2	,929	-1,773	-2,701
93	3	3	,725	2	,911	-2,634	-,829
94	3	3	,946	2	,707	-2,066	-,088
95	3	3	,886	2	,721	-1,706	-,827
96	3	3	,466	2	,534	-2,069	,830
97	3	2**	,621	2	,568	-1,423	,173
98	3	2**	,337	2	,512	-1,910	,767
99	3	3	,781	2	,719	-1,600	-1,008
100	3	3	,659	2	,907	-2,868	-,348
101	3	3	,968	2	,739	-2,114	-,201
102	3	3	,641	2	,864	-2,792	,036
103	3	3	,950	2	,786	-2,247	-,271
104	3	3	,920	2	,672	-2,006	,005
105	3	3	,755	2	,762	-2,412	,194
106	3	3	,674	2	,680	-1,421	-1,111
107	3	3	,573	2	,800	-2,666	,380
108	3	3	,735	2	,898	-2,740	-,447
109	3	3	,654	2	,906	-2,371	-1,225
110	3	3	,871	2	,859	-2,301	-,797
111	3	3	,782	2	,896	-2,590	-,700
112	3	3	,819	2	,854	-2,160	-1,001
113	3	3	,740	2	,616	-2,043	,369
114	3	2**	,137	2	,614	-2,085	1,594
115	3	2**	,162	2	,503	-2,199	1,244
116	3	3	,386	2	,945	-2,521	-1,661
117	3	3	,163	2	,923	-1,931	-2,306
118	3	3	,843	2	,519	-1,373	-,366
119	3	3	,980	2	,677	-1,766	-,463
120	3	3	,898	2	,684	-2,069	,047
121	3	3	,855	2	,869	-2,367	-,782

Продолжение приложения Е

122	3	3	,804	2	,808	-2,487	-,010
123	3	3	,864	2	,698	-1,629	-,833
124	3	2**	,583	2	,535	-1,460	,078
125	3	3	,507	2	,943	-2,687	-1,309
126	3	3	,932	2	,829	-2,322	-,480
127	3	3	,819	2	,863	-2,227	-,972
128	3	3	,862	2	,594	-1,851	,132
129	3	2**	,516	2	,529	-1,626	,341
130	3	3	,621	2	,931	-2,723	-1,005
131	3	3	,665	2	,896	-2,844	-,233
132	3	3	,838	2	,770	-1,801	-,975
133	3	3	,878	2	,861	-2,432	-,581
134	3	3	,974	2	,665	-1,879	-,186
135	2	2	,557	2	,526	-1,248	-,344
136	2	3**	,780	2	,506	-1,672	,244
137	2	2	,589	2	,839	-1,071	1,257
138	2	2	,139	2	,540	-,346	-1,567
139	2	2	,265	2	,753	-1,630	1,569
140	2	2	,426	2	,552	-1,756	,688
141	2	2	,924	2	,859	-,606	,792
142	2	2	,261	2	,819	-1,449	1,736
143	2	2	,372	2	,928	-,656	1,811
144	2	2	,566	2	,549	-1,536	,281
145	2	2	,818	2	,791	-1,008	,763
146	2	2	,674	2	,905	-,529	1,303
147	2	2	,712	2	,625	-1,274	,202
148	2	2	,971	2	,845	-,246	,482
149	2	2	,975	2	,826	-,294	,285
150	2	2	,859	2	,717	-1,007	,262
151	2	2	,662	2	,737	-1,279	,846
152	2	2	,918	2	,768	-,616	,026
153	2	2	,722	2	,864	-,836	1,140
154	2	2	,740	2	,738	-,430	-,358
155	2	3**	,976	2	,790	-2,174	-,433
156	2	2	,601	2	,623	-1,478	,551
157	2	2	,595	2	,878	-,875	1,355
158	2	3**	,593	2	,807	-1,718	-1,396
159	2	2	,050	2	,928	-1,285	2,726
160	2	2	,869	2	,777	-,389	-,106
161	2	2	,907	2	,745	-,796	,112
162	2	2	,936	2	,764	-,776	,211
163	2	2	,527	2	,499	-1,554	,066

Проложение приложения Е

164	2	2	,921	2	,870	-,262	,759
165	2	2	,908	2	,744	-,862	,204
166	2	2	,890	2	,879	-,437	,897
167	2	3**	,859	2	,544	-1,406	-,427
168	2	2	,534	2	,499	-1,520	,005
169	2	3**	,915	2	,565	-1,576	-,218
170	2	3**	,708	2	,720	-2,342	,335
171	2	3**	,141	2	,750	-1,090	-2,181
172	2	3**	,940	2	,702	-1,729	-,669
173	2	2	,751	2	,662	-,917	-,200
174	2	2	,894	2	,757	-,631	-,030
175	2	3**	,971	2	,681	-1,946	-,158
176	2	3**	,902	2	,563	-1,663	-,054
177	2	3**	,991	2	,720	-1,876	-,513
178	2	2	,793	2	,842	,070	,820
179	2	2	,607	2	,588	-1,477	,370
180	2	2	,446	2	,889	-,953	1,596
181	2	2	,963	2	,785	-,689	,240
182	2	2	,471	2	,787	-1,339	1,290
183	2	2	,561	2	,709	-,154	-,608
184	2	3**	,849	2	,763	-1,789	-,948
185	2	3**	,447	2	,565	-2,166	,850
186	2	2	,903	2	,874	-,490	,868
187	2	2	,407	2	,929	-,573	1,754
188	2	2	,309	2	,617	-,396	-1,113
189	2	2	,604	2	,581	-1,049	-,410
190	2	3**	,864	2	,525	-1,585	-,009
191	2	2	,796	2	,691	-1,151	,348
192	2	2	,311	2	,881	-1,137	1,797
193	1	1	,590	2	,984	2,155	-1,162
194	1	1	,595	2	,986	2,247	-1,122
195	1	1	,507	2	,920	1,439	-1,257
196	1	1	,291	2	,999	3,276	-,883
197	1	1	,755	2	,990	2,622	-,218
198	1	1	,963	2	,899	1,619	-,071
199	1	1	,873	2	,920	1,596	-,616
200	1	1	,823	2	,963	1,898	-,797
201	1	1	,636	2	,642	,922	-,164
202	1	1	,125	2	,928	2,249	1,829
203	1	1	,692	2	,993	2,711	-,363
204	1	1	,819	2	,986	2,354	-,586
205	1	1	,503	2	,991	2,826	,509

Продолжение приложения Е

206	1	1	,818	2	,941	1,993	,448
207	1	1	,484	2	,996	2,903	-,801
208	1	1	,513	2	,996	2,848	-,797
209	1	1	,298	2	,999	3,381	-,563
210	1	1	,047	2	1,000	3,878	-1,628
211	1	1	,767	2	,985	2,290	-,773
212	1	1	,895	2	,974	2,262	,092
213	1	1	,590	2	,993	2,851	,141
214	1	1	,912	2	,948	1,995	,238
215	1	1	,550	2	,985	2,639	,607
216	1	1	,353	2	,983	2,694	1,012
217	1	1	,896	2	,963	2,138	,212
218	1	1	,602	2	,954	1,705	-1,167
219	1	1	,769	2	,983	2,234	-,802
220	1	1	,976	2	,920	1,744	,002
221	1	1	,862	2	,834	1,430	,144
222	1	1	,884	2	,963	1,923	-,669
223	1	1	,910	2	,980	2,285	-,319
224	1	1	,938	2	,976	2,227	-,227
225	1	1	,822	2	,987	2,437	-,449
226	1	1	,831	2	,942	1,703	-,759
227	1	1	,477	2	,996	3,065	,076
228	1	1	,893	2	,960	1,890	-,650
229	1	1	,522	2	,984	2,148	-1,281
230	1	1	,919	2	,976	2,173	-,459
231	1	1	,781	2	,989	2,575	-,223
232	1	1	,630	2	,980	2,502	,554
233	1	1	,475	2	,995	2,696	-1,075
234	1	1	,803	2	,987	2,524	-,050
235	1	1	,643	2	,989	2,365	-,977
236	1	1	,654	2	,988	2,355	-,960
237	1	1	,455	2	,997	3,124	-,059
238	1	1	,429	2	,970	2,430	1,002
239	1	1	,688	2	,789	1,408	,554
240	1	1	,873	2	,973	2,275	,157
241	1	1	,539	2	,996	2,824	-,753
242	1	1	,409	2	,951	1,601	-1,483
243	1	1	,938	2	,976	2,227	-,227
244	1	1	,924	2	,922	1,808	,218
245	1	1	,831	2	,942	1,703	-,759
246	1	1	,561	2	,974	2,436	,742
247	1	1	,893	2	,960	1,890	-,650

Окончание приложения Е

248	1	1	,636	2	,642	,922	-,164
249	1	1	,125	2	,928	2,249	1,829
250	1	1	,692	2	,993	2,711	-,363
251	1	1	,819	2	,986	2,354	-,586
252	1	1	,919	2	,976	2,173	-,459
253	1	1	,781	2	,989	2,575	-,223
254	1	1	,630	2	,980	2,502	,554
255	1	1	,475	2	,995	2,696	-1,075
256	1	1	,688	2	,993	2,733	-,272
257	1	1	,812	2	,979	2,155	-,755
258	1	1	,941	2	,961	1,936	-,516
259	1	1	,605	2	,989	2,705	,386
260	1	1	,435	2	,995	3,059	,336
261	1	1	,985	2	,961	2,036	-,112
262	1	1	,873	2	,973	2,275	,157
263	1	1	,539	2	,996	2,824	-,753
264	1	1	,409	2	,951	1,601	-1,483
265	2	2	,557	2	,526	-1,248	-,344
266	2	3**	,780	2	,506	-1,672	,244
267	2	2	,589	2	,839	-1,071	1,257
268	2	2	,139	2	,540	-,346	-1,567
269	2	2	,265	2	,753	-1,630	1,569
270	2	2	,426	2	,552	-1,756	,688
271	2	2	,924	2	,859	-,606	,792
272	2	2	,261	2	,819	-1,449	1,736
273	2	2	,372	2	,928	-,656	1,811
274	3	3	,654	2	,892	-2,242	-1,277
275	3	2**	,875	2	,722	-,900	,119
276	3	3	,957	2	,640	-1,835	-,131
277	3	3	,466	2	,534	-2,069	,830
278	3	3	,641	2	,864	-2,792	,036
279	3	3	,950	2	,786	-2,247	-,271
280	3	3	,920	2	,672	-2,006	,005
281	3	3	,674	2	,680	-1,421	-1,111
282	3	3	,871	2	,859	-2,301	-,797
283	3	3	,819	2	,854	-2,160	-1,001
284	3	3	,740	2	,616	-2,043	,369
285	3	2**	,162	2	,503	-2,199	1,244
286	3	3	,163	2	,923	-1,931	-2,306
287	3	3	,855	2	,869	-2,367	-,782
288	3	3	,838	2	,770	-1,801	-,975
289	3	3	,878	2	,861	-2,432	-,581